

2024

ТОМ: 5

■
ГОМЕР: 3

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 3. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 3. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том V. № 3. 2024.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

• **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
• **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психолого-аналитического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том V
№ 3.2024**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Тьерри Бокановски
Переносы 5

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Усманова Л. Р.
Время и психика 19

Дудина Д. В.
Предиспозиция к садомазохистической организации в контексте
сублингвовых конструкций. Часть I 48

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Грачева Д. Д.
Психоаналитическое исследование аутизма 65

Стазаева А. А.
Между психическим и биологическим: анализ возможных причин
ненаступления беременности у женщин фертильного возраста 89

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Филиппова М. М.
Слои смыслов в «Скорби и меланхолии» Зигмунда Фрейда 119

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Митяева А. О., Олесова Е. В.
Психоаналитическое в картинах Эгона Шиле 132

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Переносы

Тьерри Бокановски

(Пер. с фр., науч. ред.: А. В. Стукало)

Тьерри Бокановски – психиатр, психоаналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации, бывший член публикационного совета Международной психоаналитической ассоциации, бывший научный секретарь Парижского института психоанализа, бывший редактор журнала «La Revue Française de Psychanalyse», автор многочисленных книг и статей.

Данный текст, являясь главой книги¹, посвящен одному из ключевых психоаналитических понятий – переносу, который в ходе аналитической работы приобретает разнообразные формы, в том числе негативные, понимание и интерпретация которых, согласно автору, является «королевской дорогой аналитического процесса».

Ключевые слова: перенос, контрперенос, негативный перенос, перенос отреагированный в повторении, перенос негативного / негативизирующий перенос, сопротивление переносом, сопротивление переносу, любовный перенос, любовь в переносе, латеральный перенос.

«В основе каждого сновидения, каждого фантазма, каждой идеи, каждого воспоминания, каждого переноса лежит ограничение реальным, реальность, которая функционирует как предел, при условии, что каждая из только что перечисленных психических функций: сновидение, фантазм, воспоминание и т. д. – сама по себе составляет психическую реальность, внутри которой реальность-предел функционирует как противодействующее и взаимодействующее с субъективным».
Мишель Нейро

¹ Bokanowski T. (2015). Le processus analytique: voies et parcours. Paris: PUF, Fil rouge. P. 143–159.

Перенос является одной из четырех «сторон света», организующих векторы аналитического поля, вместе с контрпереносом, который является его респондентом и его контрапунктом (*Neyraut, 1974*), с интерпретацией, которая придает ему смысл, и с кадром, который является хранителем «части не-Я пациента» (*Bleger, 1967*). Его развертывание и интерпретация в процессе лечения способствуют развитию аналитического процесса. Одно и другое предоставляют пациенту возможность распутать и проработать психические конфликты, которые повторяются в его отношениях к аналитику, так как эта переносная *связь* позволяет ему обрести новые способы понимания как процессов, используемых потомками влечений своего бессознательного, так и либидинозных движений, которые оживляют его психическое функционирование с детства.

Перенос – результат навязчивой тенденции человеческого существа повторять (навязчивое повторение) переживания его «инфантильного – сексуального травматического» прошлого. Он приводит в движение как аффекты (эмоции и чувства), так и репрезентации, являющиеся результатом фантазматической бессознательной организации детской истории, то есть истории отношений субъекта с его объектами прошлого – внутренними и внешними, которые были значимо инвестированы любовью и ненавистью.

Будучи бессознательным организатором аналитической ситуации (*Gantheret, 1996*), перенос, таким образом, является *обобщающим*² термином, который обозначает, конденсирует и объединяет различные вариации *процесса*, являющегося сущностью *психоаналитического лечения*, классической моделью которого является *невроз переноса*, потому что именно в этом кадре перенос позволяет увидеть в действии бессознательные желания пациента, связанные с инфантильными конфликтами влечений, которые и образуют невроз переноса.

Перенос у З. Фрейда

Как напоминают Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис в «Психоаналитическом словаре» (*Laplanche, Pontalis, 1967*), З. Фрейд первоначально использует термин *перенос* для объяснения того, что происходит, когда пациент «перемещает на личность врача» *бессознательные представления*. В то время З. Фрейд рассматривает перенос как локализованный феномен, являющийся в некотором смысле частью выражения *симптомов* пациентов; поэтому он часто использует этот термин во *множественном числе*.

Об этом свидетельствует цитата из описания анализа *Доры* (*Freud, 1905*): «Что такое переносы? Это переиздания, копии движений и фантазмов, которые должны быть пробуждены и осознаны по мере продвижения анализа; что характерно для их вида, так это подмена личностью врача личности, известной ранее». Даже если мы заметим, что З. Фрейд действительно представляет перенос как главный элемент лечебного

---

² Здесь и далее курсив сохранен как в оригинальном тексте. – Прим. пер.

процесса, он в тот момент еще не рассматривает его как часть *сущности* терапевтических отношений³.

Однако на вечере в Венском психоаналитическом обществе в январе 1907 года – через два года после лечения *Доры* – он представляет свою концепцию психоаналитического лечения и его терапевтического действия, выдвигая идею о том, что *главным инструментом* является *анализ переноса*, который является *любовным переносом*: «Есть только одна сила, способная преодолеть сопротивления, это перенос, который позволяет пациенту отказаться от своих сопротивлений через любовь к нам. Наши лечения – это лечения любовью. Все, что нам остается, это работа по устранению *личных* сопротивлений (сопротивлений переносу). Мы можем исцелить настолько, насколько простирается перенос⁴».

Однако мы должны дождаться его «*Записок по технике*» и, в частности, «*Динамики переноса*» (Freud, 1912), чтобы он полностью объяснил *воздействия функционирования переноса в лечении*: если он является, естественно, «мотором», «лучшим инструментом», то есть «самой мощной силой» для продвижения лечения, он тем не менее – одна из его величайших угроз из-за своей негативной стороны, связанной с амбивалентностью или с вытесненными эротическими элементами (Freud, 1914 [1915]).

В последующие годы, начиная с момента, который стал называться «поворотным моментом 1920 года» (но который, по сути, начался с 1915 года, когда была принята во внимание концепция нарциссизма – *нарциссическая инстанция*), З. Фрейд подчеркивает, что к негативному значению, которое могут принять некоторые аспекты переноса, иногда добавляются *негативирующие* движения, выражением которых может быть перенос. Эти движения по большей части связаны с *agir en* («отреагирование переноса» или «действие»), а также с навязчивым повторением (в его отрицательной и смертоносной версии), так как эта *негативность* связана с *деструктивностью* (выражение *влечения смерти*), как он объясняет это в своей книге «*По ту сторону принципа удовольствия*» (Freud, 1920). С тех пор он пытается объяснить, что перенос больше не является только результатом лечения, но также является индикатором внутренних преобразований либидо, потому что то, что *может быть перенесено* и что переносится, – это влечения.

Таким образом, из метапсихологических перестроек второй теории влечений устанавливается фундаментальное различие между, как это подчеркивает К. Жанен (Janin, 2000), *негативными переносами* и *переносами,отреагированными в повторении*, то есть:

– *негативные переносы* – это переносы, чья отрицательная валентность отсылает к диалектической игре между нежными/любовными и

³ Это даже могло подтолкнуть его несколько лет спустя к тому, чтобы признаться О. Пфистеру: «Что касается переноса, то это настоящий крест» (письмо от 5 июня 1910 года, в «Переписке Зигмунда Фрейда с пастором Пфистером (1909–1939)» (Freud, 1966) – Прим. авт.

⁴ См. Первые психоаналитики // Протоколы Венского психоаналитического общества. Т. 1. 1906–1908 (*Les Premiers Psychanalystes*, 1976). – Прим. авт.

агрессивными/враждебными содержаниями, которые иногда могут принимать шумные и чрезмерные формы; связанные с *амбивалентностью* (любовь/ненависть по отношению к объекту), они вписаны в рамки переносных движений, которые по мере продвижения лечения и снятия вытесняющего действия позволяют произойти одновременно воспоминанию, проработке и репрезентации. Эти переносы имеют свойство быть связанными со *смыслом* через репрезентацию вещей и слов, через речь, через вытесненное, через систему предсознательное-сознательное, и все это вместе – с диалектикой «принцип удовольствия / принцип неудовольствия»;

– переносы, отреагированные в повторении, связаны с динамикой влечения, то есть с силой, связанной с Оно (деструктивностью), которая приводит «по ту сторону» (или «по эту») «принципа удовольствия / принципа неудовольствия». Эти переносы – часто закрепленные в насильственных и/или страстных регистрах – являются *негативирующими* переносами, которые отражают *первичную ненависть*, связанную с превращениями неудач базовых (*первичных*) отношений с объектом; эта ненависть (будь то цветная, или белая и холодная, шумная или немая и т. д.) связана преимущественно с *нарциссическим* типом защиты, которая перед лицом инаковости и страха зависимости ставит под сомнение саму по себе *переносность*, то, что вводит вопрос о *деструктивности* – влечении смерти, – которая обрекает на неудачу то, что является порядком причинности в отношениях, которые могли бы возникнуть из переносной связи (*дезобъектализация*) (Green, 2007).

Более того, начиная с концептуальной перестройки второй теории влечений и до своих последних работ З. Фрейд принимает во внимание тот факт, что развитие анализа разыгрывается между двумя главными героями аналитической сцены на *арене* переноса: как в своем измерении ожидания, так и в измерении отказа он [перенос]⁵ адресован психоаналитику, который одновременно становится и отправителем, и получателем.

Переносы и «двусторонний» процесс

Организованный по модели, предложенной З. Фрейдом для сновидения (Freud, 1900), перенос – благодаря механизму смещения с одного изображения на другое – проявляется как такое движение или смещение инвестиций различных *имаго* пациента на аналитика. Из-за эффектов цензуры и вытеснения (Le Guen et al., 1986), которые служат сопротивлению и воспоминанию, он приводит к различным временным измерениям – фрагментированной темпоральности (Green, 2000a) – среди прочего фактом своих резонансов в *après-coup* (в последствии).

Он постоянно оказывает свои влияния на ход лечения, являясь отражением бессознательной организации субъекта, выражая себя как в речи, так и на объекте. Поскольку повторение присуще регистру влечений,

---

⁵ Здесь и далее в квадратных скобках добавлены уточнения переводчика. – Прим. пер.

перенос приводит в действие репрезентации и аффекты, исходящие из *Инфантильного* пациента, «психического места первых и непредставимых проявлений влечений в виде инфантильных сексуальных теорий, с одной стороны, и мнестических следов, с другой» (Guignard, 1996). *Перенос Инфантильного* делает возможной передачу аналитику как новому объекту инвестирования⁶ следов привязанностей субъекта к своим объектам прошлого в уникальной, но также и в более оригинальной форме в связи с тем, что она [форма] выражается именно с этим аналитиком. Вследствие того, что в переносе аналитик является одновременно актуальными реальным объектом и при этом преимущественно опорой для проекций фантазматического объекта, можно думать, что именно в этом *разрыве* разыгрывается конфликтная динамика, характерная для психоаналитического процесса (Perron-Borelli, 2005).

В связи с тем, что аналитик стал личностью и местом, предназначенными для получения *отношений с интернализированными объектами пациента*, перенос временами будет принимать отцовский, материнский, братский и т. д. облик, в зависимости от того, какие конфликтные уровни разыгрываются, будет соткан из аффективных окрасок, которые могут варьировать от нежности до ненависти. В результате мы можем наблюдать в одном сеансе или в последовательности нескольких сеансов появление *различных типов переносов*, чьи аффективная тональность и репрезентативная актуальность позволяют проследить значимые смещения, которые могут появиться между различными уровнями конфликтов (архаический, нарциссический, эротический, эдипальный и прочие).

Но перенос может также обозначать для пациента связь, которую поддерживает прежний ребенок в нем, который зависел от взрослых – чьи внутренние объекты сегодня являются его [ребенка] наследниками, – с тем [ребенком], кто находится во взрослом, которым он стал. Именно эта связь часто является местом наиболее важных и наиболее болезненных конфликтов.

Как двигатель лечения перенос занимает множество положений в *процессах трансформации*. На службе у сопротивления, связанного с психическими конфликтами субъекта, он *препятствует* ассоциативной активности и воспоминанию. В связи с тем, что он является повторением первоначальных конфигураций, которые связали влечение с его объектами, он может оказаться *препятствием* процессам трансформации. Но из-за того, что это повторение возникает в самом пространстве лечения и в отношениях с объектом-аналитиком, именно перенос остается преимущественным инструментом для придания смысла представлению, для осознания и трансформации.

Таким образом, перенос представляется как *двусторонний процесс* (Roussillon, 2004):

---

⁶ Здесь и далее французское слово «l'investissement» переведено как инвестирование или инвестиции в зависимости от контекста. – Прим. пер.

– с одной стороны, это повторение, переиздание исторической ситуации уникального состава субъективного опыта, в котором часть психической реальности стремится воспроизвестись идентично;

– с другой стороны, это восстановление, возобновление, пересоздание, потенциальный второй шанс, дарованный тупикам предыдущего субъективного опыта, который может найти новые пути выхода из прошлых случайностей и превратностей.

Если он включает в себя уверенность в повторении – «перенос сам по себе лишь фрагмент повторения, а повторение – это перенос забытого прошлого» (*Freud, 1914b*), – он дает еще один шанс нерешенному и неизвестному, с риском очередного разочарования. Это равновесие и баланс, но также и диалектика, устанавливающаяся между этими *двумя сторонами переноса*, которые *регулируют процесс*: слишком много идентичного повторения, и ситуация угрожает потерять свои аналитические достоинства, свои потенциалы освобождения, слишком мало актуализации, и она [ситуация] рискует потерять свою преобразующую способность.

Напомним, кроме того, что М. Буве предложил различие переноса и процессуального действия, ставшее классическим, то есть это различие между *сопротивлениями переносу* и *сопротивлениями переносом*. Первые могут привести к очевидному отсутствию аффективного участия и интеллектualiзации, тогда как вторые могут проявиться в склонности к вторгающимся эмоциям: избыток чувствуемого и переживаемого могут мешать пониманию самого себя и привести к потере интереса к прошлому.

Сегодня это описание, направленное на различие двух типов сопротивлений связи субъекта с его объектом переноса, остается в силе, если принимать во внимание, что:

– сопротивления переносу будут обозначать те, которые часто напоминают недоверие субъекта к болезненной составляющей, вызванной *ситуацией зависимости*. В связи с этим они могут быть выражены «коркой понеделника» (*Freud, 1913*) из-за прерывания в конце недели или наблюдаться в связи с любой разлукой. Также они могут проявиться после плодотворной перерабатывающей работы (осознание, *инсайт*) через контрассоциативное движение пациента («я... не...», «я не помню», «я не знаю», «я не вижу», «я не понимаю»), которое направлено на то, чтобы изгнать или разрушить чувство, что достижения и надежды на трансформацию зависят от связи с объектом;

– сопротивления переносом используют последний, чтобы избежать воспоминаний и переработки внутриспсихических конфликтов. Так обстоит дело с любовью в переносе (*Freud, 1915*), которая приводит к сопротивлениям объектной любви через эротизацию: источник негативности, эротический перенос часто является прерогативой латентного *переноса первичной ненависти*. Являясь переносом страстного типа, организованным вокруг контринвестирования возбуждения (*Cournut, 1991*), эротический перенос отражает действие *расщеплений* субъекта, которые снова актуализируются в повторении перцептивных и галлюцинаторных следов. Мы также можем стать свидетелями «переносов через поворот», которые из-за навязчивого повторения возвращаются в область лечения:

«поворот пассивное/активное», направленный на то, чтобы «заставить аналитика пережить опыт, пассивно испытанный исторически в травматическом и необработанном климате того времени» (Roussillon, 1990).

К интрапсихическому измерению переноса добавляется измерение контрпереноса. В *здесь и сейчас* сеансов это новое объединение может быть рассмотрено как интересубъективное измерение аналитического лечения, оно отражает активацию влечений, аффектов и репрезентаций, которые интересуют каждого из главных героев аналитической пары, в том числе их отсутствующих третьих лиц. В любом случае нет процесса, если нет анализа переноса, что подразумевает как анализ переноса, так и анализ в переносе, и, следовательно, в равной мере как анализ *нарциссического* переноса, так и анализ *объектного* переноса, который должен вести к интерпретации *двух потоков переноса*, всегда присутствующих в той или иной пропорции (Godfrind, 1993):

– один, *объектный и символизующий*, является способностью субъекта к репрезентации и символизации, которая [способность] позволяет сформироваться невроту переноса, разворачивающемуся в соответствии с регистром, главным образом в отношении к первичным фантазмам и к Эдипу;

– другой *нарциссический*, то есть более или менее конфликтный в отношении базовых отношений с объектом и сопровождающийся нарушениями символического функционирования; это перенос нарциссической проблематики субъекта; он воспроизводит превратности отношений с первичным объектом во время первичной идентификации субъекта в контакте с объектом.

Это различие позволяет мне поднять вопрос о *любви в переносе* и вопрос о *негативных переносах*, одной из форм выражения которых она может быть.

Любовь в переносе: острый вопрос?

«Заметки о любви в переносе» (Freud, 1914 [1915]) – короткое эссе, в котором З. Фрейд пытается пролить свет на трудности и их последствия, с которыми сталкивается любовный аффект («любовь») – в данном случае *любовная фиксация* пациентки на аналитике: он появляется в переносе и иногда влечет за собой чрезмерности или «отреагирования» с обеих сторон, которые затрудняют или обрекают аналитический процесс на неудачу. Этот текст дополняет предшествующие статьи по технике, которые в основном касаются действия переноса и сопротивлений, к которым он приводит.

Занимаясь примечательным обзором текущего процесса, происходящего до и после того момента, когда возникает «неудержимое требование любви» – такой настоящий «провокактор», потому что это событие сравнимо с «пожарной тревогой во время театральной постановки», которая приостанавливает «пьесу» и влечет за собой «полное изменение сцены», – З. Фрейд предупреждает аналитика: если необходимо признать *подлинность любви в переносе*, которая демонстрирует определенные

черты (этот тип переноса не учитывает реальность, и, следовательно, он увеличивает сопротивление по мере того, как он сам усиливается им), необходимо не упускать из виду то, что любовный перенос может быть направлен как на удовлетворение желания нежности, так и *эротических* желаний, поднимающихся из детства пациентки. Следовательно, необходимо проявлять осторожность в отношении своего *контрпереноса*. Поэтому обязательно правило *воздержания*, базирующееся на *нейтральности*, так как аналитик не должен инвестировать ничего, кроме психического функционирования пациента, потому что нельзя было бы допустить, что он извлекает личную выгоду из ситуации, удовлетворяя свои вытесненные или подавленные нарциссические или эротические желания.

В действительности, если бы аналитик ответил на любовный запрос отреагированием соблазнительного типа – понижая или низводя пациента до уровня простого сексуального объекта, последствия этого были бы очень пагубными для лечения. Ввиду того что, во-первых, это действие затрудняет любые возможности анализировать «повторение», связанное с «определенными ситуациями прошлого и с инфантильными реакциями» пациентки, во-вторых, анализ направлен на устранение инфантильной амнезии, равно как на выявление негативных неосознаваемых желаний.

С тех пор перед З. Фрейдом встает *стратегический* вопрос: *как способствовать развитию этой «реальной» любви, оставаясь при этом на уровне фантазматического бессознательного*, неопределенной стратегии тогда, когда в действительности присутствует функционирование «страстного» типа? «Попытка сохранить любовный перенос в аналитической работе без его удовлетворения» невозможна с «женщинами в положении охваченности страстью, которая не выносит никаких заменителей» и которые «доступны только "логике супа с аргументами фрикаделек", согласно словам поэта».

В связи с поднятыми вопросами и выдвинутыми предложениями это эссе вызывает тройной интерес:

– в первую очередь с точки зрения *техники*, потому что, даже если в то время ему казалось, что это препятствие, З. Фрейд подчеркивает важность *контрпереноса* и, следовательно, необходимость бдительности, которую аналитик должен проявить к нему [контрпереносу], оставаясь при этом в позиции «хозяина» [контрпереноса] и стремясь «доминировать» над ним: аналитическая техника «обязывает» врача «отказать в требуемом удовлетворении пациентке, испытывающей потребность в любви. Лечение должно проходить в условиях воздержания»;

– далее, с точки зрения *практики*, потому что для содействия процессу аналитик должен *принимать любовь в переносе, при этом не отвечая на нее в реальности*, и должен относиться к ней как к *нереальной «реальности»*: «Мы поддерживаем любовный перенос, но рассматриваем его как что-то нереальное, как ситуацию, через которую мы должны пройти в лечении, как то, что необходимо вернуть к бессознательным истокам, и то, что неизбежно поможет тому, что наиболее скрыто в любовной жизни [...]. Чем больше мы производим впечатление стойко выдерживающих

любые искушения, тем больше аналитического содержания мы сможем извлечь из ситуации»;

– наконец, оно позволяет рассмотреть вопрос не с моральной точки зрения, а с *этической*, так как она тесно связана с *техникой*: «Для врача этические мотивы присоединяются к техническим для удерживания его от того, чтобы дать клятву любви больной». Следовательно, аналитик не должен упускать из виду то, что цель лечения состоит в том, чтобы позволить «женщине, ограниченной в способности любить из-за детских фиксаций, достигнуть свободного владения этой функцией»; другими словами, цель лечения стремится к тому, чтобы *любовь к обнаружению и разъяснению конфликтов* посредством анализа *брала верх над любовью в переносе*.

Даже если *любовь в переносе* демонстрирует, как утверждает З. Фрейд, черты «*истинной любви*», сегодня, вероятно, уместно определить значение, которое можно придать слову «*любовь*», когда оно связано со словом «*перенос*», поскольку термин «*любовь в переносе*» может породить определенные двусмысленности. Действительно:

– если мы допустим, что любовь в переносе негласно скрывается в сердце любого развившегося переноса (Parat, 1976), не можем ли мы тогда подумать, что любовь в переносе всегда включает в себя момент *любовного переноса*? То есть момент, когда переносное инвестирование переживается пациентом/пациенткой как влюбленность? Соответственно, не следует ли нам проводить различие между «*любовью в переносе*» и «*состоянием влюбленности в переносе*» (David, 1996)?

– если любовь в переносе чаще всего возникает внезапно, даже грубо, в контексте насилия влечений, что, кажется, З. Фрейд подразумевает в своем эссе, идет ли тогда речь об эмоциональном выражении амбивалентного отношения (любовь/ненависть), которое образует инфантильный невроз? Или о переносе, отмеченном эротизацией, чье «*страстное*» выражение должно было бы занять первый план?

В этом последнем случае способность к переносу, которая приводит к его интерпретации, заменилась «*демоническим*» переносом, который либо не передает много, поскольку стал отреагированным повторением, либо находится захваченным чрезмерным возбуждением, которое затрудняет работу с интерпретацией. Здесь мы узнаем две модальности переноса, описываемые З. Фрейдом начиная с 1920 года: первая, которая относится к принципу удовольствия/неудовольствия, в рамках которого установление переноса отсылает к вытеснению; вторая, которая связана с навязчивым повторением в «*по ту сторону принципа удовольствия*».

Так называемые «негативные» переносы

Негативные переносы происходят из неизбежного повторения в лечении фрустрирующего опыта и недостаточности, связанных с чувством, что объект не удовлетворяет или не соответствует инфантильным ожиданиям. Они отражают противодействующие движения, связанные с амбивалентными бессознательными/предсознательными чувствами, которые

могут выражаться в агрессивной, враждебной, жестокой манере и даже иногда принимают оттенок ненависти («жестокость является латентной силой, лежащей в сердце любого переноса») (Green, 1995).

Однако негативные переносы определяются не только отрицательным и жестоким качеством выражаемых ими чувств, но также тем, что движения, которые их оживляют, препятствуют развитию процесса: как подчеркнул М. Буве (Bouvet, 1954), если фаза негативного переноса временно замедляет процесс, она тем не менее может позволить субъекту осознать свои агрессивные влечения и обозначить таким образом «существенный прогресс», что не будет таковым, когда «некоторые очень сексуализированные фазы позитивного переноса будут являться по сути перерывом в эволюции лечения, и, соответственно, повлекут за собой негативные эффекты». Таким образом, необходимо различать *негативный перенос* (связанный с качеством аффектов, которые в данном случае являются враждебными) и *негативные эффекты переноса*, которые замедляют «психоаналитическую работу»: другими словами «негативность переноса меньше зависит от знака, связанного с его содержанием, чем от негатива его эффектов» (Couvreur, 2000).

Негативные переносы возникают одновременно с позитивными аспектами переноса: *негативные эффекты переноса присущи разворачиванию процесса*. Они полностью участвуют в конфликтной динамике и выражаются либо через *препятствующие* движения, либо через процессуальную *иммобилизацию*, принимая различные формы, прямые и не прямые, в изменяющихся пропорциях:

– либо это личность самого аналитика *напрямую* является мишенью агрессивных, враждебных, ненавистных, завистливых и прочих мыслей и аффектов шумного негативного переноса, который может принять страстную окраску;

– либо, чаще, *непрямые [формы]* проявляются атакой на кадр или на условия, которые находятся в основе управления лечением в его кажущейся «осуществимости» (действия любого рода, касающиеся кадра, такие как отсутствия, задержки, путаница в расписаниях, неоплата сеансов и прочее).

Иногда они могут оставаться замаскированными, скрывающимися под масками притворства, такими как кажущиеся эмоциональные движения позитивного типа, маскирующие эротический перенос, либо под кажущимся сотрудничеством с «*псевдоинсайтами*» и «как будто» аффектами. Такое ложное подчинение процессу, даже личности аналитика, может представлять в действительности скрытый замедленный мятеж против зависимости от объекта и должно быть проанализировано.

Также они могут быть выражены через *латеральные переносы*, которые прежде считались сопротивлениями. Сегодня мы охотно говорим о «*латерализации переноса*», которая кажется неизбежной во время лечения и которая может «обогатить процесс» (Gibeault, Guédeney, Kestemberg, Rosenberg, 1981).

Действительно, негативные процессы в переносе прежде всего стремятся атаковать связи с объектом переноса, которого представляет

аналитик, поскольку они борются с интрапсихическими и интересубъективными связями, которые развиваются по мере того, как продвигается лечение, особенно когда они являются выражением последнего средства против негативного по отношению к характерным недостаткам, вызванным первичным объектом.

Напомню, что М. Кляйн в «Источниках переноса» (*Klein, 1952*) выдвигает идею, что перенос рождается «в тех же процессах, которые на самых ранних стадиях развития определяют отношения с объектом»: понимание между негативными и позитивными переносами может быть только в том случае, если предпринимается попытка открыть взаимодействие между любовью, ненавистью и порочным кругом агрессивности, что позволяет исследование «ранних процессов». Вновь подтверждая силу гипотезы З. Фрейда об «инстинктах жизни и смерти», фундаментальный вклад в понимание «происхождения амбивалентности», она [Кляйн] утверждает, что поскольку любовь и ненависть находятся в постоянном взаимодействии, «позитивный и негативный переносы фундаментально связаны».

Негативные переносы в процессуальном действии

Переносы – как позитивные, так и негативные – являются выражением прогредидентных/регредидентных движений переносности в работе субъекта, связанных с его способностью *перемещать инвестиции*.

Негативные переносы оживляют и поддерживают процесс, являясь *негативными валентностями позитивного переноса*, и вписываются в него как *негативные переносы жизни* (*Cournot, 2000*). При сохранении способности перемещать инвестиции негативные переносы, адресующиеся в амбивалентной манере объекту переноса, остаются вписанными на уровне Эроса; их психические выражения подпитываются явными или неявными упреками, адресованными объекту переноса (определенного переноса); они представляют собой фактор индивидуации – способность думать и говорить «нет», так как *первичная дифференциация Я/не-Я* прежде могла быть установлена. Другими словами, даже если есть очевидная процессуальная децентрализация, которая разрушает иллюзию линейности и непрерывности отношений (как объектных, так и нарциссических), *переносность* сохраняется, потому что негативные переносы остаются *закрепленными в связывании влечений*. Носитель смысла в *après-coup* (в последствии), децентрализация, также может стать творцом в результате интерпретативных повторений и двойного идентифицирующего и контридентифицирующего движения двух партнеров психической сцены (аналитика и пациента). Таким образом, благодаря полю аналитических отношений движения негативного переноса (агрессивные, насильственные, враждебные или ненавистные) в более или менее долгосрочном плане являются трансформируемыми в аффекты и остаются символизированными благодаря интерпретации.

Подводя итог, можно сказать, что в этом типе переноса аффекты негативной коннотации (*чувства враждебности* или *ненависти*) относятся к *психическому страданию*, в противоположность *психической боли*.

Это страдание, связанное с тревогой кастрации и проникновения, а также с тревогой сепарации (которая отсылает к горю), остается «процессуальным», и мы охотно будем говорить в отношении этого об *агрессивных* чувствах, которые выражаются в переносе. Таким образом, можно понимать вариации негативного переноса как движения дезинвестирования психического развития, которые вслед за страхом перемен и развязыванием, которому благоприятствуют регрессивные движения, приводят к сверхинвестированию *агрессивности* и *враждебности*.

Очевидным фактом является то, что чрезмерная молчаливость или интерпретативная скупость могут способствовать ограничению появления новых ассоциативных развертываний, однако не ставя под угрозу процессуальный темп лечения, особенно в случаях психических функционирований, позволяющих установить невроз переноса. При этом невыявление, непризнание, даже сокрытие различных аспектов негативных переносов, независимо от типа психического функционирования субъекта, рискуют привести к вредному препятствию процессу (увязанию или застою) и заложить основу для тупиков или прерываний лечения, поскольку тогда аналитик подвергается болезненному открытию «разрушений, нанесенных без его ведома *диавольской*⁷ алхимией негативных элементов переноса и контрпереноса, которые молчаливо вели свой смертоносный бой в арьергарде» (*Guignard, 2000*).

Ввиду их действия в самом центре анализа мы можем утверждать, что не было бы никакого анализа и процессуального развития, если бы негативные переносы не были бы услышаны и, следовательно, интерпретированы аналитиком. Таким образом, мы можем перейти к тому, что *анализ негативных переносов* является *движущей силой* лечения: точно так же, как интерпретация сновидения является, как пишет З. Фрейд, «королевской дорогой», ведущей к бессознательному, *интерпретация негативных переносов* является «королевской дорогой» *аналитического процесса*.

Однако как таковые *негативные переносы*, которые полностью вписываются в *процессуальное действие* в качестве *негативного действия переноса*, следует отличать от *переносов негативного*, настоящих *негативирующих (деструктивных) переносов*, негативность которых нейтрализует, стерилизует и обездвиживает процесс. Из-за преобладания нарциссической проблематики, объединенной с разрушительными влечениями, которая их [негативирующие переносы] оживляет, они приведут к действию, которое можно квалифицировать как *антипроцессуальное*.

Эти две процессуальные разновидности появились в истории психоаналитического движения: одна касается длительного диалога вокруг *негативного переноса*, в котором Ш. Ференци спустя много времени после своего анализа с З. Фрейдом открыто упрекал последнего, говоря, что он в то время его «недостаточно проанализировал» (*Freud, 1937*); другая, на которой я остановлюсь позже, касается негативирующего переноса «человека с волками», который З. Фрейд упоминает также в «Анализе конечном и бесконечном» (*Freud, 1937a*).

---

⁷ В оригинальном тексте «*l'alchimie dia-bolique*». – Прим. пер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bleger J.* (1979) *Psychanalyse du cadre psychanalytique* (1966), *Crise, Rupture et Dépassement*, Paris, Dunod.
2. *Bleger J.* (1981) *Symbiose et Ambiguïté* (1967), Paris, Puf, «Fil rouge».
3. *Bouvet M.* (1968) *La cure type* (1954), *Œuvres psychanalytiques*, t. II, *Résistances, transfert*, Paris, Payot.
4. *Cournut J.* (1991) *L'Ordinaire de la passion*, Paris, Puf, «Fil rouge».
5. *Cournut J.* (2000) *Le transfert négatif. Acceptations diverses plus ou moins pessimistes*, *Revue française de psychanalyse*, 54, 2. P. 361–365.
6. *Couvreur C.* (2000) *La Polarité de l'amour et de la mort*, Paris, Puf, «Épîtres».
7. *David C.* (1996) *Post-scriptum à «L'état amoureux»*, *Revue française de psychanalyse*, 3, 60. P. 633–642.
8. *Freud S.* (1966). *Lettre 5 juin 1910*, in *Correspondance de Sigmund Freud avec le pasteur Pfister (1909–1939)*. Paris, Gallimard. P. 75.
9. *Freud S.* (2003) *L'Interprétation du rêve* (1900), OCF.P, IV, Paris, Puf.
10. *Freud S.* (2006) *Fragments d'une analyse d'hystérie (Dora) (1901 [1905])*, OCF.P., VI, Paris, Puf. P. 183–301.
11. *Freud S.* (1998) *La dynamique du transfert* (1912), OCF.P, XI, Paris, Puf. P. 105–116.
12. *Freud S.* (2005) *Sur l'engagement du traitement* (1913), OCF.P, XII, Paris, Puf. P. 161–184.
13. *Freud S.* (2005) *Remémoration, répétition et élaboration* (1914b), OCF.P, XII, Paris, Puf. P. 185–196.
14. *Freud S.* (2005) *Remarques sur l'amour de transfert* (1914 [1915]), OCF.P, XII, Paris, Puf. P. 199–211.
15. *Freud S.* (1994) *Pulsions et destins des pulsions* (1915), OCF.P, XIII, Paris, Puf. P. 163–187.
16. *Freud S.* (1996) *Au-delà du principe de plaisir* (1920), OCF.P, XV, Paris, Puf. P. 273–338.
17. *Freud S.* (2010) *L'analyse finie et l'analyse infinie* (1937a), OCF.P, XX, Paris, Puf. P. 13–55.
18. *Freud S.* (2010) *Constructions dans l'analyse* (1937b), OCF.P, XX, Paris, Puf. P. 57–73.
19. *Gantheret F.* (1996) *Moi, Monde, Mots*, Paris, Gallimard.
20. *Gibeault A., Guédeney C., Kestemberg E., Rosenberg B.* (1981) *Transfert latéral et névrose*, *Revue française de Psychanalyse*, 78, 3. P. 743–762.
21. *Godfrind J.* (1993) *Les Deux Courants du transfert*, Paris, Puf, «Le fait psychanalytique».
22. *Green A.* (1995) *Sources, poussées, buts, objets de la violence. «Destins de la Violence. Colloque de Monaco»*, *Journal de la psychanalyse de l'enfant*, Paris, Bayard, 18. P. 215–260.
23. *Green A.* (1997) *Les Chaînes d'Éros*, Paris, Odile Jacob.
24. *Green A.* (2000a) *Le Temps éclaté*, Paris, Minui.
25. *Guignard F.* (1996) *Au vif de l'infantile. Réflexions sur la situation analytique*, Lausanne, Delachaux et Niestlé, «Champs psychanalytiques».

26. *Guignard F.* (2000) À l'écoute du déroulement de la cure analytique. Modes et temps d'expression du transfert négatif, *Revue française de psychanalyse*, 64, 2. P. 581–597.
27. *Janin C.* (2000) Du transfert négatif au transfert du négatif: l'attracteur négatif, *Revue française de psychanalyse*, 64, 2. P. 395–405.
28. *Klein M.* (1995) Les origines du transfert (1952), *Le transfert et autres écrits*, Paris, Puf. P. 13–24.
29. *Laplanche J., Pontalis J.-B.* (1967) *Vocabulaire de la psychanalyse*, Paris, Puf.
30. *Le Guen C. et al.* (1986) Le refoulement (les défenses). Rapport du 45e Congrès des psychanalystes de langue française des pays romans, *Revue française de psychanalyse*, 50, 1. P. 23–335.
31. *Les Premiers Psychanalystes.* (1976). Minutes de la Société psychanalytique de Vienne, I, 1906–1908. Paris, Gallimard. P. 123.
32. *Neyraud M.* (1974) *Le Transfert*, Paris, Puf, «Fil rouge».
33. *Parat C.* (1995) À propos du contre-transfert (1976), *L'Affect partagé*, Paris, Puf, «Fait psychanalytique».
34. *Perron-Borelli M.* (2005) Conflit psychique et dynamique de la cure, *Le Conflit psychique*, Paris, Puf, «Débats de psychanalyse». P. 29–44.
35. *Roussillon R.* (1990) Clivage du moi et transfert passionnel, *Revue française de psychanalyse*, 2, 53. P. 345–362.
36. *Roussillon R.* (2004) Le potentiel et l'impasse, *Revue française de psychanalyse*, 58, 5, Spécial Congrès. P. 1889–1895.

Transferences

Thierry Bokanowski

(Translation from French and scientific editing: A. V. Stukalo)

Thierry Bokanowski, psychiatrist, psychoanalyst, titular member of the Paris Psychoanalytic Society, member of the International Psychoanalytic Association, former member of the Publications Committee of the International Psychoanalytic Association, former Scientific Secretary of the Paris Institute of Psychoanalysis, former editor of "La Revue Française de Psychanalyse" and author of numerous books and articles.

This text, being a chapter of the book, is dedicated to one of the key psychoanalytic concepts – transference, which in the course of analytical work takes on various forms, including negative ones, the understanding and interpretation of which, according to the author, is the «"royal road" of the analytical process».

Keywords: transference, countertransference, negative transference, transference acting in repetition, transference of negative/negating transference, resistance by transference, resistance to transference, love transference, love in transference, lateral transference.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Время и психика

Л. Р. Усманова

Усманова Лиана Рафаэлевна – психоаналитический психотерапевт, клинический психолог.

Данная статья посвящена психоаналитическому исследованию времени. Автор пытается разобраться в таких вопросах, как:

- если время для всех универсально, то почему каждый из нас переживает его по-своему?*
- действительно ли внешнее время объективно или человек никогда не может выйти за пределы своей субъективности?*
- что вообще такое субъективизация времени и можно ли ее рассматривать через призму отношений с внутренним объектом?*
- как феномен ускорения времени влияет на психику современного человека?*

Для всестороннего исследования этих вопросов были проанализированы не только психоаналитические теории психического времени, но и современные концепции социологии, философии об акселерации времени и общества. В результате автор формулирует определение объективизации времени, доказывая связь времени субъекта с его отношениями с объектом, что позволяет вывести категорию времени из измерения идеальной философской конструкции в аналитическое пространство. Это открывает больше возможностей для анализа того, как пациенты обходятся со своим временем в жизни и на сессиях.

Ключевые слова: психическое время, восприятие времени, ускорение времени, субъективизация времени, навязчивое повторение, безвременье, убийство времени.

Субъективизация времени психикой

Те, кто пишет о времени, часто цитируют святого Августина: «Что же такое время? Если меня никто не спрашивает, я знаю. Если я хочу объяснить его вопрошающему, я не знаю». Это говорит прежде всего о том, что восприятие времени является непосредственным и самоочевидным. Однако мышление о времени сопротивляется рефлексии в точности так же, как и мышление о бытии. Так что можно утверждать, что это по сути одно и то же.

Для психоаналитика также несомненно то, что человек живет во времени. При этом он имеет дело со временем как с фактом реальности – к примеру, когда устанавливает сеттинг, – так и с более загадочной его стороной, где простых фактов может быть недостаточно. Ведь мы хорошо знаем даже по собственному опыту, что время для нас может нестись сломя голову в одни моменты жизни и останавливаться, таять, как часы на знаменитой картине Дали, в другие. С чем это связано? Похоже, что в этот процесс вступает человеческая субъективность. Пожалуй, одной из самых удивительных ее черт в отношении времени является то, что мы знаем, что смертны, но предпочитаем не думать об этом. Более того, смерть вообще не существует для самой существенной части нас, нашего бессознательного, которое живет в безвремяе. Можно сказать, мы одновременно знаем и не знаем (или не хотим знать) о времени, и в этом напряжении между внутренним и внешним временем мы и живем.

Примечательно, что, когда мы говорим о внешнем времени, мы все равно в большей степени остаемся на территории субъективности, а не объективности, поскольку подразумеваем «социальное время» (куда входят социальные договоренности об измерении времени, распределении социальных практик в течение дня, недели, месяца («календарное время»); «время культуры», лежащее в основе Супер-Эго; или «историческое время» как единый контекст, в котором живет общество. Истинное же внешнее время, которое, по последним данным квантовой физики, существует как тепловое время (когда порождается тепло, процесс становится необратимым, а значит, появляется разница прошлого и будущего), а на фундаментальном уровне элементарных частиц и вовсе перестает иметь предпочтительное направление, едва ли укладывается в человеческие представления. Таким образом, время, несмотря или даже вопреки своим физическим основаниям, является в значительной степени психической и субъективной категорией.

Аспект субъективизации времени психикой нам особо интересен. В своем клиническом опыте мы заметили частное проявление такой субъективизации: временность, предьявляемая в том или ином виде пациентом в аналитическом процессе, может быть представлена как диалог с первичным объектом, его разрушение или его поиск. Это более всего видно на примере хрупких психических организаций, в которых конфликт со временем, на наш взгляд, приобретает наиболее радикальные формы и выражается в экзистенциальной формуле: быть или не быть мне во времени объекта? Это наводит нас на мысль о том, что *объект не просто*

выполняет опосредующую функцию в развитии психического времени субъекта, но и что временность субъекта по своей природе всегда подразумевает связь с объектом – в этом и заключается субъективность времени.

Актуальность нашей работы, как нам видится, возрастает в наши дни, когда современное общество охвачено временной лихорадкой, с одной стороны, и переживает подспудный страх конца времени, с другой стороны. Если время в философии перестало быть предметом оживленных дискуссий уже во второй половине XX века, то, быть может, сейчас тот самый момент, когда гуманитарные науки испытывают потребность в новом истолковании временности. Тому, как меняются временная перспектива в современном обществе и вместе с ней психика человека, мы посвятим отдельную часть, в которой отразим также, какую форму связь временности субъекта с объектом приобретает в новых реалиях.

Эволюция мысли З. Фрейда о времени в психике

В 1895 году в главе «Психотерапия истерии» З. Фрейд представляет организацию психического материала при истерическом неврозе и показывает, что в ней есть как простая *линейная хронология* воспоминаний, которая воспроизводится либо самим пациентом, либо постепенно восстанавливается в процессе терапии; так и *более сложная ахронологичная связь* между воспоминаниями, в реальности не идущими друг за другом во времени (Фрейд, 2005).

Дальнейшее исследование этих неочевидных связей между воспоминаниями разных временных периодов привело З. Фрейда к открытию *феномена последствия*, или *après-coup* («апреку») (Green, 2002). Этот феномен говорит нам о том, как одно событие может пробудить в другом, более раннем, переживания, которые в момент этого события не то чтобы были подавлены, они вообще не могли быть размещены и осмыслены в психике. С точки зрения дискурса времени можно сделать одно очень важное предположение: между моментом времени (прошлым) и его психическим осмыслением может произойти *значительный разрыв*, который психика, возможно, преодолеет в другом схожем моменте будущего. Как писал философ Жак Деррида, разрыв между означаемым и означающим соотносится с распадом темпоральности на *время субъекта* и *время вещей* (Деррида, 2000).

Здесь есть еще один важный аспект, на который обращает наше внимание А. Грин – аспект дополнительного значения. Он говорит, что в психоанализе в целом нет прямого значения типа «это означает то»; каждое описание значения как бы не полностью завершено и имеет потенциальные возможности, которые придут позже и обогатят первое значение, придадут ему ранее неизвестные аспекты (Green, 2008). Это наводит нас на мысль о том, что аналитический процесс направлен в будущее в каком-то смысле даже больше, чем в прошлое.

Обратимся к следующей работе З. Фрейда, «Толкование сновидений» (2019). В сновидениях, одной из важных сторон психической жизни,

нет времени в общепринятом его понимании, *есть только его видимость*: развитие сюжета и ход событий во сне выстраиваются за счет работы цензуры, чтобы скрыть под манифестным содержанием истинное. В действительности же фрагменты сна связаны не *хронологически*, а *ассоциативно*. Единственная форма присутствия фактического времени в сновидении – это события из реальной жизни, мысли, фантазии, которые относятся к тому или иному временному периоду сновидца и которые используются в нем в качестве строительного материала. А. Грин называл это *«расщепленным временем»*, расщепленным оно становится в результате бессознательной работы сновидения (Green, 2002, p. 14).

Другое проявление игнорирования законов времени в сновидениях – это исполнение желания, которое сновидец видит уже в действии и не видит сам процесс его исполнения. З. Фрейд имеет в виду, конечно, прежде всего инфантильные желания, поскольку сны, на его взгляд, связаны именно с детскими сценами и являются способом исполнения этих желаний. Позже, в 1933 году, З. Фрейд скажет, что сон – это не исполнение инфантильного желания, а попытка этого исполнения (Green, 2008). Но в любом случае сновидение для З. Фрейда останется местом встречи детства и взрослой жизни.

Еще одна особенность сновидения проявляется в том, что в нем время и пространство взаимозаменяемы. Во сне, например, можно увидеть сцену между двумя людьми, которые выглядят очень маленькими и далекими, как будто мы видим их через дужку очков. В данном случае маленький размер образов демонстрирует нам, что сцена относится к далекому прошлому (Loewenberg, 2015).

Все эти сделанные Фрейдом открытия психических процессов, протекающих по разным временным (и вневременным) траекториям, казалось бы, могли бы собой представить сложную модель темпоральности необъединенного психического времени. Однако Фрейд оставляет эту потенциальность и в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905) переходит к модели *линейного времени*, соответствующего органо-психическому росту человека. Время и психосексуальные процессы здесь представляются в виде взаимовлияющей пары. Психосексуальность появляется уже в младенчестве, но вынуждена ждать полового созревания, а вместе с этим и проходить определенные фазы своего развития до момента перехода во взрослый мир, для того чтобы проявиться и присвоиться в полной мере. Это значит, что *сексуальность должна уложиться в требования биологического и культурального времени*.

В целом, несмотря на то что сама по себе идея младенческой сексуальности была провокационной и революционной, в этом следовании одной стадии за другой по линии органо-психического роста мы не можем найти ничего необычного на тему времени, того, о чем бы мы не могли подумать сами, опираясь на свой каждодневный опыт, кроме, разве что, феномена репрессии, который нарушает, размывает эту линейность времени, но все же в целом ей соответствует. При этом для нас идея, допускающая сосуществование различных течений времени, представляется самой интригующей.

В 1909 году в описании анализа фобии маленького Ганса появляется новый аспект теории Фрейда – *субъективность*, которая выражается в творческой интеграции ребенком своих ощущений и импульсов, исходящих от тела, и поведения родителей. Ребенок создает свои сексуальные теории, с помощью которых объясняет себе истоки собственной сексуальности и историю сексуальности своих родителей. Какое это отношение имеет к переживанию времени? История сексуальности – это и история происхождения, которая неизбежно отсылает нас к *первосцене*. У психотиков, например, мы можем видеть отрицание первосцены и, как следствие, идею *самопорождения*, а в некоторых случаях и *идею самонепорождения*, то есть отрицание своего зачатия в результате сексуальных отношений. Тогда, раз причинно-следственная связь событий отрицается, а организация собственной истории находится в их всемогущей власти, то и время для них обратимо и можно вернуться в любую точку времени (Рибас, 2019).

Вслед за интересом к тому, как маленький ребенок объясняет себе загадки сексуальности, своей собственной и своих родителей, З. Фрейд в 1913 году в своей работе «Тотем и табу» (а следом и в «Истории одного детского невроза») обращается уже к общей истории и к тому, как древние люди объясняли себе устройство мира, тоже, по сути, проецируя во вне аспекты своей психики (Фрейд, 2022).

«Тотем и табу» дает нам несколько важных точек отсчета для размышлений. Во-первых, заложенность в психику *универсальных тем*, которые актуализируются с достижением определенной фазы психосексуального развития, говорит нам о *преемственности временных этапов*: первобытные фантазии фактически должны быть заново реализованы в индивидуальном опыте. Во-вторых, мы можем думать о самих этих временных этапах, включающих усвоение запрета на инцест и совладание с желанием отцеубийства, как об организаторах психосексуальности, успешное прохождение которых гарантирует, как показывает история, что время человечества будет продолжаться. В этом смысле эти организаторы психосексуальности представляются нам *каркасом исторического времени, которое, с одной стороны, проходит одни и те же циклы, а с другой – движется вперед*.

Но, пожалуй, одна из самых интересных работ З. Фрейда, которая открывает много поводов для размышлений как о времени, так и в принципе об эволюции его идей, – это «Печаль и меланхолия» 1917 года. В этой работе З. Фрейд впервые рассмотрел последствия смерти объекта, реальной и символической, для психики (Фрейд, 1984). До этого его замечания о смерти ограничивались только тем, что бессознательное не знает времени, а значит, и смерти. Теперь он пишет о том, что смерть признается сознательным разумом и переживается в нем через скорбь, однако он также делает пометку о том, что меланхолик скорбит, но не знает наверняка о том, что он потерял. И это нам говорит о том, что на самом деле *бессознательное может быть затронуто потерей*, даже если в сознании нет понимания об этом. И если бессознательное и не знает о смерти, то это потому, что желания, которые его населяют, не подвержены истлевающему

воздействию времени. Бессознательное осознает потерю, но не в форме репрезентирующего эту потерю содержания, а в форме *анемии актуальных катексисов* (Фрейд, 1984).

Интересно, что в работе «Печаль и меланхолия» говорится уже не только о желаниях, но и об объекте. Причем не о таком объекте, который может быть с легкостью вытеснен и замещен, поскольку либидо, по убеждениям З. Фрейда, всегда находится в поиске новых порций катексиса, а о целом, незаменимом и уникальном объекте. Даже если для меланхолика еще не существует целого объекта, грудь функционирует как целостный объект, охватывая мать во всей ее полноте. До такой степени, что при ее утрате Эго жертвует собой, не просто для того, чтобы заполнить пустоту, оставленную утратой, но для того, чтобы частично трансформироваться и занять место того, чего больше нет. И это на самом деле говорит о *значимости роли объекта во внутренней жизни*, чья молчаливая работа становится ощутимой только после его утраты.

Мы еще вернемся к обсуждению роли объекта, поскольку эта тема ведет нас к важным открытиям субъективного переживания времени, а пока ответим на вопрос: что может нам сказать механизм меланхолии о времени? *Меланхолия*, как это представляется, *отбрасывает человека буквально к истокам его психической жизни*, на оральный этап, к попыткам вновь обрести объект в его самой необходимой форме. Так что, можно сказать, что регрессия достигает своего возможного предела. Но, конечно, это происходит на уровне бессознательного, и, хотя Эго ничего не знает об этом возвращении в прошлое, оно приводит в действие ранние механизмы, относящиеся к тому периоду. Это значит, что меланхолия возвращает человека в его прошлое не просто посредством забытых воспоминаний, врывающихся в текущую действительность, а *буквальным смещением к очень раннему функционированию*. И это вступает в настойчивую конфронтацию с привычной нам логикой устремленного вперед времени. Да, это возвращение в прошлое, но и остановка в этом моменте прошлого и *упразднение самой логики внешнего времени*.

Тем временем, мы намеренно пропустили более раннюю статью Фрейда «Воспоминание, повторение, проработка» (1914), поскольку хотели бы рассмотреть ее вместе с более поздними рассуждениями Фрейда, сделанными в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920). В конце концов, эти теории лягут в наши заключительные рассуждения о концепции времени в психоанализе.

Итак, в работе «Воспоминание, повторение, проработка» Фрейд называет *навязчивое повторение (agieren) заменой памяти*. Он заметил, что иногда пациент раз за разом повторяет какой-то паттерн поведения, вместо того чтобы осознать и вспомнить событие, которое побуждает его к этому повторению (Фрейд, 1998). Сначала Фрейд вводит повторение в поле трансфера и видит в навязчивом повторении сопротивление анализу, бунт против отца, который нужно буквально укротить (Green, 2002).

Затем же спустя шесть лет в работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд, имея в виду случаи навязчивого повторения, которые подрывают анализ переноса и даже могут создавать трагедии и катастрофы в

жизни человека и выходить уже за рамки анализа, пересматривает свою воинственную настроенность (Фрейд, 2010). Тот факт, что разыгрывание происходит даже вне сессий, говорит об инстинктивном уклонении и непреодолимой потребности в удовлетворении любой ценой. И если их проработкой могли бы стать отсрочка и изменение формы, перевод в репрезентацию, то тогда мы имеем дело с *нерепрезентативными явлениями*.

А. Грин пишет, что разрядка навязчивого повторения на самом деле является попыткой создать вакуум в сердцевине психического аппарата и в этом смысле является *«убийством времени» или «выкидышем» психического* (Green, 2002, p. 78). Он же очень метафорично описывает навязчивое повторение как *«глубокую борозду в плоти психики»*, настолько глубокую, что она перестает быть просто бороздой, путь которой можно проследить, чтобы напомнить себе о содержащейся в ней теме. Она становится *расщелиной, которая поглощает входящий в нее катексис либидо* (Green, 2002, p. 90).

У навязчивого повторения есть две важные характеристики, связанные со временем. С одной стороны, его *нельзя назвать возвращением прошлого* в его аутентичном виде. Когда катексиса этого либидо становится слишком много, оно толкает к *актуализации переживания больше, чем к простому напоминанию о событии*. Именно поэтому пациент не признает в воспроизведении возвращения прошлого. Он отказывается рассматривать то, что он переживает, как повторение, принимая его за новое явление. С другой стороны, *повторение очень чувствительно к текущему времени*, его историческим рифмам и отголоскам, позволяющим как раз оживить старую рану.

3. Фрейд писал о сопротивлении навязчивого повторения к трансформации в символическое (Фрейд, 2010). Это так, но вот что интересно: наравне с этим навязчивость повторения наводит и на обратную мысль, что повторение как будто бы претендует на то, что оно все-таки может быть связано и символизировано. То есть всякий раз, когда рана открывается снова, кажется, что повторяется действие, которое нанесло это рану; и в то же время кажется, что ее таким образом пытаются изгнать.

В этом месте мы подходим к очень логичному, казалось бы, шагу: обращению к объекту, поскольку навязчивое повторение кажется нам способом на него повлиять. Опять же, открытие этого феномена в переносе в отношениях с аналитиком тоже как бы намекает на это, но почему-то Фрейд не вводит объект в дискурс этой проблемы. Как будто это может угрожать господствованию принципа удовольствия, ведь объект, в теории Фрейда, представлен как замещаемый, вытесняемый, по крайней мере на той стадии, когда целостный объект еще не найден. Между тем это все очень важные метапсихологические позиции, от которых зависит и отсчет открытия объективного времени для психики.

Определение понятий времени сознания и безвременья бессознательного

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению вопроса возникновения психического времени, посмотрим более детально на понятия времени сознания и безвременья бессознательного. Нам представляется это важным, поскольку их диалектическая пара и организует действие темпоральности в психике.

Удивительно, но Фрейд очень мало писал о сознательном переживании времени. Мы уже многое можем сказать о психическом проявлении безвременья («апреку», навязчивое повторение, возвращение репрессированного, время сновидений) на основании его работ, обсужденных выше. Однако категория сознательного времени до этих пор оставалась непроясненной, разве что в работе «О двух принципах психической деятельности», в которой мы знакомимся с такими важными категориями сознательной психики, как внимание и память, а также в работе «По ту сторону принципа удовольствия» узнаем о процессе чередования ухода и возвращения матери, становящихся детерминантами прерывистости времени.

Последнее, на наш взгляд, характеризует еще работу системы *Pspt-Cs* (перцепция – сознание), о функционировании которой мы больше можем узнать в одной из самых поздних работ Фрейда «Волшебный блокнот» (1925). Устройство чудо-блокнота, игрового письменного устройства для детей, дало толчок Фрейду для использования его в качестве метафоры функционирования перцептивной системы человека, которая тоже, согласно его гипотезе, работает по принципу прерывистости и стирания оставленных следов, как только они отработают свое предназначение, поскольку перцепции нужно быть постоянно готовой к приему новых стимулов.

Переходя к концепции времени, мы можем сказать, что *время, будучи опытом сознания, зависит от системы* «перцепция – сознание». Это значит, что переживание сознания времени предполагает идею либидинального катексиса, а также идею гиперкатексиса (например, в случае направленности внимания). Эта формула отсылает нас к линейно направленному времени.

Однако, по замечанию А. Грина, в сознательной деятельности действует еще один тип временности, которую мы можем эмпирически обнаружить на аналитическом сеансе. Если одна форма времени сознания лежит на поверхности и в анализе представляет собой какую-то первичную историю, которую рассказывает пациент, как некую линейную лингвистическую последовательность; то другая форма этого времени менее очевидна, выявляется посредством плавающего внимания и слышится как другая фоновая история, тоже, по сути, представляемая в форме линейной прогрессии, однако поддерживаемая связями свободных ассоциаций и организованная в цепочки принципом удовольствия/неудовольствия или принципом навязчивого повторения (*Green, 2002, p. 55*).

Теперь более подробно остановимся на категории безвременья. Мы помним про постулат Фрейда о том, что в бессознательном нет времени

(а также смерти и противоречия), но так ли это на самом деле? Вернее будет сказать, что репрессированное в бессознательное сохраняет свою живость и готово выйти на поверхность, когда будут для этого благоприятные условия, и потому находится вне нашего привычного представления о времени. И, возможно, это просто другая логика темпоральности. А. Грин, например, пишет, что бессознательное является эдаким «резервом времени» с потенциалом свершения (*Green, 2002, p. 106*). Структуру этой темпоральности он называет *контрвремя (contretemps)* в силу того, что вытесненное в бессознательное сформировано *против хода временной эволюции*, то есть что-то помешало ему реализоваться, а именно: запрещающая инстанция, относящаяся к третьему.

Однако, по мнению А. Грина, безвременье – это не только продукт разворота времени психическим вспять, это *выражение загадочного влечения к внутреннему миру, обновление связи с бессознательным через контакт с первичными процессами, вечными фантазиями и снами*. Этот контакт мотивирован не разрушением, как компульсивное повторение, а процессом жизни и развития (*Green, 2002, p. 156*). Мы можем думать, что безвременье как резерв неистощимой жизни делает жизнь терпимой, когда, например, она становится менее приятной из-за процесса старения.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что наряду с важностью освоения исторического времени как части адаптации к реальности постоянная возможность оттолкнуться от движущегося вперед времени и подключиться к опыту безвременья и вечности не менее важна для психического развития. Возможно, именно такие моменты Юлия Кристева и называет «чувственным временем» (*sensible time*), которые появляются неожиданно и так захватывающе, что человек рискует потерять сознание (*Kristeva, 1994*).

Исследование психических процессов, отвечающих за открытие времени в психике

До этих пор мы говорили о различных разрозненных явлениях, связанных с метаморфозами времени в психике, но мы не говорили о том, в какой момент появляется время в психике и из каких ощущений или какого опыта начинает складываться его восприятие.

Например, с одной стороны, мы можем взять точкой отсчета работу принципа удовольствия/неудовольствия. Ведь именно в связи с ним у ребенка впервые возникают чередования временных промежутков.

Но, с другой стороны, мы также можем отталкиваться от другого начального процесса – связывания, которое служит поддержанию возбуждения на постоянном уровне, в том числе и тех влечений, которые действуют независимо от принципа удовольствия (навязчивого повторения). Так как связываться могут и аффекты боли, то ситуации совладания с напряжением тоже могут быть тесно связаны с переживанием времени или, наоборот, с дезорганизацией и выпадением из временного континуума.

С третьей стороны, мы можем и вовсе взять за основу утверждение Уильяма Фэйрбейрна, который утверждал, что либидо стремится не к удовольствию, а к объекту (*Fairbairn, 1952*).

Однако самое близкое нам теоретическое объяснение, к тому же подтверждающее наше первоначальное интуитивное предположение, все-таки принадлежит А. Грину, который говорит, что нет необходимости выбирать между принципом удовольствия и объектом. На его взгляд, нет объекта без влечения и влечения без объекта, а удовольствие также может быть найдено в объекте (*Green, 2002*).

В этой связи он предлагает рассматривать *навязчивое повторение как неудачу утверждения принципа удовольствия, возникшую в отношениях с объектом*, а фундаментальная цель отношений между объектом и Эго младенца (едва дифференцированного от влечений) – *способствовать развитию, то есть возникновению темпоральности* (*Green, 2002*).

Есть два достаточно ярких описания клинического опыта, иллюстрирующих это теоретическое положение, изложенных двумя авторами: Андре Грином и Анн Дени.

А. Грин пишет, что в случаях пограничной организации личности навязчивое повторение имеет своей целью достичь такого состояния, которое можно описать как *антивремя* (*Green, 2002*). Это значит, что все, что актуализировано, должно быть исчерпано на месте; все должно возвращаться в точку, с которой все началось. С точки зрения влечений здесь происходит замыкание системы, а Эго, неспособное отделиться от своей примитивной основы, становится своим собственным объектом. Это ситуация нарциссической замкнутости, приводящая к смертельному застою влечений и как бы заморозке времени (*Green, 2002*). При этом Эго нужна такая затворническая изоляция, чтобы защитить себя от собственных влечений: не только деструктивности, но и сексуальности. Иначе удовольствие может так захватить, что вместе с ним произойдет поглощение разрушительным желанием избавиться от объекта. Навязчивое же повторение с его эффектом заморозки времени *позволяет продолжать «игру», сохраняя объект и сохраняя тем самым повод для деструктивности* (*Green, 2002*).

Анн Дени, продолжая идеи А. Грина, пишет: несмотря на отсутствие (адекватной) реакции объекта, субъект все равно пытается выстроить свою психическую деятельность; вопрос только в том, насколько это будет удачно. Анн Дени рассматривает ситуацию, где у субъекта доминирует фантазия о заражении (загрязнения) объектом, свидетельствующая о фиксации на прикосновениях вместо ориентации психики на фантазию. То есть в тех случаях, когда посредником удовлетворения влечений является не психически стимулирующий объект, прикосновение теряет качество, которое могло бы ввести его в психическую сферу, и становится навязчивым. Таким образом, у влечений здесь просто не появляется психического репрезентанта. Это очень яркий пример неразрывности пары влечение – объект, в которой объект крайне необходим для конституирования фантазии как существенной характеристики психики (*Denis, 1995*).

Здесь также важно то, что Анн Дени в своей работе связывает *конструирование фантазии с разворачиванием психического времени*: психически развивающийся объект организует время для субъекта тем, что последний принимает «*время фантазии*» и фантазирует, вместо того чтобы автоматически реагировать на ситуации, в которые он погружен. До этого периода (времени фантазии) существует иная форма темпоральности, которую Анн Дени называет *архаическим временем*. Оно состоит из одновременных переживаний с объектом, неотделимых от аутоэротизма и основанных на ритмах, колебаниях и гармонизации между временем ребенка и временем его объекта. Биологические и физические ритмы здесь как раз трансформируются под воздействием «метафоризирующей» реакции объекта, и когда этого наделения смыслом не хватает, ребенку не хватает и опоры, которую обеспечивает ему «родной» язык: ребенок тогда, как пишет Анн Дени, не рождается ни во времени, ни в языке (Denis, 1995).

Из приведенных выше описаний понятно, что навязчивое повторение нельзя рассматривать только в терминах собственной активности субъекта, поскольку это продукт антагонизма или даже отсутствия встречи между влечением и объектом, а значит, дело не в выборе между влечением и объектом, а в осмыслении того, как они соединены.

Итак, размышления о природе навязчивого повторения и о том, что его формирует, дали нам возможность оттолкнуться от этих выводов и отнести их также к *развитию временности в психике, которое, как представляется, происходит как под воздействием направляющего принципа удовольствия, так и в ответ на реакции объекта*.

Мы можем сопоставлять эти два феномена, навязчивое повторение и темпоральность, так как само по себе *навязчивое повторение – результат провалов в совместном времени субъекта и его первичного объекта*, возникший там, где нет символического содержания, и являющийся, по наблюдательному замечанию А. Грина, «убийством времени».

Еще одно важное суждение будет сделано на основе размышлений Анн Дени: если сначала есть неразрывное с объектом время (архаическое время), затем – некое время фантазии (как «переходное» время), то, видимо, после появляется *время субъекта и время Другого*. Это важный пункт, который указывает на то, что помимо существования универсального времени есть время Другого. Мы станем свидетелями этого даже в ситуации аналитической сессии, когда время аналитика и время пациента идет по-разному, хотя есть и общие временные рамки. Однако здесь также важно то, что если между временем субъекта и временем Другого найден путь, это еще не значит, что доступ к универсальному времени также открыт для объекта.

Также на пересечении этих двух положений появляется третий аспект: мы можем сказать, что *убийство времени в навязчивом повторении – это убийство связанных с этим объектом временных процессов (убийство времени объекта)*. Причем целью такого разрушения может быть

как дезобъективизация, отторжение объекта, сопровождаемая фантазией управления временем, так и отделения от объекта и формой поиска своего собственного временного определения.

Так, в статье «Использование объекта и построение отношений через идентификацию» (1969) Дональд Вудс Винникотт пишет, что иногда атаки на объект у пациента выражаются не в явной агрессивной форме, а посредством молчания, что может транслировать послание «ты не существуешь», но также и более радикальное ощущение: «я не существую» (Винникотт, 2017). Наравне с этими посланиями, которые, кажется, принимают на себя власть жизни или смерти над объектом, у аналитика может возникнуть ощущение, что время для этих пациентов не существует.

Другой вывод Д. Винникотта в этой статье состоит в том, что некоторые пациенты могут переживать себя как отдельного только путем многократного разрушения объекта (Винникотт, 2017). Тем не менее объект, как в предыдущем, так и в этом случае, должен выдержать эти атаки со стороны этого «ребенка прошлого», который теперь является пациентом. Д. Винникотт даже подчеркивает, что если деструктивность не получает достаточно сильного выражения, то отделение от первичного объекта просто не сможет произойти (Винникотт, 2017).

Именно в аналитической встрече, во время сессии, мы можем наблюдать, анализировать и думать о превратностях различных форм и способов разрушения времени и разрушения объекта. Представления об однородной, унифицированной, линейной концепции времени, характеризующейся монотонной преемственностью, для этого никогда не будет достаточно.

Филогенетические аспекты восприятия времени

На филогенетическом уровне есть как минимум один факт, который не вызывает сомнений: органическая жизнь напрямую связана с солнечной активностью. Как писали Ференци (Ferenczi, 1913) и позже Фрейд, органическая жизнь долгое время определялась тенденциями к инерции и регрессу, которые сменились на развитие и адаптацию только тогда, когда солнечный ритм стал достаточным для этого внешним стимулом. С. Холлос называет гелиотропную ритмичность древнейшим мнестическим следом нашего организма (Hollós, 1922).

Когда человек изобрел приборы измерения времени, с помощью которого он разделил текучий континуум, отличив момент (кайрос) от длительности (хронос), по сути наступил совершенно иной этап его отношений со временем, в котором он перешел из пассивной позиции в активную: не только солнце влияет на ощущение времени человеком, но и сам человек. Сначала он измерил свою тень, предтечу солнечных часов, позже, при разработке песочных и водяных часов, он создал технические эквиваленты своих собственных ритмов опорожнения (дефекация, дегидратация), что означает связывание внешних (солнечных) ритмов с внутренними (либидинальными) ритмами (Harnick, 1925). Весь этот путь от гелиотропной центричности до измерительных приборов, с одной стороны,

объясняет первостепенное значение солнца как репрезентанта отеческой, требовательной реальности; с другой стороны, проливает свет на специфически человеческую амбивалентность по отношению ко времени: аспекты долга и удовольствия присутствия времени так же, как и человеческим процессам опустошения (*Harnick, 1925*).

Вместе с тем в современном мире мы имеем усовершенствованные приборы для измерения времени, механистические и цифровые, они к тому же способны делить секунду на более мелкие части (милли-, микро-, наносекунды). Как это меняет восприятие времени современным человеком? Могут ли адаптации, которые до сих пор считались уместными, оставаться таковыми? Мы рассмотрим этот вопрос отдельно чуть позже.

Еще один способ фиксации времени – календарь, у которого, по мнению Э. Берглера, тоже есть коллективные детерминанты, которые он рассмотрел с аналитической точки зрения. Он противопоставил настроение (месяц) как материнскую репрезентацию отцовскому солнцу (день, год) и выдвинул гипотезу о том, что бессознательный смысл табуированных еженедельных дней отдыха следует видеть в страхе перед союзом родительских имаго, так что транскультурное табу седьмого дня бессознательно избегает конфронтации с первосценой. В вавилонских календарях, пишет Э. Берглер, определенные дни называются «нубатту», что означает отдых, паузу, а именно «супружеский отдых бога с его богиней-супругой». Этот день, на его взгляд, бессознательно означал коитус родителей, и табу на деятельность было вызвано тревогой вокруг первичной сцены (*Bergler, 1946*).

Вообще в работе Э. Берглера идея наложения тревоги разлуки с матерью на отношения человека со временем – центральная. По его мнению, не только календарь, но и многочисленные легенды и сказки о неисчерпаемой пище и вечной молодости (которые к тому же в них часто идут рука об руку), существующие у всех народов, а также некоторые ритуалы в более примитивных обществах, ранних и ныне существующих, говорят о фрустрации в этом месте и попытке с ней справиться (*Bergler, 1946*). Кроме того, по его мнению, бытовые выражения, вроде «времени мало», «время пожирает все», «трата/экономия времени», безусловно, отсылают нас к какой-то из либидинальных стадий (в данном случае оральной или анальной). Но что более важно, за всем этим стоит идея инфантильного всемогущества, привязанная к той или иной эрогенной зоне, которая противоречит реалистичному взгляду на время. Так что именно с отказом от всемогущества и развитием Супер-Эго ребенок обнаруживает, что он, в конце концов, находится под «командованием часов» (*Bergler, 1946*).

Представления о времени как о требовательной отцовской реальности и безвременье как о вечной слитости с матерью также находят свое воплощение в концепции Ю. Кристевой о «гендерном» времени. В своей статье «Женское время» (или «Время женщин») она помещает проблематику феминизма в исследование времени и говорит о том, что в истории цивилизаций в большинстве своем принято смотреть на время как на линейную последовательность (по крайней мере, так это было почти до

середины XX века), и это очень мужская логика и мужская реальность, в которой как будто бы нет места женскому измерению времени с его репродуктивностью (сохранением повторений и вечности) и интуитивностью (*Kristeva, 1996*).

Она замечает, что когда мы думаем о природе женского, мы скорее представляем себе не время, а пространство, в котором формируется и рождается человек (*Kristeva, 1996*). Тем не менее, по замечанию Ю. Кристевой, женское время существует, просто оно очень тесно связано, практически неотделимо от пространства. Это своеобразное «время-пространство», «всеохватывающее, бесконечное, как воображаемое пространство» (*Kristeva, 1996, p. 71*). Важность этого времени в историческом смысле заключается в том, что женское время способно сохранять и воспроизводить это сохраняемое, дополняя тем самым время мужское, время линейного хода истории. Ю. Кристева еще называет мужское время временем языка, имея в виду и само произнесение разделяющего слова, и формирование логики, структуры, синтаксиса; тогда как женское время – это формирование первых обозначающих – знаков, символов – и их связывание (*Kristeva, 1996*).

Таким образом, можно говорить о разных модальностях времени и, продолжая терминологию Ю. Кристевой, назвать это общим понятием – временем *бисексуальным*.

Другие теории времени в психоанализе

Как было видно, на филогенетическом уровне человеческих отношений со временем можно встретить много аспектов, связанных с периодами оральности и анальности (доэдипальных аспектов). На онтогенетическом уровне в психоаналитической литературе тоже в основном принято делать акцент на связи временности с психосексуальными аспектами. Один из самых широко принятых тезисов принадлежит эго-психологии и звучит так: восприятие времени развивается по мере адаптации Эго к реальности в ходе либидинального развития (*Hinrichs, 1984*). Это похоже на описанную выше концепцию Э. Берглера, только фокус здесь не на инфантильном всемогуществе, а именно на эволюции силы Эго.

В теории эго-психологии нет уверенности в том, что уместно говорить о существовании временности младенца до его рождения в пренатальном периоде. Однако, например, Кон пишет о том, что в поздней оргазмической сексуальности, в наиболее «интенсивном нарциссическом состоянии», Эго в восприятии времени снова приближается к пренатальному состоянию, сводя его к жизненным функциям пульса и дыхания (*Cohn, 1957*). И ведь действительно, для младенца в утробе явления сердечного ритма и дыхания матери кажутся ощутимыми, и это тоже ритм, внутри которого он находится. Как сказала бы Анна Дени, концепция которой обсуждалась выше, это «архаичное время». Это также сопоставимо с единой ритмичностью солнца и биоритмов живых организмов, существовавшей задолго до человечества и изобретения им часов.

В своем завершенном виде временность вписывается в психику как интернализированное в латентное состояние чувство времени, что, по описанию Александра, является одой из самых важных функций зрелого Эго. Успешную форму адаптации организма к реальности времени он видит в способности к самодисциплине, которую он определяет как готовность сделать что-то неприятное в определенный момент времени, тем самым избежав неприятных последствий в дальнейшем (*Alexander, 1967*).

Но психосексуальность – это не только овладение теми или иными навыками, соответствующими фазам органо-психического развития, но и влечения, возбуждения, связанные с эрогенными зонами, и в принципе либидинальность. Поэтому другая важная сторона временности подсвечивается в работе Р. Хинрикса, а именно: ее связь с внутренней динамикой влечений. Этим тезисом он отвечает на вопрос, что делает переживание времени таким отличающимся в разные возрастные периоды. Например, до подросткового возраста у людей есть ощущение, что время тянется перед ними, а затем они осознают, что, хотя они и находятся во власти течения времени, они также могут четко определять время и использовать его для себя. Позже в пожилом возрасте течение времени переживается человеком быстрее, чем на более ранних стадиях, а мир опыта очень старого человека, как и ребенка, снова более тесно связан с настоящим. При этом в любом возрасте даже просто какие-то короткие периоды времени, наполненные оживляющими событиями, кажутся долгими в памяти, в то время как что-то скучное вспоминается искаженным или быстрее уходит в небытие. И, наоборот, в удовольствии время, кажется, проходит быстрее, а в боли и муке течение времени как будто замедляется (*Hinrichs, 1984*). Получается, что каждое изменение в либидинозной ситуации означает изменение и в переживании времени.

Есть другая концепция, авторство которой принадлежит Дорпату: он берет категории *надежды и безнадежности* как аффекты, которые не просто эмоционально окрашивают переживание времени, но и вообще *создают в психике субъекта модальность будущего времени*. Он пишет, что субъект может познать различие временного отсутствия и постоянной утраты объекта только через открытие им того, что время [время Другого и внешнее время вообще] существует вне интенции его желания. Дорпат выделяет в депрессивном аффекте, сопровождающем это открытие, несколько производных, развивающихся по мере когнитивного роста ребенка в следующей последовательности: сначала беспомощность, затем безнадежность, сам депрессивный аффект, стыд, вина, горе, печаль и скорбь. Беспомощность подразумевает только настоящий момент и развивается в конце орального периода (примерно в конце шести месяцев) с осознанием своей отдельности от матери и зарождением собственной идентичности. А вот безнадежность как более развитый депрессивный аффект как раз связана с временной перспективой, в которой субъект болезненно осознает, что некоторые его цели, связанные с объектом, недостижимы ни сейчас, ни в будущем. По сути, это тоже форма беспомощного состояния, но в котором субъект постепенно теряет надежду на облегчение. Предположительно безнадежность появляется между тремя и

шестью годами ребенка, на фаллической стадии, когда, с одной стороны, растет напор сексуальных желаний, а с другой – есть запрет на инцестуальное удовлетворение (*Dorpat, 1977*).

Со временем, пишет Дорпат, депрессивный аффект наряду с тревожным аффектом (это второй врожденный аффект неудовольствия, который он выделяет) трансформируются в сигнальные или предупреждающие аффекты. Так, работа теперь уже сигнально-депрессивного аффекта включает в себя три этапа. На первом этапе происходит оценка внешней и внутренней ситуации, субъект понимает, цель недостижима, и предчувствует переживание потери – начинается подготовка аффектов беспомощности и безнадежности. На втором этапе происходит, собственно, само переживание депрессивного аффекта. На последнем, третьем этапе аффект тормозится, а субъект прекращает действия, направленные на достижение недостижимой цели. Если сравнивать сигнальные аффекты со светофором, то можно сказать, что тревожный аффект означает сигнал «иди», а депрессивный – сигнал «стоп» (*Dorpat, 1977*). Здесь сразу думается о тех случаях, когда функция торможения не работает, а страдание и настойчивый поиск утраченных объектов не заканчиваются, в то время как переживание темпоральности зацикливается.

В этой теории принципиально важны два аспекта: 1) овладение депрессивным аффектом означает не избавление от депрессивной реакции, а, наоборот, поддержание этого аффекта, но, надо думать, без патологической регрессии, капитуляции или дезорганизации Эго (как это происходит, например, в меланхолии); а также без защитного бегства от травматической ситуации, в том числе в соматизацию; 2) прекращение активности, направленной на достижение недоступной цели, помогает субъекту искать другие новые цели, а не схлопывать пространство будущего.

Дени Рибас решающее значение в выстраивании временности для психики отдает первосцене (*Рибас, 2019*). Он подчеркивает: ребенку важно признать себя ребенком своих родителей, чьи отношения друг с другом первичные, более ранние, а отношения каждого из них с ним – вторичные, следующие по порядку. Он использует выражение «дать право родителям на зачатие». Конечно, в реальности никакой ребенок не дает такого права своим родителям, это защита всемогуществом, помогающая справиться с болью исключенности, но и играющая важную роль в формировании фантазма о первосцене. Момент развития первофантазма, по сути, является моментом субъективации и возможен тогда, когда мать оставляет ребенка на некоторое время одного.

Мишель Фэн в своей работе «Прелюдия к фантазматической жизни» пишет, что, уходя, мать дезинвестирует ребенка, и он понимает, что происходит нечто такое, в процессе чего его не инвестируют (*Fain, 1971*). В этом состоянии у него появляются фантазии о человеческих отношениях и о том, куда ходит его мать. Получается, ребенок инвестирует того, кто его дезинвестирует, и, более того, ребенок бессознательно инвестирует и того, ради кого мать его оставляет (третьего). Однако периоды дезинвестирования должны быть уравновешены периодами инвестирования. Иначе, если ожидание будет слишком долгим для этого ребенка, он

рискует потерять репрезентацию матери, и тогда отсутствие объекта заменит репрезентацию объекта, даже если объект появится позже.

Бенно Розенберг фактором, запускающим психику и темпоральность вместе с ней, называет эрогенный мазохизм. Он тоже признает важность ожидания младенцем прихода матери и фантазий о первосцене, возникающих в этом процессе, однако вносит одно важное уточнение: в первосцене есть элемент мазохизма (Розенберг, 2022). В сущности, первосцена – наследница мазохизма. Когда ребенок представляет в фантазиях первосцену, он как будто подглядывает за родителями в замочную скважину и таким образом присутствует там с ними. Но другая сторона этого – исключенность, потому что на самом деле его там нет. Так, у первосцены существует измерение мазохизма, поскольку нарциссическая проекция ребенка может подумать о том, что его исключают для того, чтобы заставить его страдать. Более того, для того чтобы вообще находиться в ожидании, в котором возможно такое фантазмирование, нужно позволить напряжению (неудовольствию) нарастать, и в каком-то смысле, чтобы его пережить, нужно полюбить это напряжение. В этом как раз и суть работы эрогенного мазохизма – эротизация фрустрации, условием которой являются уверенность в исполнении откладываемого желания и предыдущий хороший опыт отношений с первичными объектами.

Другой пример работы эрогенного мазохизма, касающийся ожидания младенцем момента, когда он снова может обрести контакт со своей матерью, – это голод и формирующееся в нем галлюцинаторное исполнение желания. Чтобы дождаться прихода матери, которая покормит младенца, ни в коем случае нельзя стирать неудовольствие от фрустрации голода: если ребенок магически сотрет голод, то он никогда не будет больше есть. Вместо этого он инвестирует галлюцинаторное исполнение желания, в то время как нарастающее напряжение будет связываться эрогенным мазохизмом. В момент этого связывания мазохистическая способность позволяет создать время (как категорию ожидания) и репрезентацию объекта.

Ален Жибо связывает развитие темпоральности с развитием символизации. По его замечанию, темпоральность начинается со способности ребенка ожидать и символизировать отсутствующий объект во время этого ожидания. Как в описанной Фрейдом игре в катушку ребенок трансформирует свои болезненные переживания об уходе матери в игру отбрасывания и притягивания катушки, в которой эти переживания символически проигрываются (Фрейд, 2010).

Подводя итог исследованным выше концепциям, мы можем предположить следующее: младенец начиная с пренатального периода уже живет во времени – но, по выражению Анн Дени, времени архаичном, основанном на организменных ритмах и пульсациях, едином с первичным объектом времени. И хотя самая распространенная позиция в психоаналитическом обществе основана на метапсихологической позиции З. Фрейда о том, что время открывается в связи с фрустрацией удовольствия и в ожидании удовлетворения потребности (позже дополненная и уточненная концепциями переносимого ожидания Д. Винникотта (Винникотт, 2017, с. 131), связыванием неудовольствия эрогенным мазохизмом Розенберга,

символизацией отсутствия А. Жибо), важно понимать, что до открытия внешнего времени должно произойти разделение времени субъекта и времени объекта. Другими словами, субъект замечает, что время объекта может не совпадать с его временем, он впервые обнаруживает это, оставшись наедине с собой. И это еще не все время, субъекту предстоит открыть время Третьего, или время культуры, чтобы в конечном счете быть вписанным в общий контекст социального времени, что, по сути, является совокупностью разнообразных времен субъектов.

В таком виде изначально предполагаемая нами связь временности с объектом становится очевидной, поскольку развитие психического времени субъекта на всех этапах связано с развитием его отношений с объектом и степени отделенности от него. Однако важно чуть больше раскрыть содержание этой связи, которая не предполагает только изолированную работу объекта в этом процессе; в него, несомненно, включены и собственные влечения субъекта. Нагляднее всего обоюдное действие и влечений, и объекта можно увидеть в навязчивом повторении. А. Грин называет это явление «убийством времени» и предлагает рассматривать его как провал принципа удовольствия, возникший в результате неадекватного ответа объекта. То есть в том месте, где эротические или деструктивные влечения субъекта не были связаны объектом, в психике образуется «кратер», поглощающий психическую энергию и блокирующий ее превращение в символическое. Между тем проявление навязчивого повторения в переносе внутри аналитического процесса говорит нам о том, что даже если влечения не встретили объект, надежда на то, что эта встреча все-таки произойдет, сохраняется.

Время в современном обществе Ускорение времени, конечность времени и пространства

Мы предлагаем теперь посмотреть на время с ракурса социологии. Обращение к теоретическим разработкам социологии о времени нам интересно в той части, в которой раскрываются тенденции и особенности течения времени в современном обществе. Так, в фокусе внимания социологии последние несколько лет находится феномен ускорения (или акселерации), ускорения буквально всего: любви, речи, жизни, политики, досуга, телевидения и других социальных практик. Социолог Хартман Роза был первым, кто обратил внимание на то, что невозможно понять природу и характер ускорения современного общества без анализа феномена времени и ввел в науку понятие *ускорения времени*. По его замечанию, с одной стороны, ускорение времени само по себе является причиной ускорения в четырех материальных измерениях современного общества (индивидуализация, рационализация, дифференциация и окультуривание природы), а с другой – следствием структурных изменений в них. При этом ускорение становится настолько доминирующим принципом, что иногда мы можем обнаружить обратные явления. В этом парадоксальность процессов модернизации общества: индивидуализация идет рука об руку с массовой культурой; руководство рационализацией, а не

религиозным мышлением приводит к «железной клетке» бюрократии и еще большей деперсонализации системы; окультуривание природы грозит человечеству природными катастрофами. Получается, что *на другом конце социального ускорения существуют процессы замедления или во все остановки движения* (Rosa, 2003).

Тем интереснее эти размышления в дискурсе психоанализа, поскольку сам по себе психоанализ как социальная практика – далеко не быстрый процесс, в каком-то смысле стоящий особняком или даже идущий в противовес с тенденцией ускорения. Все чаще мы можем услышать от пациентов требование быстрых результатов, на что мы можем смотреть в контексте невыносимости каких-либо задержек и неудовольствия. Но мы также можем думать о том, как внешнее ускорение поощряет внутреннее настойчивое требование влечений.

Итак, что входит в социальное ускорение? В первую очередь, *технологическое ускорение*. Пожалуй, самые значительные изменения в этой области влекут за собой интернет, искусственный интеллект и технологии дополненной реальности. Мы обращаем на это внимание еще и потому, что привычные социальные практики (в том числе анализ и терапия) человека переносятся из реального пространства в виртуальное, *переворачивая* тем самым, согласно Х. Роза, в восприятии человека *приоритет пространства над временем*. Кроме того, похоже, что физическое пространство больше не имеет фундаментального значения для ориентации современного человека в мире (Rosa, 2003). Действительно, в психоанализе мы можем видеть эти проявления у своих пациентов, которые испытывают тревогу и растерянность перед выходом в город и перемещением в нем, им комфортнее общаться и осуществлять бытовые транзакции в цифровом пространстве; при этом мы необязательно наблюдаем у них клинически значимый уровень тревоги или когнитивных нарушений, наоборот, чаще всего это крайне образованные и умные люди, имеющие высокий заработок и работающие преимущественно удаленно. Как выражается психоаналитик Виктор Мазин, это «люди своего времени» (Мазин, 2021). Маргарет Вертхейм вообще уподобляет интернет-пространство с его внеземным характером христианской концепции рая. Она пишет, что так же, как и христиане представляли себе рай как идеализированную землю, которой не касается распад материального мира, современные люди видят в интернете новую свободу личности от ограничений физического существования (Бауман, 2004). Получается, что *освобождение от законов пространственности вызывает ощущения всемогущества*.

Следующая характеристика социального ускорения – это *ускорение самого темпа социальных изменений*. Имеется в виду, что образ жизни, ценности, предпочтения, модели поведения, структура отношений между людьми тоже меняются со все более возрастающей скоростью. Классическим примером здесь становятся ситуация с институтами брака и профессии. Х. Роза отмечает, что в периоде ранней современности работал принцип межпоколенческого темпа, где поколения сменялись, но подход к семье и выбору профессии оставались неизменными; в периоде классической современности стабильность системы ограничивалась

рамками одной пары и разрушалась разве что со смертью этой пары, профессия чаще всего тоже была одна и на всю жизнь; а вот уже в периоде поздней современности партнеры и профессии могут сменяться в течение жизни несколько раз, и это, безусловно, вносит ощущение очень короткого периода стабильности (*Rosa, 2003*).

Философ Герман Люббе говорит в связи с этим, что наше пребывание в настоящем все более сокращается. Он также дает подчеркнуто формальное описание прошлого и будущего, называя прошлое тем, что уже перестало быть актуальным, а будущее тем, что еще не стало актуальным, как если бы это были пункты в списке задач (*Люббе, 2019*). В этом описании нарочито исчезает связанность прошлого, настоящего и будущего, она заменяется актуальностью, понятием, стоящим ближе к чему-то очень конкретному, вроде экономической потребности или экономического тренда, нежели символическому. Как будто бы в ситуации очень быстрых изменений остается говорить только об актуальности. Вместе с тем ассоциация со списком задач появляется здесь неслучайно. Ведь в ситуации острой ограниченности времени становится важным уметь выбирать, на что его выделять.

Здесь мы как раз подходим к еще одной, последней характеристике социального ускорения, которую выделяет Х. Роза – *ускорение образа жизни*. Казалось бы, технологический прогресс должен был освободить нас от многих рутинных обязанностей, что помогло бы сделать время избыточным. И это, с одной стороны, так, но с другой – все совсем наоборот, поскольку этот же технологический прогресс порождает все более новые виды занятости. Есть некоторые исследования, которые показывают, что человек стал и вправду жить быстрее: есть быстрее, спать меньше, общаться меньше с членами семьи. Но мы не можем с полной уверенностью полагаться только на них, поскольку есть и другие сведения, говорящие о том, что, например, современные отцы стали больше времени проводить со своими детьми, чем это было в прошлом поколении. При этом люди могут меньше спать просто потому, что в их жизни стало меньше изнурительного и тяжелого физического труда. Но вот что однозначно свидетельствует об ускорении образа жизни современного человека – это осуществление большего количества дел за меньшее время. Это означает, что в связи с тем, что время дефицитно, в обществе возникает тенденция сжимать опыт, чтобы вместить как можно больше разных действий в единицу времени, делая этот опыт беглым или, например, выполняя сразу несколько действий одновременно (*Rosa, 2003*).

На основании всего вышесказанного создается впечатление, что современный человек находится в плену ускорения, навязанного модернизацией, требующей постоянного движения. Причину этого очевиднее всего искать в капитализме, который просто по своей природе заточен на постоянный рост производства и производительности. Однако Х. Роза выделяет еще одну причину, наиболее интересную для нашего исследования, – *культурные идеалы современности*. Человек видит свое счастье в возможности прожить полноценную жизнь, а полноценной он считает ту жизнь, которая наполнена многообразным опытом и развитыми

способностями (*Rosa, 2003, p. 13*). По сути, это все то же стремление человека к счастливой жизни, обещаемой некогда религией после смерти, только прошедшее через процесс секуляризации вместе с отделением церкви от управления обществом. Но совершенно очевидно, хотя и сложно принимаемо, что мир всегда предложит гораздо больше возможностей, чем один человек будет способен их реализовать. Как об этом пишет Ганс Блюменберг, время мира всегда будет перерастать и расходиться со временем жизни отдельного человека (*Rosa, 2003, p. 13*), и представляется, что этот очередной временной разрыв очень похож на первичный разрыв с матерью.

Как бы сомнительна ни была попытка справиться с тревогой конечности жизни посредством религиозного мифа о загробной жизни, все же это символический путь, в то время как ускорение и умножение активности относится к пути отреагирования. *Получается, что современное общество не имеет цели создавать условия для символического пути, и, чтобы встать на этот путь, субъекту придется преодолеть сопротивление общих тенденций.*

В своем семинаре в 2019 году психоаналитик Дени Рибас тоже поднимает вопрос ускорения времени и психологических сложностей принадлежности к этому времени. Сейчас, когда на земле становится все меньше места, говорит он, освоение космоса не открыло нам никаких других цивилизаций или других планет, подобных Земле, а последние научные исследования, кажется, находятся на пороге открытия предела Вселенной, остро встает вопрос конечности пространства и невозможности для дальнейшего проецирования. Человеческий разум не очень понимает, что можно сделать с этой конечностью и с этим «ничто», которое ждет нас в космосе вместо предполагаемых новых жизней.

Вместе с ощущением конечности пространства приходит и ощущение конечности времени. Дени Рибас делает предположение, что цивилизация сейчас находится в процессе регрессии, дезорганизации и фрагментации, связанной с влечением к смерти (*Рибас, 2019*). Также можно допустить, что мы находимся на пороге другого понимания времени, о котором говорят постмодернисты: сферического времени. Возможно, пока человечество двигалось по одной стороне сферы, время текло как будто бы линейно, и сейчас, приближаясь к краю сферической протяженности, возникает то самое ощущение конца времени, которое на самом деле может вывести на совершенно иную траекторию движения (*Рибас, 2019*). Но даже если это так, осмыслить мы это сможем снова в апреле.

Однако, возвращаясь к конечности пространства и времени (или пространства-времени, как соединяют это современные философы), в этой связи, как выяснилось, можно говорить и о конечности механизма проецирования. Дени Рибас говорит, что, *только когда мы имеем возможность проецировать внутреннее наружу, выстраивается ось времени.* Фрагментация, которую сейчас переживает общество, на его взгляд, является способом восстановить способность к проецированию. Выстроить стену, разделить, чтобы заново найти внешнее и заново найти врагов. При этом он отмечает, что переполненность проекциями и накопление

плохого внутри себя – суть меланхолии. И это дает нам ключ к пониманию того, как социальное ускорение может способствовать депрессивности общества (Рибас, 2019). Психоаналитик Мария Рита Кель, например, пишет убедительное философско-клиническое исследование, в котором как раз связывает современную депрессию с ускорением времени и называет ее новым выражением недовольства современной культурой (Кель, 2021).

Итак, как все эти процессы оказывают влияние на психику? Х. Роза пишет, что социальное ускорение – это не просто количественное измерение ускорения социальных процессов, это то, что меняет и саму природу этих процессов. Больше всего, на его взгляд, эти изменения проявлены в *трансформации личностной идентичности* и упадке политики (Rosa, 2003, p. 18). Мы в этой работе рассмотрим только изменения, затрагивающие личность, поскольку это наиболее релевантно нашему исследованию.

Личность, по его мнению, с одной стороны, вынуждена ускоряться под гнетом феномена «скользящей дорожки», в смысле непрекращающейся конкуренции; а с другой стороны, она сама добровольно выбирает ускорение по уже обсужденным выше мотивам обещанного рая на земле. Так, Х. Роза обращает внимание на часто встречающиеся выражения в обыденной речи, типа «я действительно *должен* читать книги / заниматься спортом / учить второй язык / иметь хобби / путешествовать / быть в курсе новостей» и т. д. (Rosa, 2003, p. 18), что передает парадоксальность этой ситуации, в которой человек вроде бы свободен выбирать что угодно, однако ощущает в этом не свободу, а долженствование. Обыденная речь раскрывает также еще более глубокий пласт связанности процессов ускорения и идентичности. Можно заметить, как люди говорят, что они *работают*, например, инженером, но не *являются* инженером; а также что замужем за кем-то, а не *являются* женой кого-то. Х. Роза объясняет такое использование языка тем, что *люди на каком-то уровне осознают высокую неопределенность будущего и понимают, что в любой момент времени они могут изменить свое решение или оказаться под влиянием изменения решений других людей* (Rosa, 2003). На основании этого Х. Роза говорит о тенденции «*сужения идентичности*» по аналогии с понятием сужения (сокращения) настоящего, описанным Г. Люббе (Rosa, 2003, p. 19).

Еще один термин, который применяет Х. Роза в своей работе, – «*темпорализация времени*». Он сам признает, что этот термин звучит довольно странно, однако он ярко отображает положение, с помощью которого люди справляются с неопределенностью будущего: *они больше не планируют последовательность или продолжительность своей деятельности, они оставляют ее развиваться во времени*. В отличие, например, от логики «темпорализации жизни», предшествовавшей поздней современности, согласно которой люди могли четко поделить свою жизнь на надежные временные интервалы и в связи с этим строить какие-то планы на эти периоды. В наши же дни мы скорее можем говорить о «детемпорализации жизни»: «Жизнь больше не планируется по линии, которая тянется

из прошлого в будущее; вместо этого решения принимаются "время от времени" в соответствии с ситуационными и контекстуальными потребностями и желаниями» (Rosa, 2003, p. 19). Он сравнивает такой ситуационный способ жизни современного человека с жизнью первобытного человека, в жизни которого тоже было очень много непредвиденности и опасности разрушения. Только в случае последнего угроза исходила от природы, а в случае современного человека угрозу представляют созданные им же социальные структуры.

Дени Рибас в своем выступлении тоже говорит о том, что мы часто можем слышать от людей, что они живут только в настоящем моменте, а будущее их не касается. Это, опять же, показывает нам то, насколько сильно психически люди находятся в процессе дезорганизации, что эта их опора на настоящее – единственное средство преодолеть эту дезорганизацию (Рибас, 2019). Это, конечно, находится в противоречии с изначальной идеей модернизации общества, идеалом которой является свободная, автономная личность, способная рефлексивно и осознанно вести свою жизнь и брать на себя долгосрочные обязательства. Вместо этого мы скорее имеем, как пишет Х. Роза, «ситуационную идентичность» (Rosa, 2003, p. 20). Д. Рибас же называет таких людей «текучими»; пациентами, которые не держат форму, поскольку у них нет четкой внутренней структуры, они постоянно находятся под угрозой скатывания в депрессию или ухода в гипертоническое возбуждение, которое защищает их от этой депрессии. Ускорение времени и общества, по его мнению, не дают возможности выстроить солидную структуру из поколения в поколение, поэтому мы находим таких людей среди своих пациентов, и он даже склонен думать о том, что мы могли бы выделить этот «текущий» тип людей в отдельную психическую структуру (Рибас, 2019).

3. Фрейд в работе «Недовольство культурой» пишет важную вещь: Супер-Эго является продуктом недовольства цивилизацией, то есть агрессией, направленной на нее, и интернализацией этой агрессии в качестве внутреннего механизма наказания и дисциплинирования (Фрейд, 1992). Но что происходит с агрессией в условиях, когда все изменчиво и потому нет четкого разделения между тем, что разрешено, а что запрещено? Ссылаясь на Жана Бержера, Д. Рибас отвечает на этот вопрос так: чем меньше в обществе неврозов, тем больше подавления. Это означает, что агрессивность подавляется. А вместе с ней и замораживается возможность выстроить инстанцию стабильного Супер-Эго (Рибас, 2019).

«Текущие люди», по словам Д. Рибаса, могут позволить себе все, потому что они могут все изменить, и все меняется вокруг них. Их идентичность постоянно меняется, как, например, у некоторых бисексуалов происходит постоянная смена сексуальной идентичности. Они, как правило, не знают своих желаний. Для этого ведь тоже необходимо надежно выстроенное Супер-Эго, поскольку именно оно дает ощущение идущего вперед времени, несущего в себе потери, работу горя, но и открывающего нам возможность иметь желания, которые могут стать проектами на будущее. Так что «текущие люди» хотят того, чего хочет другой. Можно сказать также, что они живут в темпоральности другого (Рибас, 2019).

Вместе с тем неспособность таких людей брать на себя долгосрочные обязательства, вырабатывать устойчивые во времени приоритеты и долгосрочные цели часто приводит к парадоксальному ощущению, в котором опыт бешеных перемен уступает место восприятию «замороженного времени» без (значимого) прошлого и будущего и, следовательно, удручающей инерции (Rosa, 2003, p. 21). То, что придает жизни чувство направленности во времени, приоритетности и повествовательности, по мнению Д. Рибаса, – это хорошо выстроенная первосцена, его обоснование этой взаимосвязи мы обсуждали ранее. Наряду с этим представляется также важным, как выражается Дени Рибас, *персонализировать нашу хрупкость и хрупкость нашего восприятия времени, сделать это частью нашей истории и осмыслить*. Ускорение, или, выражаясь психоаналитическим языком, маниакальность могут быть попыткой убежать от тревоги быстро меняющегося мира: как бы быстро скользить по тонкому льду, чтобы не провалиться. То, что может дать психоанализ современному человеку, – это инвестирование живого интереса в его психику, способного помочь организовать этот хаос внутренней и внешней жизни (Рибас, 2019).

О персонализации и де-персонализации в контексте времени

Д. Рибас говорил о персонализации хрупкости времени. Похожую мысль можно встретить в книге другого современного психоаналитика, развивающего теорию интересубъективного подхода, Джузеппе Чивитарезе – «Истина и бессознательное в психоанализе» (Civitareze, 2016). Хотя в фокусе его исследования не была тема времени, однако предлагаемые им понятия «персонализация» и «де-персонализация» в контексте бионических идей помогут нам чуть глубже понять смысл процесса персонализации времени.

«Де-персонализация» (именно через дефис) для Д. Чивитарезе лежит в основе травмы и представляет собой отчуждение («де») от себя («персона»), тела и мира. Лучше всего этот разрыв мы можем увидеть на примере сновидений, которые помогают заново открыть гармонию между телом и разумом, вернуть психику в тело. И речь идет не только о ночных сновидениях, но и о «бодрствующих сновидениях» У. Биона, формирующих защитную кожу психики. При травме сновидческая активность как «поэтическая функция разума» (Civitareze, 2016, p. 62) нарушается полностью или частично, а *persona* (лат. «маска»), которую можно отнести как к психическому барьеру сновидений, так и к понятию личности, становится утерянной.

Бессознательное, подчеркивает Д. Чивитарезе, не может быть осмысленно, если оно не связано с Другим. Субъект конституируется как трансиндивидуальный. Для У. Биона, например, разум существует только в группе, а для Д. Винникотта нет такого понятия, как ребенок, есть диада мать и дитя. Логично предположить, что и темпоральность выстраивается в непрерывных взаимоотношениях с социальностью (Civitareze, 2016). Тогда даже сон, который рассказывает пациент, – это не просто попытка

исполнения бессознательного желания, и даже не просто попытка трансформации (символизации) разрушительных эмоций травматичного опыта (согласно З. Фрейду), это порыв коммуникации: рассказать свою историю себе, аналитику и потенциально всему миру (*Civitareze, 2016*), восстановить таким образом утраченную связь с первичным объектом, ведь человек как психический субъект рождается из психики Другого.

Пример работы формулы «деперсонализация – потеря объекта – нарушение темпоральности» можно увидеть в анализе Д. Чивитарезе рассказа Ингеборг Бахманн «Синхронность». У главной героини русское имя Надя, означающее «надежду», однако с испанского переводимое как «никто» или «никто». Двойственность значения ее имени неслучайна и выражает разделенность ее внутреннего состояния. Девушка, оставив свои разочарования позади, покидает родную страну, чтобы работать синхронным переводчиком. Живя в разъездах по всему миру, она не понимала, насколько чувствовала себя отчужденной, пока не встретила на своем пути мужчину одного с ней происхождения. Он напомнил ей акценты, жесты, детали родного языка и культуры, по которым она, оказывается, скучала. Девушка проходит через кризис, сталкивающий ее с пустотой и болью потери, от которых она все это время бежала. Д. Чивитарезе отмечает, что синхронный перевод в этом рассказе является символом идеального перевода, в котором нет различий, остановок или недопонимания (*Civitareze, 2016*). Своего рода это метафора временности, в которой субъект находится в постоянном слиянии со своим объектом. Тело, вместе с эмоциями и ощущением полноты и осмысленности жизни, стирается в той мере, в которой оно отделено от матери, потому и язык сведен только к его означаемым. В конце концов героиня приходит к другой концепции темпоральности: воссоздав смысл из собственной субъективности – одновременность как способ замыкания времени трансформируется в одновременность как способность видеть вещи с большего количества точек зрения. Интересно также, как одновременность, которую ищет героиня рассказа, совпадает с той одновременностью, которую ищет современный человек в одновременности нескольких дел и ускорении времени. Д. Чивитарезе также называет одновременность способом не думать, в то время как временность, по его замечанию, единственное средство формирования разума (*Civitareze, 2016*).

Персонализация, как пишет Д. Чивитарезе, восходит к очень ранним отношениям младенца с матерью, когда младенец через отражение эмоциональности на лице матери, сенсорные, тактильные, музыкальные, ритмические средства учится *персонализировать реальность*, то есть делать ее субъективной и наделять ее смыслом (*Civitareze, 2016*). Однако необходимость в формировании смыслов на этом этапе не заканчивается, она сохраняется с нами на протяжении всей жизни. Мать по мере научения и развития психики ребенка передает ему альфа-функцию, способность преобразовывать ощущения в эмоционально значимые образы, нерепрезентативные протоэмоции – в репрезентативные. Иными словами, соединять тело и психику. Проблемы начинаются тогда, когда интернализирована

нарушенная альфа-функция, что приводит к неспособности сдерживать эмоции и связи между ними (Civitareze, 2016).

Таким образом, *такие временные феномены, как одновременность, ускорение, с определенной точки зрения выглядящие как замирание времени, являются попыткой вернуться в единую с объектом темпоральность*. Но это возвращение удастся осуществить лишь искусственно. Оно остается на уровне эвакуации, соматизации или в форме исследованного ранее феномена навязчивого повторения. Выходом из этой обреченности может стать обретение объекта, восстановление с ним связи, но в новом, развивающем качестве: рекомпозиция разорванного психосоматического единства. Д. Чивитарезе пишет, что в ходе этого нового опыта, который можно получить в отношениях с аналитиком, человек должен почувствовать то же счастье и чувство благополучия, которое мы испытываем, когда переживаем эстетический опыт (2016, р. 84).

Мы видим на основании вышеописанных примеров, как важно преобразование времени из стоящего на месте во время движущееся и открывающее множественность перспектив, времени слитости с объектом – во временность вписанности в мир и социальный контекст. Мы также можем сделать вывод, что *персонализация времени – это своего рода непрерывный процесс обращения к внутреннему объекту*, с помощью которого происходит символизация проживаемых во времени процессов.

Наблюдение за тем, как меняется переживание времени пациента в его жизни и во время сессии, может помочь нам составить впечатление о динамике влечений, а такие явления, как «убийство времени», меланхолический застой времени, фантазии об управлении временем, поиск безвременья, использование времени как оружия и т. д., могут сигнализировать нам о провале адекватного ответа объекта в опыте пациента.

Кроме того, важно понимать, что терапевт как Другой предлагает пациенту свое время, и тогда аналитический процесс можно рассматривать как взаимодействие темпоральности терапевта и темпоральности пациента, а атаки на время кадра могут быть интерпретированы как атаки на время объекта. Между тем очень часто, когда разные части пациента в аналитическом процессе снова собираются вместе, время будто упраздняется; то есть болезненный разрыв между поиском, ожиданием, отсутствием и недостатком стирается, словно по волшебству; субъект наконец, кажется, совпадает со своим желанием или объектом. Однако для кого-то такое совпадение времени, объекта и желания может быть невыносимым и опасным, и тогда пациент будет создавать временные и пространственные разрывы. Интерпретация этих феноменов может позволить соединить эти части, возвращая психику в тело, а время пространству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Глобализация для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
2. Гасилин Д. Запись лекции. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cXX2dZ5yi5w&t=7236s> (дата обращения 13.03.2022).
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad marginem, 2000. 512 с.
4. Винникотт Д. В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 208 с.
5. Кель М. Р. Время и собака. Депрессии современности. М.: Горизонталь, 2021. 370 с.
6. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 456 с.
7. Мазин В. Интервью. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pYRkihT9TeI> (дата обращения 07.04.2022).
8. Рибас Д. Опасные развязывания / Лекция Д. Рибаса на семинаре ВШЭ. Москва, 4–6 марта 2019 г. [Стенограмма]
9. Розенберг Б. Мазохизм жизни и мазохизм смерти. М.: Когито-Центр, 2018. 212 с.
10. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика (Маленький Ганс). [Электронный ресурс]. URL: <https://psychic.ru/books/book08.htm> (дата обращения: 14.09.2021).
11. Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2005. С. 19–22.
12. Фрейд З. Воспоминание, повторение, проработка // О психоанализе. Пять лекций. Методика и техника психоанализа. СПб.: Алетейя, 1998. С. 266–272.
13. Фрейд З. Заметки о вечном блокноте. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yourdreams.ru/biblio/pages/sigmund-freud-nen-1.php> (дата обращения: 15.02.2022).
14. Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 37–79.
15. Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. Тексты. Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 208–223.
16. Фрейд З. Положения о двух принципах психической деятельности // Основные психологические теории в психоанализе. М.: Госиздат, 1923. 82 с.
17. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Харьков: Фолио, 2010. 288 с.
18. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Эксмо, 2019. 160 с.
19. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.: Эксмо-Пресс, 2022. С. 224.
20. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. М.: Азбука-Классика, 2010. 256 с.
21. Alexander J. (1967) Die Zeit und der metapsychologische Begriff der Anpassung. Psyche 21 (№ 9). P. 693–698.

22. *Bergler Edmund & Géza Róheim* (1946) Psychology of Time Perception. *The Psychoanalytic Quarterly* 15 (№2). P. 190–206.
23. *Civitaresse G.* (2016) Truth and the Unconscious in Psychoanalysis. London: Routledge. P. 268.
24. *Cohn F. S.* (1957) Time and the ego. *The Psychoanalytic Quarterly* 26 (№ 2). P. 168–189.
25. *Denis A.* (1995) Temporality and Modes of Language', *International Journal of Psychoanalysis* 76. P. 1109–1119.
26. *Dorpat T. L.* (1977) Depressive affect. *The Psychoanalytic Study of the Child* 32 (№1). P. 3–27.
27. *Fain M.* (1971) Prélude à la vie fantasmatique. *Revue française de psychanalyse* 35 (№ 2-3). P. 291–364.
28. *Fairbairn R.* (1952) *Psycho-Analytic Studies of the Personality*, London: Routledge & Kegan Paul.
29. *Ferenczi S.* (1913) II. Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes. *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* 1 (№ 2). P. 124–138.
30. *Green A.* (2002) Time in psychoanalysis: Some contradictory aspects. London: Free Association Books. P. 178.
31. *Green A.* (2008) Lectures Freud's concept of temporality: Differences with current ideas. *The International Journal of Psychoanalysis* 89 (№5). P. 1029–1039.
32. *Hinrichs R.* (1984) Zeit und Psyche: Zur Genese und Dynamik der subjektiven Zeitwahrnehmung. *Zeitschrift für Psychosomatische Medizin und Psychoanalyse*. P. 342–356.
33. *Kristeva J.* (1994) *Le temps sensible*, Paris: Gallimard. Translated by Ross Gubermann as *Time and Sense: Proust and the Experience of Literature*. New York: Columbia University Press, 1996.
34. *Kristeva J.* (1996) Women's time. *Women, Knowledge, and Reality: Explorations in Feminist Philosophy*. P. 61–83.
35. *Loewenberg P.* (2015) Time in history and in psychoanalysis. *Journal of the American Psychoanalytic Association* 63 (№4). P. 769–784.
36. *Pontalis J.-B.* (1972) La pénétration du rêve. *Nouvelle Revue de Psychanalyse* 5. P. 257–272.
37. *Rosa H.* (2003) Social acceleration: ethical and political consequences of a desynchronized high-speed society. *Constellations* 10 (№ 1). P. 3–33.

Time and Psyche

L. R. Usmanova

Usmanova Liana R., Psychoanalytic psychotherapist, Clinical Psychologist.

This article is devoted to the psychoanalytic study of time. The author tries to understand such questions as:

- if time is universal for everyone, why does each of us experience it in our own way?*
- is external time really objective, or can a person never go beyond his or her subjectivity?*
- what is the subjectivisation of time and can it be viewed through the prism of relations with the internal object?*
- how does the phenomenon of time acceleration affect the psyche of a modern person?*

For a comprehensive study of these questions, not only psychoanalytical theories of psyche time, but also modern concepts of sociology, philosophy about the acceleration of time and society were analysed. As a result, the author formulates a definition of subjectification of time, proving the connection of the subject's time with its relationship with the object, which allows to take the category of time from the dimension of an ideal philosophical construction into the analytical space. This opens up more possibilities for analysing how patients deal with their time in life and in sessions.

Keywords: time and psyche, time perception, time acceleration, subjectivisation of time, compulsive repetition, timelessness, killing time.

Предиспозиция к садомазохистической организации в контексте сиблинговых конструкций. Часть I

Д. В. Дудина

Дудина Диана Владимировна – психоаналитически ориентированный психотерапевт, психолог.

Садомазохистическая организация личности представляет собой феномен не только персонального, но и культурального масштаба, который является следствием архетипически значимого места садизма и мазохизма в обществе. В работах Фрейда и его последователей теме садомазохизма отведено значительное место, и, конечно, авторы рассуждают не только и не столько о девиантной форме сексуальных практик, сколько о складе характера, формировании логики функционирования психического аппарата, структуре, которая весьма далеко отклонена от понятия получения удовольствия во взрослом, сексуальном понимании.

Сиблинговое измерение парадоксальным образом оказывается одновременно повсеместным и при том в значительной степени проигнорированным в психоаналитическом изучении. Между тем именно в этой латеральной среде образуется так много пространства для соперничества, конкуренции, борьбы влечений, отыгрывания конфликтов с родительскими проекциями. Эти сложные и противоречивые чувства неподконтрольны центральному закону отца, тем не менее они содержат достаточно сильный потенциал агрессии и вины за нее, а также серьезный риск ранней сексуализации, формирующие особую предиспозицию к возникновению садомазохистической организации.

Ключевые слова: садомазохизм, садизм, мазохизм, сиблинги, соперничество, вина, латеральное измерение, влечение к овладению, родительские инвестиции, семья, инцест, конкуренция.

Садомазохистические паттерны поведения, структурная организация вокруг данной проблематики являются значительно более распространенным явлением, нежели бытовое восприятие понятия «садомазохизм» и форм его фетишизированного представления в искусстве, исследования сексуальных девиаций и т. д. В отличие от тех крайних степеней выраженности садомазохистических тенденций, которые имеют социально резонансные формы и рассматриваются как сексуальная патология (парафилия), сами по себе садомазохистические конструкты в психике – это присущая любому индивидууму конфигурация и естественная часть психической жизни, отнюдь не всегда имеющая прямое осознанно сексуализированное воплощение. Более того, истинный садомазохизм заключается в том, что получение удовольствия отклоняется от области непосредственного сексуального взаимодействия и коитуса как такового. Здесь важно разграничить понятие «активной сексуальной функции» с садизмом, а также понятие «пассивной сексуальной функции» с мазохизмом (Федерн, 2012). Обе категории, характеризующие сексуальное поведение, относятся к выбору полоролевой модели и свойственным чертам мужской и женской сексуальности в целом. Садомазохистическая организация как функционирование психического аппарата тесно связана с конечной десекуализацией отношений с объектами и получением удовольствия в форме алголагнии, доставления или претерпевания моральных и физических страданий.

Тема садомазохизма, безусловно, чрезвычайно обширна, поэтому более узким объектом дальнейших рассуждений будет являться предрасположенность, то есть предрасположенность к функционированию в садомазохистической логике психической деятельности участников сиблинговых конструкций.

Учитывая, что в основе взаимоотношений людей лежат триангулярные или парные конфигурации, которые уходят истоками в диадические (мать – дитя) и триадические (мать – отец – ребенок) модели, особенно интересной становится роль сиблинга, как конкурента, мешающего эксклюзивной реализации означенных моделей, а также судьба влечений, предполагающая наличие такого соперника.

Таким образом, сиблинговые конструкции формируют собой особое объектное пространство и среду интенсификации садомазохистических паттернов ввиду специфических условий развития агрессивных влечений, связанных с инициальной конкуренцией и возможной аварией триадических (в случае неполных семей – диадических) отношений, а также ввиду условий возможности ранних психосексуальных травм в латеральном семейном измерении и переносных чувств, вызванных восприятием сиблинга как представителя родителя одного с ним пола.

Понятие садомазохизма и типология его видов в парадигме работ Зигмунда Фрейда

В работе «Словарь по психоанализу», ставшей источником уточнения толкования понятий психоаналитического применения, Ж. Лапланш и Ж.-Б. Понталис пишут: «Садомазохизм – выражение, которое подчеркивает не только симметрию и взаимодополнительность двух разновидностей перверсий – садизма и мазохизма, но также представляет их как пару противоположностей, имеющую фундаментальное значение как в эволюции жизни влечений, так и в ее проявлениях» (Лапланш, 2011, с. 492).

Этимология понятия «садомазохизм» восходит к двум составным частям этого термина, предложенным одним из основателей современной сексологии, известным австрийским психиатром, невропатологом и исследователем сексуальности Рихардом фон Крафт-Эбингом в монографии 1886 года «Половая психопатия». Оба понятия имеют действительные именные прототипы благодаря именам всемирно известных авторов – маркизу де Саду (**садизм**) и австрийскому писателю Захер-Мазоху (**мазохизм**), чьи сюжеты литературных произведений были наполнены сценами, иллюстрирующими соответствующие формы перверсий.

Несмотря на достаточно широкую освещенность феномена садомазохизма в работах наиболее значимых психоаналитических авторов, по мере изучения данной тематики становится очевидно, что существует определенная доля размытости в утверждении взаимосвязи понятий «садизм» и «мазохизм» с точки зрения первостепенности одного из них и соответствующей обусловленности другого. Обращаясь к трудам основателя психоанализа Зигмунда Фрейда, можно проследить своеобразную эволюцию его собственных взглядов на садизм и мазохизм, которая достаточно радикально меняла местами приоритеты этих понятий. Так, в работе «Три очерка по теории сексуальности» мазохизм предстает как вариант продолжения садизма, избравшего в качестве временного сексуального объекта собственную личность. Фрейд рассуждает о том, что пассивная и активная формы этой перверсии всегда совместно встречаются у одного и того же лица (Фрейд, 2021), однако не утверждает примат, ограничиваясь признанием дихотомической природы садомазохизма и оставляя открытым вопрос о том, возможен ли мазохизм без предшествующей трансформации садизма. Идея о том, что первичным является именно садизм, звучит в работе 1915 года «Влечения и судьбы влечений».

Теория влечений претерпевает значительную трансформацию в более поздних работах автора, и в 1920 году «По ту сторону принципа удовольствия» закрепляет роль влечения к жизни и влечения к смерти, а также противоположность любви (нежности) и ненависти (агрессии) в контексте объектного взаимодействия. Именно из компонента ненависти (агрессии) выводится постулат о садистической составляющей сексуального влечения. Фрейд рассуждает о том, что в данном случае садизм может иметь как самостоятельную природу в случае с перверсией, определяющей соответствующую направленность индивида, так и представлять собой частичное (парциальное) влечение из прегенитальных организаций.

Фрейд посвящает теме садомазохизма статью 1924 года «Экономическая проблема мазохизма», и, вероятно, именно эту работу можно считать окончательно фиксирующей автономное положение мазохизма. В соответствии с материалом статьи, психическое функционирование зиждется на трех ключевых принципах: (1) принцип нирваны (термин по Барбаре Лоу), направленный на устранение или удерживание на минимальном уровне возбуждения; (2) принцип удовольствия, содержащий в себе либидинальный императив, что любое желание должно быть удовлетворено немедленно и (3) принцип реальности, который учитывает влияние окружающего мира с его обстоятельствами, соответственно, невозможность незамедлительного получения удовольствия. При этом принцип нирваны выражает тенденцию влечения смерти, принцип удовольствия представляет собой притязания либидо, а его модификация, принцип реальности, – влияние внешнего мира. Именно на стыке сосуществования этих принципов появляется идея о первичном мазохизме, принимается идея о том, что мазохизм возникает как эротизация влечения к смерти, продуцирующаяся в организме как ответ на присутствие деструктивного влечения, связывающегося с либидо. Садизм, как влечение к смерти, направленное вовне в результате работы либидо по отведению этого опасного импульса, может также вернуться в психику, если происходит процесс интроекции агрессии, – тогда этот дважды отраженный импульс станет мазохизмом вторичным.

Типология мазохизма в психоаналитических работах Фрейда описывает три вида: эрогенный мазохизм, женский мазохизм, поведенческий (моральный) мазохизм. Если об эрогенном мазохизме уже упоминалось выше и по сути своей он является естественной, биологически и эволюционно обусловленной системой переработки смертоносных влечений, то о двух других формах стоит поговорить отдельно. Собственно, от прилагательного «женский» в понятии «женский мазохизм» содержательно остается только отсылка к кастрационной фиксации, но отнюдь не значение, что данный вид мазохизма присущ женщинам вообще. Напротив, речь идет о фантазии об избиении, унижении, сексуальном использовании, осеменении и беременности, о положении зависимости и жестокого обращения, исходящих от мужчины. В этой форме мазохизма, как правило, заложена первертность, при которой снятие сексуального возбуждения происходит не в полноценном половом взаимодействии, а посредством мастурбации либо реализуется мазохистический акт воздержания, который становится удовлетворяющим сам по себе. Таким образом, в этой форме мазохизма возникает качество, которое становится центральной особенностью третьего типа мазохизма: «ослабление своей связи с тем, что мы признаем за сексуальность» (Фрейд, 1992). Моральный мазохизм базируется на бессознательном чувстве вины и соответствующей потребности в том, чтобы быть наказанным за проступки. Эволюция мазохистического импульса уже не требует, чтобы это наказание исходило от объекта либидинальной фиксации, и карательный акт ожидаем от любой ситуации и человека. Поведенческий (моральный) мазохизм имеет в основе влечение к смерти, однако импульс влечения к жизни все же возникает в прогрессе

разыгрывания соответствующего сценария. Так, благодаря неосознаваемому сексуальному влечению, лежащему в бессознательной части, мораль снова сексуализируется, тем самым возвращаясь по пути от совести и морали к эдипову комплексу.

Вероятно, нет нужды определять позиции садизма и мазохизма, в силу обоюдного дуализма и взаимобратимости, тем более что современные психоаналитические теории зачастую противоречат классической концепции Фрейда, косвенно (посредством признания первичности мазохистского периода либидинальной организации) фиксирующей первостепенность мазохизма. Можно остановиться на том, что эти понятия существуют во взаимозависимости и всегда совместно, что делает невозможной трактовку одного из них без учета антагониста. И садизм, и мазохизм имеют в своей основе влечение к страданиям и унижениям, в то время как первый приобретает форму «активности», а второй – «пассивности». Тандем этих двух понятий стоит понимать шире, чем аспект сексуальной перверсии, еще и как форму intersубъективной организации (садистическое Сверх-Я и мазохистическое Я), как особое измерение межсубъектных отношений, как полюса господства и подчинения (*Lagache*, 1960).

Значение первичных объектов в формировании садомазохистических тенденций

Как и в отношении рассуждений о том, что же первично – садизм или мазохизм, оставленных без однозначного, постулированного заключения самим отцом психоанализа, существует разнообразие взглядов на то, какому периоду, а следовательно, во взаимодействии с каким из первичных объектов у субъекта происходит выход на садомазохистическую позицию. Часть психоаналитиков приписывает возникновение феномена генитальной стадии, другая же приводит достаточно весомые аргументы в пользу догенитальной.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть действие понятий садизма и мазохизма: речь в данном случае не о той форме садомазохизма, которая способна доставлять сексуальное удовольствие во взрослом периоде, а о прегенитальном уровне работы влечений, не наделенном сознательным или бессознательным элементами сексуального возбуждения или наслаждения (*Лапланиш*, 2011), тем не менее демонстрирующем соответствующие импульсы садистического или мазохистического характера. В своей статье «Экономическая проблема мазохизма» Фрейд рассуждает о том, что эрогенный мазохизм сопутствует всем стадиям развития либидо, меняясь сообразно: «Страх быть съеденным тотемным животным (отцом) происходит от примитивной оральной организации; желание быть битым отцом – от следующей за ней садистско-анальной фазы; как некий осадок фаллической ступени организации в содержание мазохистских фантазий вступает кастрация, хотя позднее она и отклоняется; из окончательной же генитальной организации выводятся, естественно, ситуации, в которых [мазохист] выступает объектом коита и субъектом деторождения,

характеризующих женственность» (*Dolto*, p. 353). Также можно найти первые садистические импульсы, принимая за таковые агрессивные влечения, желающие уничтожить объект, в раннем младенческом возрасте, например, когда ребенок впервые атакует материнский объект путем кусания за сосок ее груди в процессе кормления в гневе от ощущения покинутости и беспомощности за предшествовавшую кормлению разлуку. В раннем периоде младенец вынужден столкнуться с ситуацией объектных отношений, путем перехода от всемогущей позиции к использованию объекта и осознанию отдельности Другого (*Винникотт*, 2017). И пусть на этой стадии садомазохистические тенденции не связаны со взрослой сексуальностью, они вполне способны создать определенные условия для дальнейшей формации и развития ее характерных паттернов функционирования. Так мазохизм, участвующий в объектных отношениях в качестве гаранта непрерывности психического функционирования младенца в периоды фрустрации, то есть выдерживание нахождения в одиночестве в отсутствии матери и галлюцинирование ее проекции, при чрезмерной и слишком часто повторяющейся продолжительности такого отсутствия, способен направить садомазохистическое инвестирование объекта в ущерб собственному мазохизму жизни, обратив его в «мазохистический аутизм», или мазохизм смерти (*Розенберг*, 2018).

Примером и потенциальной детерминантой такого развития может служить описанная в работе о теориях привязанности модель «ненадежного типа» (*Боулби*, 2003), при которой отсутствие достаточно надежной связи и взаимного удовольствия от контактов с матерью постепенно разрушали эмоциональную близость и вынужденно сводили потребности во внешнем объекте к процессам саморегуляции. В своих исследованиях известный немецко-британский психиатр и психоаналитик Герберт Розенфельд описывал, что в подобных случаях нуждающаяся, зависимая внутренняя психическая часть малыша низводится, игнорируется и проецируется в доступные внешние объекты, где впоследствии яростно и активно атакуется (*Rosenfeld*, 1935). С точки зрения садомазохистической экономики это является достаточно наглядным примером аутосадизма, выведенного вовне вследствие непереносимости интенсивных эмоций и неспособности самостоятельно психически их переработать. В случаях более глубоких дезорганизационных процессов и ранних травм, ставших угрожающими и рискованными привести к распаду Я, боль способна стать условием для восприятия собственной целостности, инвестирования себя взамен отсутствующих опорных объектов, что широко распространено в практике самоповреждающего поведения у пациентов, в том числе раннего детского возраста. Жестокий или отсутствующий первичный объект (как правило, это мать) порождает запретные агрессивные влечения, которые еще до того, как будут вытеснены с формированием инстанции Сверх-Я, уже являются недопустимыми по принципу инстинкта самосохранения, который не может позволить произойти уничтожению заботящегося объекта и сложиться тотальной невозможности удовлетворения базовых младенческих потребностей: в еде, холдинге, содержании в чистоте. Так как разрушить первичный объект недопустимо, то жестокие

интенции, предназначенные для него, интернализируются и присваиваются субъектом мазохистическим путем. Позднее, ближе к активации эдипального периода, ребенок, который растет в условиях депривации, вполне может использовать мазохистический механизм для привлечения внимания путем провокации наказаний и в целом инверсированно воспринимать телесные наказания как единственно доступный в свой адрес объектный катексис, каким бы патологичным ни было по сути такое образование.

Переходя к теме садизма и мазохизма в сиблинговом соперничестве, имеет смысл оценить вклад многостороннего феномена садомазохизма в аспекте сиблинговой борьбы в историческом контексте. Культуральная плоскость садомазохизма существует как минимум с начала письменности, по сохранившимся свидетельствам которой еще в Древнем Египте, Древнем Риме, Индии, Японии, Месопотамии и множестве других географических областей существовали открытые садомазохистические практики, часть из которых являлась достоянием общности и носила ритуальный, обрядовый характер. Как, например, ежегодная публичная порка юношей близ храма Артемиды Ортии в Спарте как ритуал жертвенного характера в усладу великой богине. Нечто похожее изображают фрески на стенах частных домов в Помпеях: это сцены сексуального характера с применением плетей.

В работе «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд в процессе своего исследования приходит к вариации проблемы влечения смерти, которая характеризуется вводимой им категорией – влечением к овладению. Автор описывает значение понятия в связи с целями садизма и мазохизма, к примеру: «что же касается целей садизма и мазохизма, отныне представших как перипетии влечения к смерти, то акцент отныне ставится уже не на овладение, а на разрушение».

Получается, что власть над объектом в конечном счете – сексуализированное влечение к разрушению, то есть к смерти (объекта), что может весьма уместно проиллюстрировать ранняя стадия психосексуального развития ребенка, в которой тот желает овладеть кормящей грудью на оральной фазе, а далее жаждет ее разрушения. Это влечение изолируется как опасное и способное разрушить источник удовольствия, и оно продолжает существовать в обособленном виде, а далее возвращается вместе с наступлением генитальной фазы для овладения объектом, необходимого для совокупления.

Почему в дискурсе о месте садомазохизма в сиблинговом контексте так актуально принятие в расчет влечения к овладению и разрушению, так это потому, что сиблинг – всегда неудобный соперник. Влечение к разрушению – неизбежный вывод из этого соперничества, а влечение к овладению – компромисс сосуществования в приемлемых условиях, где действительное уничтожение невозможно.

В исторической перспективе имеются многочисленные подтверждения внутрисемейных, династийных противостояний и кровавых расправ между братьями и сестрами. Не вызывает сомнений то, что до эпохи промышленного переворота Нового времени (конец XIX – начало XX в.)

отношения между сиблингами не соответствовали современным понятиям. Например, в части сексуальной морали, когда было распространено и в определенной мере даже поощрялось заключение браков между двоюродными сиблингами.

Тем не менее современность не могла не унаследовать трансгенерационную информацию, копившуюся многие столетия, когда кровосмешение и расправы между братьями и сестрами носили архаичный, первобытный характер. И когда транзактный путь от «влечения к обладанию» до «влечения к разрушению», смертоносного разрешения сиблингового соперничества, был краток и прямолинеен. Изменилась форма, изменилось воплощение, но не поменялась содержательная заряженность сиблинговых конструкций – на стыке сексуальности и убийственности импульсов.

Инцестуозные тенденции сиблингов и садомазохистические игры

Инфантильная детская сексуальность в теории Фрейда и его последователей характеризуется как полиморфно-перверсная или, согласно термину Вильгельма Штекеля, «панэротическая» по своей природе. Действительно, ребенок до периода достижения фазы генитального «обобщения» парциальных, аутоэротических влечений, чья локализация соответствует одноименным стадиям психосексуального развития, обладает незрелым, разрозненным и диффузным сексуальным влечением. И пусть это влечение нельзя причислить к форме взрослой сексуальности, точнее, для взрослого человека подобная сексуальность по-прежнему была бы инфантильной, а значит – патологичной, ее наличие способно своеобразным путем «ввести в заблуждение» другого ребенка.

Если в отношении инцеста и инцестуозности в адрес родителей существует совершенно определенный запрет, вводимый эдипальной ситуацией и ролью эдипального отца, то для инцестного поведения между сиблингами такого закона как будто не существует. Если рассуждать о гетеросексуальной паре «брат – сестра», то в этом латеральном семейном измерении, невзирая на какую бы то ни было разницу в возрасте, как будто отсутствует постулат о «незаконности» инцеста в рамках своего измерения. Здесь нам придется отойти от позиции взрослого человека с нормальной сексуальностью, чтобы отнестись к этому тезису с фактологической, а не моралистической стороны.

Рассуждая о том, что средиземноморская культура приветствует традицию, в которой брат является своеобразным защитником чести и достоинства своей сестры, на ум приходит меткая фраза Жака Андре, что «от хранителя до обладателя всего лишь один шаг». В работе «Тотем и табу» Фрейд говорит о том, что первыми объектами сексуального желания мальчика являются мать и сестра (*Freud, 1913*), но если запрет на инцестуозные желания по отношению к матери очевиден и за его нарушение положено жестокое наказание в виде кастрации, то горизонтальная плоскость – сиблинговые отношения – остается несколько недосказанной. В той же работе автор рассуждает о традициях племен Меланезии,

Суматры, Фиджи и других в отношении запрета на взаимодействие братьев и сестер «известного возраста», очевидно, имея в виду сиблингов генитального периода. Взаимодействие это ограничено до той степени, что случайно столкнувшиеся в общественном месте брат и сестра должны так или иначе прятаться друг от друга во избежание малейшей возможности взаимодействия. Этот источник напряжения, вероятно, настолько силен и безусловен, что, лишенный семейного или общинного закона, подобного кастрационной угрозе эдипальной ситуации, он имеет единственный путь сдерживания – полное избегание и предотвращение какого-либо контакта.

Многие классики психоанализа, в том числе представители кляйнианской школы, относят проявления сексуальности у детей и даже возникающие при этом сексуальные отношения к норме (Klein, 1975). Сама же Мелани Кляйн отмечает, что значение этих игр и последствия для психики зависят от степени переживаемых ребенком вины и тревоги. Причем делается особый акцент на том, что вина и тревога в данном случае относятся не к партнерам по играм, а к родителям. Доподлинно известно, и подтверждением тому служит бесчисленное количество клинических упоминаний, что сексуальные игры происходят между сиблингами в семьях, причем степень серьезности этих действий варьируется от подглядывания и игр, имитирующих взрослое полоролевое взаимодействие, до действительных инцестных половых сношений.

Если объект не представляет собой вариант для идентификации, как не становится объектом собственной полоролевой фиксации и при этом вдобавок не является «запрещенным» как партнер, то есть объект не включен в эдипальную ситуацию, он оказывается вне поля принятия конфликта амбивалентности.

Допустимо предположить, основываясь на материале о сиблинговом соперничестве, влечении к обладанию и влечении к разрушению, а в конечном счете – влечении к смерти такого соперника, что одной из специфических функций инцестуозного поведения между братом и сестрой является слияние, как защита от смертоносных желаний, а также проигрывание первосцены или подражание факту подсмотренной «взрослой» активности.

В таком случае единственным запретом и центральной тревогой инцестных отношений сиблингов является риск деторождения. В первую очередь потому, что зачатие, беременность и роды были бы очевидным доказательством «результата игр» для родителей сиблингов, и во вторую – были бы необратимой аннуляцией достигнутого состояния безопасного слияния латеральных соперников.

Если признать за сиблингами страх замещения и аннигиляции, то инцест между ними с целью своеобразного компромисса влечений – не что иное, как апогей садомазохистических тенденций. Британский психоаналитик Энид Балинт описывает клинический случай регулярных инцестных актов среднего сиблинга и его младшей сестры, продолжавшихся на протяжении шести лет (примерно с шестилетнего возраста девочки, ставшей впоследствии пациенткой госпожи Балинт), как результат жестокого

и непредсказуемого поведения отца семейства по отношению к сыну (*Balint, 1993*). Результатом такого обращения, вероятно, стало применение насилия брата по отношению к сестре. Автор задается вопросом, каково же распределение сексуальности и агрессии в этом инцестном поведении и могут ли две эти части вообще быть разделены. В приведенной клинической виньетке инцест брата и его сестры предстает скорее в свете садистского отыгрывания, жестокости, которая, с одной стороны, копируется с целью идентификации с агрессором (отцом), а с другой стороны, с самостоятельной ненавистью направляется на младшую дочь, столь бережно воспитываемую отцом-тираном вопреки грубости с сыном.

Все игры, которые составляют основу детских сиблинговых забав, сводятся к ролевому, позиционному распределению: врач – пациент, учитель – ученик, казаки-разбойники – предусматривают наличие подчиненного и доминирующего, зависимого и определяющего, пассивного и активного. С одной стороны, это имитация, повторение, проигрывание тревожных сценариев с целью снятия напряжения. Например, игра в доктора, где ребенок, недавно получивший опыт болезненной медицинской манипуляции у реального педиатра, сам играет во врача с сиблингами и как бы «мстит» обидчику, отождествляясь с ним, проигрывая самостоятельно сценарий, имевший травматический эффект. С другой стороны, по аналогии с клиническим примером, приведенным выше, имеет место феномен овладевания: ребенок «овладевает» ролью доктора и садирует объект в лице брата или сестры («овладевает» и объектом) в той самой роли, в которой в недавней действительности он находился сам. Таким образом проигрывается садомазохистический сценарий со смещением аффекта в активную область, несмотря на то что ядро невроза при этом сосредоточено в мазохистическом опыте и проигрывании этого опыта, в работе смещения.

Существует также измерение гомоэротического взаимодействия однополых сиблингов, и представляется целесообразным разграничить понятия психической бисексуальности в полиморфно-первесной организации маленького ребенка, который еще не вступил в фаллическую стадию и разрешение эдипального конфликта, с гомосексуальностью как результатом инвертированного эдипального разрешения задачи идентификации. Травматический опыт раннего соблазнения и использования более взрослым сиблингом способен сформировать болезненную фиксацию, даже если опыт этот был смутно воспринимаем или вытеснен вовсе. Что же касается гомосексуального выбора ввиду инверсии объектной идентификации в эдипальной стадии, то психоаналитическое изучение склонно относить этот инвертированный исход исключительно к роли и влиянию родительских фигур и не уделять достаточного внимания латеральной плоскости, которая тем не менее представлена достаточно значимыми объектами (братьями и сестрами).

В работе «Навязчивость, паранойя, перверсия» (*Фрейд, 2015*) открывается новое пространство для дискурса о дополнительных плоскостях анализа возникновения гомосексуализма. Автор рассуждает об открытии нового механизма, ставшего доступным для наблюдения в ряде клинических

случаев и связанного с материнским комплексом и чрезвычайно интенсивной ревностью к своим соперникам за эту связь. Механизм заключается в том, что зависть, конкуренция и ревность в отношении материнского объекта провоцировали жестокие, деструктивные интенции к сестрам и братьям (точнее к сиблингам своего же пола). Эти запрещенные агрессивные желания доходили до убийственных. Невозможность их удовлетворения приводила к реорганизации влечений, трансформации чувств в обратный, парадоксальный феномен – ненавистные сиблинги становились объектами гомосексуальной любви.

Описание, которое предлагает Фрейд, характеризует защиту в виде реактивного образования – превращение влечения в его противоположность. В символическом смысле это близко к принесению себя в жертву сопернику, представлявшему угрозу исключения субъекта из столь драгоценных отношений с анаклитическими объектами, и – если позволить себе развить эту мысль и связать ее с материалом прошлого раздела, – это позволяет присвоить себе те достоинства, которыми обладает соперник, путем более безопасного, чем противостояние, слияния с ним. Что в очередной раз создает садомазохистическую установку обоюдной виновности, где под приматом сексуального влечения амальгамирован резервуар самых жестоких и разрушительных желаний, какие только могут возникнуть при конкуренции.

Представляется возможным предположить, что описанная стратегия ближе к гомоэротизму, возникающему в братских сиблинговых конструкциях, в силу природы мужской фаллической конкуренции и стремления к главенству, устранению соперников на физическом уровне, покорению их. Так как любая форма полового сношения, представленная в мужской гомосексуальности, пенетративна, в отличие от женской, и ассоциирована с унижением, то братский гомоэротизм по природе своей ближе к понятию садомазохизма, даже в случае добровольного участия партнеров.

Классическая психоаналитическая литература практически не затрагивает тему гомоэротизма в сестринских сиблинговых отношениях, хотя нет оснований полагать, что это взаимодействие не происходит в действительности. Вероятно, при учете прохождения процесса идентификации с матерью и «нормальности» этой матери, если не произошло инверсии выбора полоролевой модели, сестринский гомоэротизм биологически несамостоятелен и относится к аутоисследовательской, а не захватнической функции.

Возвращаясь к факту латеральности сиблинговых конструкций, отсутствию действительной иерархии между сестрами, которая в мужском братстве имитировалась бы за счет аспекта силы и физического превосходства, на данном этапе женский гомоэротизм сиблингов оказывается в теневой зоне. Можно предположить, что сестринский гомоэротизм у идентифицированных с «женским» сиблингов не может быть включен в самостоятельную садомазохистическую концепцию ввиду отсутствия фаллической конкуренции, отсутствия тревоги «потери» пениса и тревоги беременности. При этом он может быть символически соотнесен с

инцестуозным желанием по отношению к матери, сместившимся с первоначальной цели влечения на объект-субститут в виде сестры.

Вероятно, женскому гомоэротизму в сиблинговых конструкциях отведена роль сублимации влечения к матери и несколько патологической (нарциссической) попытки завладения идентификацией, фантазма о возвращении в утробу, регресса на оральную стадию и восприятия «зеркального отражения» себя в процессе сексуализированного взаимодействия с сестрой. Тогда как в ядре гомоэротизма братьев – агрессия, жестокая фаллическая конкуренция и эволюционное стремление к главенству, а часто – ассоциированность с жестоким или перевозбуждающим обращением отца, которое таким образом перепроживается садомазохистским путем в отношениях с сиблингом.

Психоаналитический взгляд на сюжет сказки братьев Гримм «Гретель и Гензель» в аспекте сиблингового садомазохизма

Старинная немецкая сказка, как и многие другие литературные произведения, наполнена метафорическим смыслом, через который открывается символическое значение описываемых деталей сюжета. В основе повествования лежит история о двух детях, старшей сестре Гретель и младшем брате Гензеле, которые растут в простой деревенской семье дровосека и его жены, едва сводящих концы с концами (*Jeffers, 1980*). В самое бедное время родители решают, по настоянию жены-мачехи, избавиться от детей, оставив их в глухом лесу с последними кусочками хлеба. Отец отводит детей в лес, оставляя их там на верную погибель, но Гензель успевает разбросать камушки по дороге в лесную чащу и находит обратную дорогу домой к великому неудовольствию мачехи и замешательству отца. Вскоре родители предпринимают еще одну попытку отвести детей в чащу леса, но на этот раз Гензель крошит выданную ему порцию хлеба в надежде вернуться по крошкам домой, как стемнеет и путь озарит лунный свет. Увы, крошки оказываются склеваны лесными птицами, и дети не могут вернуться, поэтому вынуждены искать спасения в лесной чаще. На третьи сутки голодного скитания в лесу они прибились к избушке. Волшебная избушка была покрыта сахаром, стены сделаны из печенья, а окошки из сахарных леденцов. В процессе поглощения сладкого домика из него вышла страшного вида старуха, которая пригласила детей в дом, досыта накормила их молоком, яблоками, медом и орехами, а после устелила им кровати и уложила детей отдыхать. Еще до пробуждения детей старуха зашла в их комнату, посмотрела на румяные щеки Гензеля и схватила его своими костлявыми руками, утащив в клетку. Дальше старуха принудила Гретель откармливать брата, чтобы, как он разжиреет достаточно, ведьма могла бы его зажарить и съесть. В качестве способа оценить степень откармленности Гензеля старуха заставляла его просовывать ей палец через прутья клетки, по толщине которого она должна была понимать, насколько он распух от еды. Гретель смекнул, что вместо пальца можно высовывать куриную косточку, чтобы старуха

подольше держала его живым и не силилась съесть, покуда он не обрастет мясом и жиром. В какой-то момент колдунье надоело ждать, и она приказала Гретель развести костер, чтобы на нем зажарить брата. Девочка выполнила поручение, но старухе пришло в голову избавиться и от сестры. Она приказала Гретель почистить жерло печи, да так, чтобы та влезла и сделала это изнутри. Гретель угадала коварное намерение погубить ее таким образом и изобразила, что не умеет этого делать. Нетерпеливая старуха с недовольством стала демонстрировать, как следует залезать в печь, но тут девочка ловко толкнула ее внутрь печки и закрыла заслонку так, что старуха сгорела заживо. Гретель освободила брата, вместе они ограбили хижину ведьмы, забрав с собой несметные сокровища, и направились в сторону отчего дома. Брат и сестра выбрались из леса и вернулись домой к отцу. Выяснилось, что за время их отсутствия таинственным образом скончалась мачеха – жена отца. Дети вынули награбленные богатства, рассыпав жемчуга и драгоценности по полу лачуги, и бросились в объятия счастливого отца. Повествование заканчивается на том, что с такими несметными сокровищами отныне не знали они голода и нужды да зажили припеваючи.

Итак, первое и решающее метафорическое измерение братья Грим вводят, говоря о том, что семья жила впроголодь, то есть на всех ее членов не хватало ресурсов: в буквальном значении сказки речь о еде, в символическом можно предположить, что речь идет о любви и энергии жизни, которая питает. То есть символическая картина разворачивается в обстоятельствах дезинвестиции детей родителями, попытках избавиться от них, чтобы либидо хватило на них самих.

Здесь возникает фантазия о попытке исключить детей из той первосценны и обмена этой пищей-либидо между двумя взрослыми, где «жена дровосека» неожиданно приобретает по тексту сказки другое название «мачеха». То есть отвержение ею (ведь именно она подстрекает отца семейства на избавление от троглодитов-детей) равносильно для них неузнаванию своей матери. Она становится плохой матерью, то есть мачехой. В пространстве их близости больше нет места детям.

Впервые они отправляются в лес, что подобно погружению в бессознательное, и отец разводит для них костер, а дети укладываются возле него – пламя в темной лесной чаще как будто символизирует первые импульсы влечений – огонь разведен отцом. Это желанья, с которыми соприкасаются дети, фантазируя о том, чем могут предаваться родители в их отсутствие.

Дальше сюжет происходящего в лесу словно расслаивается на две судьбы одного и того же сновиденческого акта: дважды дети будут засыпать в этом месте, в первый раз – из бессознательного пространства к ним приходит фантазия о рутинном разрешении событий, а во втором – перверсная фантазия с тяжелой садомазохистической подоплекой в нарушение эдипального закона.

1. Первое сновидение. Дети дремлют у костра, они и не думают самостоятельно искать родителей, ведь отец-дровосек привязал к сухому дереву чурбан, тот ударяется на ветру, напоминая звуки рубки, а значит,

отец рядом и занят. В символическом значении это угроза кастрации, а отец-дровосек помещает соответствующую кастрационную тревогу как напоминание о жестоком наказании в пространстве бессознательного, так чтобы дети не нарушали главного эдипального закона и не смели вмешиваться в дела родительской пары. Сон настигает брата и сестру, а когда они пробуждаются, то это полугаллюцинаторное пространство – их символический путь домой озаряет луна, и ее свет – символ материнского, полного и плодородного. По камушкам (отсылка к анальной эротике), которые брат еще днем разбросал по пути, дети добиваются обратно домой к великому неудовольствию мачехи.

2. Второй «сон во сне»: пробуждаясь в лунном свете, дети снова устремляются к тропинке, но на этот раз разбросаны братом были не камушки, а хлебные крошки от выделенного ему кусочка. Он должен был съесть этот кусочек, и поэтому сестра разделила свою порцию хлеба на двоих. Сестре уже пришлось поделиться своей пищей, своим либидо и своей энергией жизни – она инвестировала его в ущерб себе. Предназначенное ей одной, выданное мачехой еще дома, она вынуждена теперь поровну разделить с младшим братом. Вдобавок выясняется, что хлебные крошки – фрагментированные и парциальные влечения, которые брат раскидал днем, – исчезли, по ним не найти дороги к «цельному объекту» (дому детей). Снова лес бессознательного озарен лунным сиянием материнского света, но теперь он ведет не к нормальному эдипальному разрешению, а в самую чащу бессознательного, где их ждет столкновение с Архаической матерью (ведьмой).

Стоит остановиться на этом втором варианте сновиденческой фантазии, в котором дети погружаются в Оно – самую глубину леса бессознательного. Сестра и брат набредают на сказочный домик, который в описании сказки фигурирует как «избушка», поэтому можно представить себе коническую форму строения, съедобную по тексту сказки. Так дети припадают к питательному фасаду, словно к хорошей материнской груди, которую они начинают яростно поглощать, будучи изможденными голодом и фрустрацией нахождения в одиночестве в лесной темноте. На пороге появляется ведьма – прообраз каннибалистической и плотоядной матери, которая скоро сама попробует сожрать своих детей.

Когда Гензель оказывается заточен в клетку ведьмой, Гретель обучается домашним делам, словно образно принимает женскую идентификацию. В аспекте настоящего исследования примечательно отметить, что, кроме слез по участи брата, девочка не предпринимает никаких усилий его спасти. В этом смертельном соперничестве она исправно носит ему еду, которую по научению Архаической матери готовит для Гензеля, с полной готовностью, чтобы съели его, а она, Гретель, осталась бы жива и невредима. Брат же хитростью избегает возможности раскрыть Архаической матери степень своего взросления через демонстрацию пениса (в сказке – палец, который он прячет, подсовывая подслеповатой ведьме обглоданную куриную косточку). Очевидно, делает он это неспроста: он знает, что половозрел и реальный «палец» заставит старуху-ведьму тотчас его поглотить как угрозу ее собственной фалличности. Ему неизвестно,

означает ли полнота этого пальца-пениса риск уничтожения, кастрации, или мать сожрет его целиком. Попыток сбежать он также не предпринимает, словно втайне отращенный и налитой пенис должен подчинить себе ведьму-мать, пребывающую в уверенности, что мальчик еще незрел.

Между тем в Гретель зреет ненависть к брату, который, по тексту сказки, «получал самое вкусное кушанье, а сестричке его доставались одни только объедки». Ведь он получает эту лучшую еду по одной причине: у него есть пенис, откармливанием которого поглощена ведьма-мать и на служение нуждам которого обучена готовить сама Гретель. Младший брат занял место старшей сестры, ему полагается изобильная еда, а причина тому – ожидание, когда же его пенис станет достаточно взрослым, чтобы Мать захотела овладеть им. Девочка исправно кормит брата, заливаясь слезами, но никак не содействуя его спасению.

Наконец Архаическая мать устает ждать и решает съесть сестру, поэтому приказывает Гретель вычистить печное устье. С понятием Архаической матери тесно связана идея о партеногенетическом размножении, поэтому символизм картины, где девочка должна вычистить печную полость, напоминает идею о выскабливании, об удалении содержимого матки, что пугает Гретель и заставляет предпринять попытку воспротивиться воле ведьмы. Обманным путем она предлагает Архаической матери самой опустошить «утробу», вычистить ее, стерилизовать, но стоит той приступить к действию, как Гретель заточает ее внутрь (словно поглощает, соблазнив) и испепеляет.

Убедившись в том, что старуха-ведьма уничтожена ею, девочка выпускает из клетки своего брата, словно зверя, которым она теперь воспользуется. Брат находит сундуки с камнями и наполняет драгоценностями карманы (очередная отсылка к анально-садистической эротике), его пенис зрел, он может не скрывать этого. Гретель «набивает свой фартук камнями и жемчугами», словно беременея ими от брата. Беременная сестра и брат отправляются домой.

Добравшись до дома, они узнают, что их мачеха таинственно погибла одновременно со злой колдуньей из леса бессознательного. Гретель становится хозяйкой дома. И сказка иллюстрирует эту фантазию картиной, в которой отец-дровосек радуется возвращению детей, но уже не занимает какой-либо роли по отношению к ним. Он не регулирует судьбу садомазохистского инцестуозного союза брата и сестры, очевидного в силу беременности Гретель. Таким образом получается, что его изолированное эдипальное значение не регулирует латеральное измерение сиблингов. Хотя это значение могло бы возникнуть в той части, где мать принимает решение о недостаточности либидо и отчуждении от детей. Более того, сюжетно это разворачивающееся впоследствии садомазохистское соперничество брата и сестры за право на выживание убивает ведьму, и принятый ими компромисс в слиянии стирает проекцию «мачеха-мать», она пропадает из него.

Получается, что для формирования predisпозиции к садомазохистской организации в контексте сиблинговых конструкций необходимым условием является доля родительской депривации, обостряющая

латеральную конкуренцию. Причем особая, недостаточно уточненная роль в процессе регулирования амбивалентных влечений в горизонтальном аспекте возложена именно на фигуру отца. Особенно примечательным является то, что эта роль возникает до достижения детьми фазы генитального психосексуального развития, то есть до вхождения в эдипов конфликт (в сказке этому соответствует сцена со звуками топора). Специфичным является условие, что «закон матери» (Митчел, 2020) регулирует запрет на братоубийство, но он не регулирует запрет на инцест, на сексуализацию неудовольствия или формирование садомазохистической защиты от возникновения реорганизации влечений в случае малейшей диспропорции родительских инвестиций или дефицитарности их роли. Следовательно, возникает уникальная ситуация обоюдного значения участников родительской пары: регуляция собственных либидинальных отношений родителей в значительной степени определяет латеральное измерение их детей.

Качественная либидинальная регуляция внутри родительской пары – особый фактор формирования запрета на проявление садомазохистских тенденций в сиблинговом измерении. В продолжение рассматриваемой темы предлагается оценить последствия аварии такой регуляции на примере взаимоотношений сиблингов Анны и Сергея Панкеевых из клинически описанного случая «Человек-Волк. Из истории одного детского невроза» (Freud, 1924).

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
2. Винникотт Д. В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
3. Крафт-Эбинг Р. Преступления любви. Половая психопатия. М.: Родина, 2022. С. 74, 91.
4. Лапланиш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
5. Лапланиш Ж. Жизнь и смерть в психоанализе. СПб.: Владимир Даль, 2011.
6. Митчел Дж. Скрытая жизнь братьев и сестер. М.: Когито-Центр, 2020.
7. Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.
8. Федерн П. Вклады в анализ садизма и мазохизма. М.: Ergo, 2012.
9. Фрейд З. Очерки по теории сексуальности. М.: Эксмо, 2021. 34 с.
10. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Ergo, 2018.
11. Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Венера в мехах: сборник. М.: РИК «Культура», 1992.
12. Фрейд З. (1915c) Влечения и судьбы влечений. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychic.ru/articles/classic09.htm> (дата обращения: 20.04.2023)
13. Фрейд З. Навязчивость, паранойя и перверсия. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015.

14. *Balint E.* (1963) On being empty of oneself. London: Mitchell and Parsons, 1993.
15. *Dolto F.* (1982) Séminaire de psychanalyse d'enfants (coop. Louis Caldaguès), éd. du Seuil Paris,
16. *Freud S.* (1913) Totem and Taboo. [Электронный ресурс]. URL: https://mindsplain.com/wp-content/uploads/2020/08/Totem-and-Taboo-by-Sigmund-Freud_.pdf (дата обращения: 14.03.2023)
17. *Freud S.* (1924). From the History of an Infantile Neurosis [Электронный ресурс]. URL: https://www.sas.upenn.edu/~cavitch/pdf-library/Freud_SE_Wolfman_complete.pdf (дата обращения: 18.04.2023)
18. *Jeffers S.* (1980) Grim Brothers: Hansel and Gretel. London: Dial Books.
19. *Lagache D.* (1960) Situation de l'agressivité, Bulletin de psychologie. No°184. Novembre.
20. *Klein M.* (1975) The Psychoanalysis of Children. New York: Delacorte Press/S. Lawrence.
21. *Rosenfeld H.* (1935) Über die sogenannten "gehäuften Absencen" im Kindesalter. Medical dissertation; Triltsch, Würzburg.

Predisposition to sadomasochistic organization in the context of sibling configurations. Part I

D. V. Dudina

Dudina Diana V., psychoanalytically oriented psychotherapist.

Sadomasochistic organization of personality is a phenomenon not only of personal but also of cultural scale, which is a consequence of the archetypically significant place of sadism and masochism in society. In the works of Freud and his followers the topic of sadomasochism takes a significant place, and, of course, the authors are discussing not only and not so much a deviant form of sexual practices as a character stock, but the formation of the logic of mental apparatus functioning, a structure that is quite far removed from the concept of pleasure in an adult, sexual sense.

The sibling dimension is paradoxically both ubiquitous and largely ignored in psychoanalytic studies. Meanwhile, it is in this lateral environment that so much space is formed for rivalry, competition, struggle of intentions, and the playing-out of conflicts with parental projections. These complex and contradictory feelings are not controlled by the central law of the Father, yet they contain a rather strong potential for aggression and feeling of guilt, as well as a serious risk of early sexualization, forming a special preposition for the emergence of sadomasochistic organization.

Keywords: sadomasochism, sadism, masochism, siblings, rivalry, guilt, lateral dimension, intention to own, parental investment, family, incest, competition.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Психоаналитическое исследование аутизма

Д. Д. Грачева

Грачева Дарья Дмитриевна – психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Данная статья посвящена психоаналитическому исследованию аутизма. Тема аутизма вызывает страстные споры в отношении причин, касающихся его патологии. Отсутствие консенсуса по данному вопросу серьезно дезориентирует родителей, а сложность спокойного противостояния гипотезам сказывается на прогрессе в понимании детского аутизма, его истоков и терапии. Тема аутизма неоднократно фигурировала в психоаналитической литературе. В разные годы психоаналитики задавались вопросом о природе аутизма и пытались исследовать ее. Причины, приводящие к аутизму, до сих пор не выяснены. В настоящей статье исследуется взаимосвязь развития аутизма с нарушениями в диаде мать – младенец. Данная статья будет интересна психоаналитикам и психоаналитически ориентированным психотерапевтам, работающим с пациентами, которым был диагностирован аутизм, а также с их матерями.

Ключевые слова: аутизм, психология, психоаналитическая психотерапия, психозы, символизация, депрессия.

Данная статья будет попыткой осветить одно из самых загадочных нарушений психического развития в современном мире – аутизм. Тема аутизма остается актуальной по сей день. Многие родители, столкнувшись с данной проблемой, начинают искать ответы на вопросы ввиду недостаточной информированности. Важность отношений в диаде мать – младенец в первые месяцы жизни ребенка не всегда достаточно осознается родителями. Столкнувшись с опытом материнства, женщина испытывает различного рода чувства и фрустрацию. Никто не знает лучше самой

матери, что нужно ребенку в тот или иной момент. Но не каждая мать слышит себя и ребенка и готова устанавливать с ним симбиотические отношения.

Объектом исследования являются отношения в диаде мать – младенец. Гипотеза исследования состояла в том, что нарушения во взаимоотношениях мать – младенец являются истоком формирования аутизма. Эта гипотеза не претендовала на стопроцентную правоту, но возникла вследствие анализа психоаналитической литературы авторов разных периодов времени от начала XX века до современности. Исследование клинического материала дало представление о возможной природе возникновения аутизма.

Понятие «аутизм». Исторический аспект

Термин «аутизм» (от греческого «autos», означающего «сам») был впервые введен в работе швейцарского психиатра Е. Блейера (*Bleuler, 1950*) для обозначения нарушения, которое является прямым следствием шизофренического расщепления психики и ухода от реальности. Потребность найти в фантазии замену неудовлетворительной реальности, присущая всем человеческим существам, может быть удовлетворена таким образом. Независимо от того, насколько продукты фантазии противоречат реальности, они не вступают в какой-либо конфликт с реальностью в мозге пациента.

Предположительно аутизм существовал всегда. Практически в каждой культуре можно найти предания о людях, отличающихся от других людей своим поведением и отсутствием здравого смысла.

В современном понимании понятие «аутизм» ввел американский психиатр Л. Каннер, выделив его как отдельную проблему – расстройство аффективного общения, проявляющееся уже в раннем детском возрасте (*Kanner, 1943*). Детский аутизм назван в честь него «синдромом Каннера».

Л. Каннер, сотрудничая с коллегой Л. Эйзенбергом (*Kanner et al., 1955*), высказал мнение, что эмоциональная атмосфера в доме играет далеко не последнюю роль в происхождении аутизма. Он выразил мнение, что поведение детей с аутизмом, которое выходит за рамки нормы, является причиной проблем их родителей.

Бум изучения вопроса аутизма пришелся на середину XX века. Помимо Каннера и его коллег в это же время вопросом аутизма занялся австрийский психиатр Г. Аспергер. В 1944 году Аспергер опубликовал диссертацию, посвященную аутистичной психопатии в детском возрасте (*Asperger, 1944*).

Исследования Каннера и Аспергера совершили прорыв в исследовании аутизма. Но вопрос того, что происходит в контакте родителей со своими детьми, не был изучен, так как они делали упор на то, что аутизм – это генетическое заболевание, однако не исключали влияния семьи на его развитие.

Нарциссизм и развитие Я

Отдавая большую роль значимости либидинальных импульсов, Фрейд пытался осветить психологию психотических нарушений, описанных Блейером и Крепелином (Фрейд, 2021). Изучая эту тему, он обратил особое внимание на первичный нарциссизм. Нарциссизмом он называл то состояние, в котором либидо, оторвавшись от окружающего мира, обращается к собственному Я. Таким образом, Фрейд связывает психотические нарушения с проявлением нарциссизма, указывая, что в них он является вторичным, то есть появившимся на почве первичного.

В своих работах Д. В. Винникотт (Winnicott, 2005) исследовал диадные отношения мать – младенец. Он писал, что в эмоциональном развитии ребенка предшественником зеркала является лицо матери. На ранних стадиях эмоционального развития ребенок еще не отделяет себя от внешнего мира, поэтому то, что окружает ребенка, играет огромное значение. В процессе развития начинается сепарация между Я и не-Я. И важную роль в этом процессе играет мать. Ребенок ищет взгляда матери и своего отражения в нем. В случае отсутствия взгляда матери или ее враждебного взгляда ребенок вынужден запереться в границах собственного Я, избегая угрозы от окружающего мира.

Ж. Лакан также занимался исследованием нарциссизма (Lacan, 1966). Именно его концепцией зеркала вдохновился Винникотт. Лакан описывает то, что происходит на стадии зеркала, как идентификацию, то есть как трансформацию, происходящую с субъектом при присвоении им своего образа. Усвоение ребенком, который еще кормится грудью, своего зрительного образа представляет собой идеальную ситуацию для изучения символической матрицы, в которой Я оседает в своей первоначальной форме перед тем, как будет объективировано в диалектике идентификации с другим.

В своей статье «Déconstruction du narcissisme primaire» Р. Руссийон (Roussillon, 2011), ссылаясь на работы Фрейда и Винникотта, проводит анализ первичного нарциссизма. Он пишет, что осмысление нарциссизма должно происходить в контексте двоих, а то и троих объектов. Невозможно представить субъекта без объекта, который можно рассматривать как «другой-субъект», то есть это другой субъект, который обладает психической жизнью и своими желаниями.

При рассмотрении нарциссической теории влечений внимание акцентируется на тенденции к разгрузке субъектом своих влечений через объект, помогающий ему получить свободу от напряжения. В таком случае данный объект не воспринимается в качестве другого субъекта. В случае присутствия объекта влечение субъекта может найти разгрузку, иначе субъект будет находиться под угрозой потери и развивать аутоэротизм, чтобы защититься от этого и дожидаться благосклонности объекта. Таким образом, Руссийон вводит в жизнь влечений новое измерение, содержащее идею о том, что влечение несет за собой «послание», адресованное объекту и ожидающее ответа. Создание влечений происходит через взаимодействие между субъектом и объектом. Отсутствие отклика объекта

инкорпорируется и оставляет в Я след от этого молчания и способа, которым оно смогло разрушить импульс влечения.

Отношения матери и младенца играют огромную роль для организации психической топики. Только в любви субъект может почувствовать себя наполненным и сформировать позитивное представление о внешнем мире. Мать через опыт общения учит ребенка доверять внешнему миру, формируя позитивное представление о нем. И наоборот, отсутствие материнских инвестиций может оказать деструктивное воздействие на ребенка, вплоть до ухода от внешнего мира в себя.

Симбиоз и индивидуация

В своей работе М. Малер вместе с Ф. Пайном и А. Бергман (*Малер и др.*, 2018) описывает исследование среднестатистических матерей и их здоровых детей с целью понять, как дети приобретают чувство идентичности и ощущение своего существования. Они рассматривают психологическое рождение как процесс, через который проходит ребенок. Этот процесс был назван сепарация-индивидуация. Данную работу предлагается рассматривать как дополнение предшествующих теорий в части того, как формируются на базе нарциссизма объектные отношения. Используя термин «сепарация», Малер и Пайн имеют в виду процесс отделенности, который обозначает движение внутри психики чувства отделенности ребенка от матери через отделенность от внешнего мира. Это то самое чувство, которого не может достичь ребенок с аутизмом. Термин «симбиоз» Малер и Пайн используют для обозначения интрапсихических феноменов. Они делают предположение, что симбиоз – это предполагаемое состояние. Имеется в виду состояние, в рамках которого дифференциация между матерью и ребенком не происходит или стирается в результате регрессии.

Благодаря заботе матери усиливается связь младенца с внешним миром. С момента рождения и в течение первых недель жизни ребенок практически не проявляет никакой реакции на человека, который осуществляет материнские функции. Таким образом, в начале жизни превалирует стадия абсолютного первичного нарциссизма.

Во время бодрствования новорожденный пытается всеми силами достичь гомеостаза. Поначалу он не отделяет помощь матери от себя. Удовольствие, которое ребенок получает благодаря своей матери, помогает ему впоследствии различать «хорошее» и «плохое», как характеристики полученного опыта. Потребность младенца в матери в этом диадическом союзе абсолютна, однако для матери потребность в ребенке относительна.

В отличие от биологической концепции симбиоза, Малер использует данный термин для демонстрации слияния младенца с матерью, в котором еще нет деления на Я и не-Я, а разница между внутренним и внешним только начинает ощущаться. Малер выделяет основную черту симбиоза матери и младенца – это иллюзия общей границы младенца и матери, представляющая собой слияние с материнской репрезентацией. В случае

наиболее тяжелых нарушений психической организации и индивидуации Я младенца регрессирует до этого состояния. Несмотря на преобладание у ребенка на симбиотической фазе первичного нарциссизма, он не является столь абсолютным, как на предшествующей ей аутистической фазе. Забота и увлеченность матери своим ребенком способствуют психологическому рождению. По завершении симбиотической стадии нарциссизм дает дорогу вторичному нарциссизму. Внешний объект может стать пригодным для идентификации только в том случае, если тело младенца через материнскую заботу становится объектом вторичного нарциссизма.

Р. Шпиц занимался исследованием детской психики и взаимоотношений матери и младенца (*Шпиц, 2001*). Он выделил так называемую социальную улыбку, обозначив ее как первого психического организатора в развитии Я. Он рассматривает различные нарушения в диаде мать – младенец. Есть качественные нарушения, а есть количественные. Качественные нарушения – эмоциональные связи в диаде. Количественные – это материнский уход, когда мать покидает ребенка. Если мать через какое-то время возвращается, ребенок может восстановить связь. Но опыт покинутости, брошенности сохраняется в виде мнестических следов на протяжении всей жизни.

В своих работах Малер часто ссылается на работы Шпица, отмечая схожесть во взглядах на взаимодействие в диаде мать – младенец.

Говоря об объектных отношениях, невозможно не упомянуть теорию привязанности Дж. Боулби (*Боулби, 2003*). Его интересовали нарушения у детей, воспитывавшихся в детских домах. Он предположил, что проблема с взаимоотношениями может быть связана с тем, как строились у ребенка отношения с матерью на раннем этапе развития.

Боулби пришел к мнению, что на развитие ребенка влияют прежде всего не влечения, как было принято считать ранее, а внешняя окружающая среда. Он считал, что когда взрослые уделяют внимание только лишь инстинктивному поведению ребенка, игнорируются остальные события его жизни, которые влияют на него. Он не был согласен с тем, что ребенок привязывается к матери только потому, что она его кормит.

Хочется отметить важную роль матери в исследованиях всех вышеуказанных авторов. Формирование ребенка не идет отдельно от действий его матери. Невозможность достичь чувства отделенности (сепарации) от матери (и тем самым от внешнего мира) оставляет детей с аутизмом в себе, в своем галлюцинаторно-сумеречном состоянии.

Малер (*Малер и др., 2018*) описывает фазу сепарации-индивидуации как опыт второго рождения, что наделяет ребенка собственной идентичностью и позволяет войти во внешний мир без страха аннигиляции. Находясь в слиянии с матерью, Я младенца не способно дифференцироваться от не-Я. Удовольствие, которое ребенок получает от матери, формирует у него позитивный или негативный опыт. После двух месяцев детская «скорлупа» начинает трескаться при нормальном опыте взаимодействия с матерью, что служит началом дифференциации Я от не-Я. Это время, когда зависимость младенца от матери абсолютна. Во время симбиоза с матерью ребенку важен телесный и зрительный контакт. Во время

кормления ему необходимо видеть взгляд матери, что служит триггером улыбки.

После восьми месяцев ребенок начинает соединять хорошее и плохое, ориентируясь на полученный опыт и при этом формируя либидинозный объект. Качественные (эмоциональные связи) и количественные (уход матери от ребенка) нарушения оказывают сильное влияние на психическое развитие ребенка.

Таким образом, забота матери является организатором индивидуации и психологического рождения младенца. Внешняя среда оказывает огромное влияние на то, что происходит с психикой ребенка. Рассматривая негативный опыт, можно лишь предположить, к каким катастрофическим последствиям приводит отсутствие заботы и любви со стороны матери к младенцу. Угроза враждебного окружающего мира вынуждает младенца так и остаться в своей «скорлупе», психически не рождаясь.

Холодная мать

Огромный вклад в развитие теории возникновения аутизма с точки зрения психоанализа внес Б. Беттельхейм, который был современником Каннера и опирался на его идеи. Беттельхейм работал с детьми, страдавшими аутизмом, описывая в своей книге (*Беттельхейм, 2019*) клинические случаи, в том числе успешного излечения. В этой работе Беттельхейм, ссылаясь на Каннера, делает предположение, что «эмоциональная конфигурация в семье» не дает ребенку выглянуть из своей скорлупы и даже заставляет его оставаться там внутри.

Беттельхейм указывает на беспомощность младенца, его зависимость от действий окружающих его людей. Младенец либо вообще ничего не воспринимает, либо его реакция на происходящее происходит на уровне инстинктов. То есть психологически младенец еще не существует, ибо его реакции происходят на физиологическом уровне (например, голод).

Данной точки зрения придерживался и Шпиц (*Spitz, 1962*), который отметил, что анаклитические отношения охватывают все взаимоотношения беспомощного младенца с окружающей средой.

Развитие ощущения Я ребенка начинается с консолидации чувства комфорта. Мать, удовлетворяющая потребности ребенка, помогает ему различать собственные ощущения. Коммуникацию между матерью и ребенком можно считать установленной, когда мать различает реакции ребенка, понимает их и может удовлетворить должным образом. Таким образом происходит разделение переживания другого человека.

Время от времени младенец сталкивается с фрустрацией, когда его потребности не находят сиюминутного удовлетворения, что способствует его осознанию факта существования внешнего мира. Затем по мере своего развития младенец начинает подавать сигналы или особые знаки, воздействуя тем самым на внешний мир. Это служит началом становления его как существа социального. Если ему удастся достичь желаемого, он со временем будет пытаться манипулировать, создавая себе преимущество. Сначала ребенок будет пытаться установить контроль над не-Я. Если ему

это не удастся, то он поймет преимущество обоюдности и таким образом появится сознательная отзывчивость в отношении других людей.

Ощущения младенца играют важную роль в его «очеловечивании». Он отказывается от взаимодействия с другими, если его крик или улыбка остаются без ответа. Таким образом, тормозится процесс формирования личности, необходимый для ее взаимодействия с внешней средой. Беттельхейм делает вывод, что рост и развитие младенца полностью определяются адаптацией к нему матери.

По мере взросления ребенок понимает, что плач – это не единственный способ обратить на себя внимание и обеспечить близость матери. Дж. Боулби (*Bowlby, 1958*) рассуждал о том, что младенец, который ранее пытался с помощью крика привлечь внимание матери, затем начинает активно искать ее. Он отметил, что многие психологические нарушения можно обнаружить на втором году жизни. Это время, когда преследование и хватание ребенка достигают своего пика, как и в первые месяцы жизни, когда ребенок только родился.

Беттельхейм отмечает, что в его исследованиях аутичных детей отсутствовали упоминания об отклонениях или травмах, которые могли быть получены в ранний период младенческого возраста. Наоборот, эти дети нормально развивались в первые полтора-два года. В это время у детей еще существуют потребности, которые они не могут удовлетворить самостоятельно, однако они уже предпринимают попытки самостоятельно получить желаемое. Зачастую аутичные дети неплохо развивались и начали говорить. Их развитие происходило в контексте попыток воздействовать на внешний мир. Однако, столкнувшись с пониманием того, что он оказывает влияние на внешний мир меньше, чем раньше, убедившись в тщетности своих попыток, ребенок полностью бросает всякие попытки установить взаимодействие с ним.

Беттельхейм подчеркивает, что важную роль имеет становление социального индивида. Это связано с переживаниями опыта научения пользования туалетом. Это одно из множества переживаний, помогающих отделить Я от не-Я. Если ребенок сам выбирает место и время для дефекации, процесс происходит в плоскости обоюдности. Беттельхейм делает вывод, что способность ребенка самому обеспечить себе разрядку напряжения способствует отделению Я от не-Я.

М. Малер (*Mahler et al., 1959*) писала, что удовольствие, связанное с восприятием ребенком собственного стула, и его принятие способствуют установлению идентичности тела Я. Таким образом, ребенок перестает менять местами местоимения «я» и «ты».

Беттельхейм считал, что развитие аутизма может начаться вследствие травматических переживаний ребенка, которые случаются в трех различных периодах жизни, которые он назвал «критическими». Он занимался лечением детей с аутизмом, считая, что возможно вывести ребенка из этого состояния, но при этом необходимо его изолировать от фрустрирующей семьи.

Теория Беттельхейма вызвала широкий общественный резонанс как в научной среде, так и среди родителей детей с аутизмом. При этом она

перекликается с мнениями других психоаналитиков. Опыт взаимодействия ребенка с внешней средой оказывает колоссальное воздействие на развитие его психики. Безопасность внешней среды и окружения обуславливает нормальное развитие и «вылупление» Я ребенка из своей скорлупы, в которой он пребывает первые месяцы своей жизни. И наоборот, фрустрация, которую вызывает у ребенка внешний мир через опыт его взаимодействия с матерью, рождает у него непереносимый ужас и страх аннигиляции. Таким образом, детский аутизм – это состояние психики, представляющее собой реакцию на пребывание в чрезвычайно опасной ситуации без малейшей надежды на спасение. Психическое рождение невозможно без участия окружающего мира, а именно – без заботы и ласки матери.

Выводы Беттельхейма перекликаются с выводами Шпица (*Шпиц*, 2001) в отношении того, что опыт покинутости остается в психике ребенка в виде мнестических следов. Преобладание негативного опыта заставляет ребенка обратиться к себе, не найдя поддержки в окружающем мире. Он будет стараться защитить себя от любого вторжения извне. Аутизм – это состояние, в которое бежит ребенок, спасаясь от враждебного окружения. Аутизм можно сравнить с пещерой, в которой ребенок чувствует себя в безопасности в то время, как его мать и весь окружающий мир причиняют ему нестерпимую боль.

Аутизм и кожа

Э. Бик занималась многолетними наблюдениями за младенцами и детьми, имеющими психические заболевания. Она описывает свои наблюдения за младенцами, вводя понятие «второй кожи» (*Bik*, 1968). Основной смысл ее работы состоит в том, что на ранней стадии младенцу необходимо удерживать дезинтегрированные части, которые не особо отличаются от телесных, внутри так называемой «психологической кожи». Формирование кожи происходит в момент усвоения ребенком транслируемых матерью чувств защищенности и успокоения, что создает у ребенка интрапсихическую оболочку.

Согласно концепции Э. Бик, младенец ввиду отсутствия интеграции испытывает потребность в контейнирующем объекте. Таким образом, он производит постоянный поиск объекта, который воспринимается чувственно – как источник голоса, света, запаха. Являясь привлекательным для младенца, этот объект переживается подобно объекту, удерживающему части личности младенца в целостности. Как правило, оптимальным объектом в данной ситуации является сосок матери, находящийся у младенца во рту во время нахождения на руках матери, запах которой он чувствует.

При нарушении функции первичной кожи имеет свойство образовываться субститут, выполняющий функции контейнера, который был назван «второй кожей». Благодаря этому субституту через псевдозависимость и неуместное использование некоторых функций психики может установиться зависимое от объекта положение.

Д. Мельтцер (*Meltzer, 1975*) параллельно с Э. Бик проводил наблюдения за младенцами. Также он создал группу психоаналитиков, которая лечила детей с аутизмом. В своей статье он вводит термин «адгезивная идентификация». Он разделяет феноменологию аутизма на две составляющие – связанную с аутичными феноменами, которые константны (например, ребенок, заходя в комнату, всегда шел нюхать пластилин), и более сложную. Данные особенности не повторяются бесконечно. Обычная игра ребенка в своей комнате внутри аутичной матрицы будет напоминать побег от психической жизни. У таких детей сильнейшая нетерпимость к разлуке. Принявшие участие в исследовании дети функционировали так, словно для них не существовало никакого пространства, а только лишь поверхности. Для этих детей в пространстве, которое нельзя закрыть, не существует пространства.

Ссылаясь на Мелани Кляйн, Мельтцер пишет, что до момента первого шага в психическом развитии происходит рудиментарная дифференциация Я и объекта в виде твердых пространств. Для данных пространств необходимо осуществление переживания в постнатальном периоде, аналогичное переживанию, которое напоминает контейнирование ребенка в утробе.

Согласно концепции, выдвинутой Д. Анзьё (*Анзьё, 2011*), каждая функция психики развивается, опираясь на функцию тела, чей механизм проецируется на психический уровень. Формирование психического аппарата происходит через последовательные стадии отрыва от своих биологических основ. Разрывы между психическим и биологическим дают возможность побега от биологических законов, но в то же время они обеспечивают необходимость индивидуации анаклитических отношений между телесными и психическими функциями. Таким образом, развитие психического аппарата происходит, основываясь на физических переживаниях, имеющих биологическую природу, в которых кожа играет фундаментальную роль. Эти переживания внешнего и внутреннего характера обогащаются новым смыслом в процессе взаимодействия с ухаживающим лицом, а затем приобретают символические формы в виде мыслей, символов и фантазий.

Благодаря физической стимуляции кожа может обеспечивать репрезентациями психический аппарат. Обозначив конструкцию самости термином «Я-кожа», Д. Анзьё отметил ее важную роль в обеспечении таких функций, как восприятие, перцепция, защита, поддержка, энергия, интеграция ощущений и идентичность. Я развивает способность мыслить и репрезентировать, беря за основу Я-кожу, тем самым становясь Я-мыслящим.

Патологии Я-кожи и Я-мыслящего демонстрируют нам способы защиты Я в общении с другими людьми в попытках защититься от внутренней и внешней угрозы через физическое восприятие, которым обладает кожа. Чем больше имеется ошибок в абстрактных функциях Я, связанных с символизацией и интеграцией опыта, тем более патологическим образом будет функционировать Я. Для объяснения природы ошибок в структурировании Я Д. Анзьё обращается к теории привязанности, которая была

упомянута ранее. Он отметит связь материнского тела и чувства привязанности, которая обеспечивает захват и развитие чувства базового доверия, позволяя ребенку изучить и классифицировать объекты внешнего мира. Сепарация с матерью возможна только при наличии этого базового доверия.

Д. Анзьё делает вывод о существовании реципрокных взаимоотношений между чувством доверия и развитием символического потенциала. Отсутствие объекта не может быть принято без этого базового ощущения. Без понятия отсутствия переход от необходимости в присутствии конкретного объекта к его номинации не сможет произойти. В данном ключе понятие отсутствия переплетается с возможностью производить, регистрировать, а также терпеть сепарацию со значимым объектом – матерью.

Д. Анзьё (*Anzieu, 1993*) разбирает феномены аутизма через призму психоаналитического подхода. Он делает предположение, что скудность отношений ребенка со своим окружением, а особенно с матерью, в раннем младенчестве является причиной искажения социальной перцепции у людей с аутизмом.

Дополняя теорию Боулби, Д. Анзьё отмечает, что критерии позитивной привязанности должны быть дополнены еще одним – синхронизацией ритмов. Это способность матери приспособиться к темпу ребенка.

Случаи аутизма Д. Анзьё считает типичным примером опыта негативной привязанности. Негативный опыт привязанности препятствует дифференциации субъекта и объекта. При этом между ними сохраняется адгезивная симбиотическая связь. Негативный опыт привязанности впоследствии будет препятствовать дифференциации внешнего и внутреннего, воображаемого и реального, целого и части. У индивида на первый план выдвигается борьба с равнодушием ввиду недостатка удовлетворяющего и любящего опыта. Такие люди предпочитают физическую боль, чтобы ощущать свое существование и не выносить психические страдания, спровоцированные чувством отверженности, унижения и несуществования.

Д. Анзьё отмечает связь негативной привязанности младенца по отношению к матери с негативной привязанностью матери по отношению к младенцу, когда младенец становится хранилищем забот и дурных мыслей матери и воспринимается как разочаровывающий.

Д. Анзьё (*Анзьё, 2011*) полагал, что психическому аппарату ребенка для обладания собственной оболочкой нужно отделиться от психического аппарата матери и освободиться от симбиоза с ней. Стадию отделения он описал как обладающую фантазией об общем пространстве кожи для матери и младенца. С одной стороны, тела матери и младенца независимы, а с другой – взаимозависимы. Фантазия о единой коже на двоих порождает также фантазию об одном мышлении на двоих.

Д. Анзьё (*Anzieu, 1993*) описывает тревожащее отношение целого к частям, когда тело имеет двумерный образ, не обладающий собственным внутренним пространством. Кожа не является сплошной поверхностью, связывающей органы чувств между собой, так как каждый из этих

органов имеет собственное пространство кожи и тенденцию функционировать, не завися от совокупности органов чувств. Первичный контакт между матерью и младенцем является тактильным, что позволяет младенцу создать представление о плоском психическом пространстве, а также о поверхности для записи мнестических следов, которые создаются по образу кожи. Это является пространством рождающегося Я, описанного Д. Анзьё (Анзьё, 2011) как Я-кожа.

Резюмируя свою статью, Д. Анзьё дает описание психической оболочки, которая состоит из двух слоев – внешнего, воспринимающего и фильтрующего возбуждение, и внутреннего, воспринимающего, расшифровывающего и регистрирующего смыслы. В случае аутизма можно говорить о нарушении пропорции между двумя оболочками. Защита от возбуждения, с одной стороны, катектирована чрезмерно, с другой же – поверхность для записи слабо развита. Люди, которые страдают аутизмом, либо вообще не понимают сигналы, которые исходят от других людей, либо воспринимают их неправильно, трактуя как угрозу. Психическая оболочка аутистов достаточно хрупкая и недостаточно структурированная. Люди с аутизмом имеют защиту от возбуждения, ставшую для них панцирем и защищающую их от реальных человеческих обменов. Истинное Я этих людей скрыто в «коконе».

Таким образом, контейнирование матерью младенца создает внутри него так называемую «психологическую кожу», позволяя удерживать дезинтегрированные части. Отсутствие контейнирования создает у младенца так называемую «вторую кожу», которая связана с дефектами раннего сдерживания и может иметь разрушительные последствия для психики младенца. Развитие психического аппарата происходит в процессе переживаний внутреннего и внешнего характера, которые обогащаются новыми смыслами в контакте с матерью. Развитие чувства базового доверия у младенца напрямую связано с материнским телом и чувством привязанности. При наличии доверия возможна и сепарация с матерью, что переключается с ранее описанными теориями. Способность матери адаптироваться с собственным ребенком, устанавливать с ним симбиотические отношения, то есть диаду мать – младенец, способствует обеспечению таких функций, как восприятие, перцепция, защита, поддержка, энергия, интеграция ощущений идентичности, тем самым выстраивая конструкцию самости, рождая психическое Я младенца. В случае отсутствия позитивной привязанности может возникнуть психическое нарушение, уход младенца в «кокон». Невозможность обуздать и связать собственные аффекты вырастает «панцирем» на спине младенца, отстраняя его от взаимоотношений с другими людьми.

Аутизм. Взгляд школы Лакана

Ж. Лакан (Лакан, 2004) говорит про аутизм как про выбор. Человеку с аутизмом непросто обрести тело и восприятие как таковое, находясь в зоне расщепления. Именно через понятие о стадии зеркала можно раскрыть понимание феномена формирования симптома и означающих речи.

Ж. Лакан (*Лакан*, 1981) пишет, что, полагаясь на материнского Другого, ребенок входит активным образом в мир. Но аутистичный ребенок наталкивается на препятствие на этом пути. Он опасается всего, что приходит извне, в том числе языка, поэтому избегает его и конструирует мир, который будет построен исключительно собственными ресурсами. Такой ребенок будет производить на окружающих впечатление оторванного от мира и сосредоточенного на себе. Это будет являться для ребенка защитой от той тревоги, которую он испытывает, взаимодействуя с другими.

Ф. Дольто (*Дольто*, 2021) пыталась осмыслить психическое состояние и глубокие страдания аутистичных детей. Она указывает на то, что аутизм не является врожденным заболеванием. Это реакция ребенка, который в процессе своей самоидентификации столкнулся с каким-то испытанием. Обычно это происходит в первые дни его жизни или между четырьмя и десятью месяцами. Ребенок в результате травмы способен потерять символический и аффективный контакт с матерью. Под травмой Дольто понимает чаще всего отсутствие матери – скорбь или путешествие. Отсутствие объяснения произошедшего события со стороны матери отправляет ребенка в прибежище своей внутренней речи. Дети с аутизмом являются особенными, высшими существами, так как к ним не прилипают даже болезни.

Дольто не верит в фатальность психотических состояний. Для нее дети, страдающие аутизмом, – это дети, которые рано созрели, которым не говорят о том, что для них так важно. Если бы отсутствующая мать рассказала ребенку, что произошло и почему ее не было рядом и что она не знала, что ребенок так от этого страдал, многие из таких детей смогли бы восстановить контакт со своими матерями, как это было до того события, после которого они впали в аутизм. Если бы мать смогла рассказать ребенку, что он в семье нежеланный или ждали ребенка другого пола, это позволило бы ребенку восстановить контакт с матерью.

Совокупность психических и поведенческих особенностей ребенка с аутизмом приводит к нарушению социализации. Столкнувшись с пренебрежительным отношением к себе и убедившись в том, что нельзя повлиять на людей, которые о тебе заботятся, как и на мир в целом, ребенок уходит в себя от реальности. Прибегая к такому защитному механизму, как примитивная изоляция, ребенок пытается справиться с полученным стрессом.

Лакановская школа, продолжая развивать идеи Фрейда, также делает акцент на том, что развитие ребенка происходит в контакте и, если этот контакт не установлен должным образом, ребенок отворачивается от мира, замыкается в себе. Опыт, полученный младенцем во взаимодействии с матерью, оказывает фундаментальное воздействие на психику, фактически формирует ее и восприятие младенцем окружающего мира – как доброго и надежного или как плохого и враждебного. Таким образом, аутизм воспринимается не как врожденное заболевание, а как испытание, с которыми не справился ребенок в процессе самоидентификации. В центре этих переживаний находится отсутствие контакта ребенка с матерью и отсутствие вербального объяснения переживаний ребенка.

Аутизм и инкапсуляция

Большой вклад в развитие теории аутизма внесла Фрэнсис Тастин, работавшая психотерапевтом в Тавистокской клинике. Она интенсивно работала с аутичными детьми на протяжении 30 лет. Тастин (*Tustin, 2021*) отводит большую роль аутистическим объектам. Дети с аутизмом предпочитают металлические игрушки или предметы, которые они используют в качестве игрушек. У таких детей существует укоренившееся ощущение, что эти металлические предметы являются частью их самих. Эти объекты, которые Тастин назвала «аутистическими», как бы «защищали» этих детей. Дети были недоступны, находясь под защитой этих объектов. Аутистические объекты используются не для их изначально предполагаемой цели. Они используются индивидуально каждым ребенком. В результате недостатка фантазий, связанных с аутистическими объектами, эти объекты используются для связывания с незрелыми фантазиями, близкими к телесным ощущениям.

Основная мысль работы Тастин заключается в том, что ситуации, происходящие с ребенком в младенческом возрасте, вызывают у него необходимость оградиться от окружающего мира. Одной из таких ситуаций является ряд шокирующих событий, которые не может выдержать еще несформированный психический аппарат ребенка. Ситуация, которая чаще всего становится пусковым механизмом для развития аутизма, связана с переживанием телесной удаленности матери и младенца друг от друга ввиду жестокой оторванности или травмы.

Ребенок с аутизмом, по мнению Тастин, пропустил стадию нормального младенчества, связанную с попытками практики. Эта стадия проявляется при отсутствии матери. Многие такие дети пропустили нормальную стадию сосания, при которой ребенок симулирует сосательные движения, воображая материнскую грудь. Такие дети пропустили ранние обучающие переживания, связанные с игрой. Эти дети хотят все сделать с первой попытки. Столкнувшись с неудачей, ребенок теряет всяческое желание повторить еще раз. Ребенок вместо творческой деятельности, развивающей фантазию, использует аутистические объекты, которые являются барьером по отношению к реальности.

Д. Розенфельд (*Rosenfeld, 2018*), ссылаясь на Фрейда, пишет, что первая галлюцинация ребенка – повторение раннего тактильного опыта – связана с кормлением грудью. Наблюдая, как ребенок двигает ртом, представляя, что он сосет грудь, мы видим проявление первого психологического механизма – галлюцинации, которая в то же время является попыткой общения. Это сообщение от ребенка будет полезно в том случае, если оно понято и интерпретировано его матерью.

Приводя в пример опыт своей работы с ребенком-аутистом по имени Бенджамин, Розенфельд подчеркивал, что без тактильного контакта с объектом ребенок не может связать тактильный контакт со словесным символом. Он полагает, что галлюцинация, которую З. Фрейд считал первым психическим механизмом, может быть связана с механизмом

аутизма. Аутичный ребенок возвращается к примитивной галлюцинации, являющейся его первым впечатлением, окутывая и окружая себя им.

Согласно точке зрения Розенфельда, механизм аутистической инкапсуляции используется ребенком для сохранения ценных аспектов пережитого опыта.

Розенфельд развивал теорию Тастин, делая акцент на том, что аутизм является состоянием доминирования ощущений, которому сопутствует обеднение эмоционального контакта. Пытаясь охарактеризовать состояние аутистической замкнутости, Тастин начала развивать теорию инкапсуляции.

Тастин рассматривала аутизм как реакцию на иллюзорную травму переживания телесной обособленности – травму, которую Малер описала при неудаче симбиоза. В качестве реакции на то, что, казалось, ощущается как несвоевременное изгнание из психологической послеродовой утробы, аутичный уход из человеческой реальности является последним защитным маневром для выживания: человеческий потенциал ребенка заключен в жесткую, безразличную внешность ракообразного. Аутизм для Тастин – это защита от преждевременного осознания обособленности и непохожести объекта. Она считает, что синдром Каннера и симбиотический психоз Малер имеют общую фундаментальную аутичную характеристику – отрыв от реальности этих детей. При этом Розенфельд подчеркивает важность различия между потерей объекта и потерей возможности контакта с объектом. Пустота, которую испытывают аутичные дети, описанная Тастин и Малер, отличается от потери объекта. Разрыв, происходящий между ожиданием и исполнением, означает, что потеря – это не что-то ясное и значимое, а еще более глубокая потеря из-за того, что она покрыта замешательством.

Теории Тастин и Розенфельда не противоречат другим теориям. Потеря контакта с объектом, с кем ранее были установлены отношения, оказывает катастрофическое воздействие на психическое развитие ребенка, заставляя его уйти внутрь, «закапсулировать» полученный ранее опыт, отвернувшись от окружающего мира, считая его угрожающим и опасным.

Споры об аутизме

В своей книге Д. Рибас (*Ribas, 2004*) задается вопросом о природе аутизма и разбирает теории, которые уже освещены в данной статье. Он пишет о том, что не всегда мы можем говорить об уходе ребенка внутрь себя по причине холодности или равнодушия родителей. Есть обратные свидетельства, говорящие о чрезмерной любви матери. Любви настолько сильной, что она подобна поглощению. Он также указывает на переоценку игрового аспекта в институциональном лечении аутизма. Если неспособность играть является неотъемлемой частью патологии, игра становится жизненно важной для лечения таких детей. Он ссылается на Винникотта, который показал нам важность процесса игры для психического развития. Игра открывает для ребенка пространство творчества, искусства и культуры.

Рибас указывает на невозможность вытеснения у аутистов. Этот защитный механизм им недоступен. Отсюда их феноменальные способности запоминать и с точностью воспроизводить огромные объемы информации и различных деталей. Они не могут стереть из памяти то, что ранее увидели. Также они не способны вытеснить какие-то неприятные моменты из собственного жизненного опыта. Ссылаясь на работу Рене Руссийона о первичной символизации, он пишет, что символизация опыта вытесняет в своем процессе даже след несимволизируемого опыта. Что бы она ни символизировала, она вписывает это и в то же время теряет. Именно это лежит в основе так называемого «первичного вытеснения», которое проявляется как продукт символизации. Таким образом, любой прогресс в процессе символизации сопровождается вытеснением, формированием ядра вытесненного, которое является организатором психической жизни.

Рибас указывает на то, что психоаналитики в последние десятилетия значительно продвинулись в изучении аутизма и отошли от основной идеологии Беттельхейма и Винникотта с идеализацией роли матери. Родители детей с аутизмом также испытывают огромные страдания, часто обвиняя себя в диагнозе их ребенка.

Разбирая теорию Малер, Рибас, ссылаясь на Винникотта, указывает на важность фазы симбиоза между матерью и младенцем для развития психики. Во время разлуки, слишком жесткой или слишком продолжительной для того, чтобы у ребенка были возможности поддерживать внутреннее представление о своей матери или родительской замене, ребенок испытывает примитивную агонию, невыносимую тоску, которая, если будет продолжаться слишком долго, оставит в психике неизгладимые следы.

Говоря о теории Беттельхейма, Рибас пишет, что многие специалисты и родители восстали против нее ввиду того, что для лечения было необходимо полностью отделить ребенка с аутизмом от его семьи, тем самым как бы наказывая ее за то, что она виновата в том, что ребенок стал таким. Рибас, ссылаясь на свой опыт, указывает на то, что таких детей необходимо лечить в стационаре при обязательной поддержке родителей. Только в таком случае терапия может быть успешной.

Рибас пишет, что Мельтцер адаптировал к патологии концепцию Э. Бик, описывающую первую фазу развития идентичности здорового младенца – адгезивную идентичность. Это примитивная совместная идентичность матери и младенца, поддерживаемая общей психической оболочкой, состоящей из материнской заботы, удерживания на руках, языкового общения, материнского запаха и психического воздействия матери на ребенка.

Рассматривая взгляд школы Лакана, Рибас подчеркивает, что изучение вклада материнской психики в формирование влечений и языка ребенка в рамках структурной логики Лакана имеет актуальное значение, если мы исходим из того, что первый язык всегда является языком матери.

Рибас пишет, что сомнение в очевидности внутреннего и внешнего развития психики является отправной точкой в исследовании аутизма. Винникотт и Тастин сделали предположение о неочевидности различия между психикой ребенка и внешним миром. Э. Бик и Д. Анзье

сделали то же самое в своей концепции тела как контейнера-содержимого. Беттельхейм и Винникотт в своих работах дали нам понять, какую важную роль играет окружающая среда для раннего психического развития.

Подводя итог, Рибас пишет, что главная проблема аутизма – символизация. Первичный объект, который младенец пытается найти, – это слияние себя и объекта, как слитые воедино грудь и рот. Достаточно хорошая мать допускает, чтобы предрасположенность ребенка к галлюцинациям в отношении хорошей ситуации сочеталась с самыми ранними ощущениями этой ситуации. В таком случае это будет похоже на колебание между иллюзией слияния и фактом контакта, что является границей дифференциации между «я» и «ты».

Ссылаясь на работы Рене Руссийона, Рибас пишет, что путь символизации – это путь первичного объекта. Таким образом, субъективный объект, созданный детской психикой, смешивается с психикой другого человека – матери, чтобы найти в реальности воплощение своего творения. Эта встреча формирует для ребенка внешнюю реальность. Отсутствие у ребенка репрезентации делает невозможной работу горя по первичному объекту, что приводит к расстройству символизации при аутизме. Материнские способности символизировать отсутствие и скорбь по первичному единству с младенцем позволили бы ребенку вырваться из порочного круга неспособности к символизации и работе горя. Сюда же можно отнести депрессию матери, при которой парализуется способность к работе горя, следовательно, мать не сможет достаточно инвестировать в младенца и помочь ему сформировать внешнюю реальность через символизацию. Обретая себя в объектах, психические процессы, нематериальные и неуловимые сами по себе, обретают перцептивную и материальную форму, они становятся образными и различимыми – психика может начать осознавать их через их материализованную форму. Благодаря восприятию психическая материя обретает форму благодаря галлюцинациям, перцептивная материя оживает благодаря двигательным навыкам, эта материя преобразуется.

Сталкиваясь с инаковостью объекта или пространства, в которое она проецируется, психическая материя возвращается во внутреннее пространство посредством интернализации. В этом процессе отвлечение от объекта сопровождается психическими преобразованиями, которые происходят внутри него, которые и будут нести его отпечаток. Таким образом, интроекция следует за проекцией. Способности матери младенца мечтать предполагают интроективные способности идентификации. Поскольку есть возможность изобразить с помощью проекции как первый отклик объекта, так и все, что было отвергнуто и невозможно получить от него, разворачивается субъективная игра на страже аутоэротизма. Эта игра, которая открывается символизации, смещает самосознание с самого себя, чтобы открыть его объекту и символизировать его инаковость. Эта игра остается зависимой от присутствия материнского объекта.

В своей более поздней работе Рибас (*Ribas, 2010*) описывает тенденцию аутистов растворяться, отчуждаться, больше не быть предметом

своих желаний и конфликтов, что является действием «влечения к смерти». Изначально оно направлено на собственную личность, а затем оно направляется вовне, допуская агрессию, что обуславливает агрессивное поведение таких детей. Аутизм учит нас, что самые ужасные психические увечья могут возникнуть в результате избегания страданий.

Разбирая работы психоаналитиков, исследовавших аутизм, Рибас пишет о М. Малер, которая рассматривала детский аутизм как защиту ребенка от потребности в симбиозе с матерью. Проблема аутизма, по ее мнению, возникает, когда у ребенка отсутствует ожидание удовлетворения матерью его потребностей в эмоциях, любви и контакте.

Ссылаясь на Фрейда, Рибас пишет о гипотезе первого момента психической жизни младенца, который связан с представлением о груди матери о кормлении во время чувства голода, что дает ему возможность еще поспать. Для Малер разница между просто психотическим ребенком и аутичным ребенком заключается в способности галлюцинировать. Ребенок с аутизмом отрицает и стирает внешний мир негативной галлюцинацией, которая сводит на нет все восприятие. В то же время ребенок-психотик способен к представлениям, что позволяет ему поддержать бредовую иллюзию симбиоза, от которого он не может отказаться, будучи неспособным справиться с разлукой и мучительной болью, которую она вызывает.

В нормальной симбиотической фазе младенец начинает психическую жизнь благодаря любви и заботе своей матери. Из потребности в пище он строит потребность в психическом обмене и контакте с другими, причем желание возникает из потребности. И, как следствие, вызывает большое беспокойство, когда отношения между матерью и младенцем нарушаются либо из-за трудностей одного из диады, либо из-за разлуки.

Рибас отмечает, что у детей с аутизмом есть надежда на исцеление через психотерапию с возобновлением психического развития. Есть надежда на регресс до стадии, на которой произошла блокировка, и на возможность доступа к положительному симбиозу, благодаря которому становится возможным открытие Другого. Но некоторые психоаналитики, особенно во Франции, пошли дальше, начав с психотерапии родителей детей с аутизмом, которая выявила фантазии о насилии, слиянии или смерти.

Винникотт описал как особую форму психического катаклизма потерю правильного объекта любви, приносящего удовлетворение прежде, чем ребенок сможет понять свою отделенность от матери. Теряя грудь, ребенок думает о том, что потерял себя как единое целое. Это отрыв от самого себя. Это хорошо отражает то, что, по мнению Рибаса, передают нам психотики, которым удается выразить словами свои тревоги. Бесконечные падения в бездну, разрывы бытия, пустота, в которой царят безмятежные ужасы, свидетельствуют о тревогах распада и ужаса небытия.

Ссылаясь на работу Ф. Тастин с аутичным мальчиком по имени Джон, Рибас пишет, что мальчик называл опыт своего разрыва в связке «сосок – рот» «черной дырой». Эта черная дыра часто встречается на детских рисунках психотиков или бывших аутистов, которые с тревогой затемняют рот только что нарисованного ими человечка. Тастин описывает черную дыру как ад. Ад, который является не просто вечной потерей любви.

Падение в черную дыру как раз приводит к потере ощущения временной и пространственной непрерывности самого себя, потере способности «упорствовать в своем существовании». Тастин развила свое понимание страданий, которые раскрывает черная дыра, поставив под сомнение существование проекции, описанной Мелани Кляйн, как универсальную аксиому в пользу существования у этих людей врожденных страхов, подобных инстинктам животного.

Современные астрофизики выбрали термин «черная дыра» для описания необычных небесных объектов, которые имеют огромную массу при очень маленьком объеме. Плотность становится такой, что ничто, даже свет, больше не может вырваться из нее, что оправдывает это название. Любая материя, которая приближается к ней, также вовлекается в это бесконечное падение. По мнению Рибаса, это дает нам очень красивую метафору психики, падающей в черную дыру этой катастрофической депрессии. Психика не способна противостоять и чувствовать печаль, она подавляет себя в ней.

Ребенок с аутизмом – это не тот ребенок, которому наконец потребовалась бы хорошая мать, чтобы все исправить. Все зависит от творческих способностей ребенка. И все усилия психоаналитика заключаются в том, чтобы помочь ребенку преодолеть свой ужас. Обмен с внешним миром – это единственный реальный путь к выходу из черной дыры, но этому противостоит необходимость «тиранического контроля», который развил ребенок, чтобы защитить себя.

Аутизм, который мы наблюдаем, по мнению Рибаса, является патологической попыткой вырваться из черной дыры. По мнению Тастин, ребенок пытается заполнить черную дыру «аутичными объектами» или скрыть ее «аутичными формами».

Разбирая концепцию, которую предложил Д. Мельтцер, Рибас пишет, что психика, которая еще не сформировала свою целостность, может в результате адгезивного контакта сломаться при потере объекта любви. Отношения с другими позволяют строить себя, отождествляя себя с ними. Мы вкладываем в себя качества друг друга благодаря интроективной идентификации. Чтобы попасть в общество людей, ребенок должен оплакать свое иллюзорное всемогущество над миром. Благодаря доступу ребенка к интроективной идентификации время становится его другом, а надежда – опорой.

Таким образом, Рибас проанализировал все рассмотренные ранее в данной статье теории и, на основании своего многолетнего опыта работы в дневном стационаре с детьми, страдающими аутизмом, выдвинул свою теорию, на которую предлагает опираться при дальнейших исследованиях аутизма. Но неизменной остается роль матери в психическом пробуждении ребенка – ведь именно она помогает младенцу создавать репрезентации и сделать возможной работу горя по тому состоянию симбиоза, в котором пребывает младенец в первые недели своей жизни, когда он еще не может дифференцировать окружающий мир и Я/не-Я. Мать, которая находится в депрессии по той или иной причине, не способна создать у ребенка репрезентации, которые помогли бы ему символизировать.

Тем самым, избегая страданий, ребенок вынужден будет закапсулироваться внутри своей психики, что приводит его к аутизму.

В знании, которое человек имеет о самом себе, все еще есть неизвестное – знание о рождении нашей личности, знание о рождении нашего разума. Вопрос аутизма по сей день вызывает много различных споров по поводу его причин. Проанализировав различные психоаналитические теории за последние сто лет, мы видим, как в одно и то же время исследования абсолютно разных людей приходили к общему знаменателю.

Только в любви субъект может почувствовать себя наполненным и сформировать позитивное представление о внешнем мире. Мать дает младенцу опыт взаимоотношений, помогает дифференцировать Я и не-Я. Роль матери в психическом пробуждении младенца не оспаривается ни одним из упомянутых авторов. Однако Дени Рибас призывает нас не вешать на родителей ярлыки ответственности за аутизм их детей. Каждая история индивидуальна по-своему. Но трудно поспорить, что окружающая обстановка оказывает огромное влияние на формирование психики у ребенка.

Теория Бруно Беттельгейма, которая вызвала широкий общественный резонанс, оказалась не столь точна в том, что родители виноваты в развитии у ребенка аутизма. Как правило, родители таких детей и так испытывают огромное чувство вины, что усугубляется данными выводами, которые не нашли поддержки у других психоаналитиков, таких как Фрэнсис Тастин и Дени Рибас, назвавшими теорию Бруно Беттельгейма «ужасной ошибкой». Зачастую родители сами находятся в таком состоянии, которое требует оказания помощи и поддержки. И не всегда причиной аутизма является исключительно враждебное отношение родителей к своему ребенку. При этом концепция кризисных периодов по Бруно Беттельгейму перекликается с выводами Рене Шпица в отношении того, что опыт покинутости остается в психике ребенка в виде мнестических следов. Дени Рибас как раз пишет, что мать, которая находится в депрессии, не имеет возможности инвестировать ребенка.

Огромное значение имеют опыты наблюдения и практической работы с детьми Дональда Мельцера, Эстер Бик и Дидье Анзьё. Они описали, как опыт взаимодействия с матерью оказывает влияние на младенца, формирует у него «психологическую кожу».

Таким образом, контейнирование матерью младенца создает внутри него так называемую «психологическую кожу», позволяя удерживать дезинтегрированные части. Отсутствие контейнирования создает у младенца так называемую «вторую кожу», которая связана с дефектами раннего сдерживания и может иметь разрушительные последствия для психики младенца. В клинических случаях, описанных разными авторами, мы можем наблюдать единую картину в играх детей с аутизмом: они выбирают в качестве игрушек холодные металлические предметы и провода. Именно эти сложные системы позволяют этим детям хоть как-то связать свое восприятие этого мира.

Аналитики лакановской школы делают акцент на важности для ребенка контакта с матерью, ибо в контакте происходит развитие. Отсутствие вербального объяснения переживания младенца может привести к провалу

ребенка в вопросе самоидентификации и, как следствие, к уходу в себя. Таким образом, отсутствие символизации не позволяет ребенку сформировать внешнюю реальность. Эти выводы также подтверждаются концепциями, выдвинутыми Рене Руссийоном и Дени Рибасом.

Дэвид Розенфельд развивал теорию Фрэнсис Тастин, описывая состояние аутизма как ощущения, которым сопутствует обеднение эмоционального контакта. Эти ощущения развиваются в отношениях ребенка с окружающим миром и матерью. Ребенок с аутизмом все видит и слышит, выглядя при этом слепым и глухим. Он не может создать эти разные восприятия внутри себя.

Дени Рибас (*Ribas, 2010*) описывает свой опыт общения с двумя матерями аутистов. У одной матери умер брат, после чего в скором времени родился сын. Она была очень сильно привязана к родному брату и не смогла осуществить работу горя, отрицая эту потерю. И дала сыну второе имя, в честь брата. Она говорила Рибасу, что в ее сыне есть что-то мертвое, он вне жизни. Другая мать после работы с Рибасом не поменяла своего отношения к ребенку с аутизмом и сдала его в школу-интернат.

Вышеупомянутые заключения подтверждают важность и актуальность исследуемого вопроса для понимания причин, способствующих уходу ребенка в себя.

Исследование аутизма

В исследовании приняли участие восемь матерей детей, у которых диагностирован аутизм. С каждой из матерей было проведено глубинное интервью с целью сбора данных о семейной истории и опыте материнства. Анализ карточек ТАТ проведен в дополнение к интервью с целью получить более полное представление не только о семейной истории этих матерей, но и об их внутренних конфликтах, влечениях, интересах и мотивах. Полученные данные позволяют подкрепить сделанные ранее выводы о роли матери в психическом пробуждении ребенка практическим материалом и дают основу для дальнейшего более глубокого исследования.

Всех участвовавших в исследовании матерей аутистов объединяет наличие травматических переживаний различной степени тяжести (рождение сиблингов, смерть родителей, выкидыши, аборты, смерть близких, ситуации потери собственного выбора, оставление без помощи), в которых ими не были получены утешение, защита и признание события. Все эти женщины в своей жизни в качестве основной психической защиты используют изоляцию аффекта.

Под изоляцией аффекта мы понимаем защиту, которая формируется, когда субъект не смог проделать работу по переживанию травмы. Чувства, которые вызывает травматическое событие, подавляются и инкапсулируются. Аффект отделяется от воспоминаний, что затрудняет создание репрезентации и символизацию полученного опыта.

Аутизм представляет собой то состояние, когда происходит инкапсуляция, то есть мы можем наблюдать похожий механизм. Закапсулированные аффекты матери отделены от репрезентации пережитых событий.

Невозможность присвоить собственный опыт не может способствовать символизации у младенца его чувств и переживаний. Отделение аффекта от воспоминаний у матерей может также способствовать развитию депрессии. Под депрессией мы понимаем то состояние, в котором субъект не может самостоятельно проделать работу горя. Находясь в таком состоянии, матери невозможно сформировать для собственного ребенка психическую реальность.

Психические процессы должны обрести себя в объектах, чтобы стать образными и различимыми, способными сформировать внешнюю реальность. Если мать не может связать собственные аффекты с репрезентациями, она будет не в состоянии это сделать для собственного ребенка.

В результатах полученного исследования было видно, что рождение ребенка и опыт материнства стали травмирующим событием для некоторых матерей. Потеря возможности собственного выбора, отсутствие помощи со стороны близких, чувство одиночества и пустоты погрузили их в депрессивное состояние, которое в некоторых случаях проявляется и по сей день. Сложно говорить о возможности физического и психического контакта с ребенком в таком состоянии. В отдельных случаях присутствовали деструктивные фантазии, направленные на собственного ребенка. Потеря возможности собственного выбора направляет агрессию на ребенка, который в таком случае становится виноватым в невозможности матери наполнить свою жизнь положительными репрезентациями.

Я полагаю важным акцентировать внимание на проблеме послеродовой депрессии как в мире, так и в нашей стране в частности. В развитых странах частота таких эпизодов стремится к 50%. На мой взгляд, данная статистика напрямую связана с количеством обращений и правильной диагностикой. В менее развитых странах женщины реже обращаются за помощью, игнорируя депрессивные симптомы или стыдясь их. Тут также важна роль окружения женщины, которое вовлечено или нет в ее жизнь.

Истории исследуемых женщин говорят нам о том, что их окружение не способствовало связыванию аффектов с репрезентациями. Женщины чаще всего оставались один на один со своими трудностями начиная с раннего детского возраста. К зрелым годам уже формировались сильные психические защиты, которые не оставляли аффекту места в жизни женщины.

Таким образом, данное исследование подтверждает гипотезу в отношении того, что нарушения в диаде мать – младенец влекут за собой такие разрушительные последствия, как аутизация ребенка. Данное исследование не ставило своей целью обвинить матерей в диагнозе их детей. Как мы видим, эти женщины имеют трудности с символизацией собственного опыта, что не дает им возможность обеспечивать своему ребенку психическое рождение. Имеющиеся в отдельных случаях органические поражения у детей также могли усугубить ситуацию развития, в том числе психического.

Несмотря на то что истории восьми матерей, принявших участие в данном исследовании, не похожи между собой, они имеют много общего в виде наличия травмирующего опыта и отсутствия поддержки со стороны

родных и близких, которые могли бы способствовать символизации полученного опыта.

Я полагаю, что это важно – сделать акцент о необходимости психологической подготовки к рождению ребенка. В нашем обществе до сих пор существует множество постулатов и предубеждений в отношении материнства. На мой взгляд, материнство – это выбор, который должна иметь каждая женщина. Рождение ребенка – это безусловное счастье, которое также сопряжено с большой ответственностью. В нашей стране целые системы готовят женщин к беременности и родам, но практически никто не занимается обеспечением психологической профилактики будущих рожениц. В новостных повестках нередки новости о суицидах новоиспеченных матерей, которые накладывают руки не только на себя, но и на своих детей. Это все является следствием послеродовой депрессии, которая вовремя не диагностирована и оставляет женщину один на один со своей внутренней болью.

Я бы отметила важность оказания психологической помощи женщинам, выросшим в деструктивных пограничных семьях, в которых присутствовали насилие и зависимое поведение. Эти женщины составляют большую группу риска для аутизации детей, потому что у них, как правило, не было возможности присвоить полученный опыт, если они ранее не обращались за психологической помощью. На примере одного из исследуемых случаев мы видим, как вовремя оказанная психологическая помощь помогла предотвратить возможную аутизацию ребенка, мать которого в процессе терапии изменила свое отношение к детям, начав проявлять заботу по отношению к ним и развивая чувство привязанности и вовлеченности в жизнь ребенка.

Данное исследование может служить почвой для дальнейших исследований проблематики аутизма, его связи с психологическим состоянием матерей и их собственным жизненным опытом. Результаты данной статьи могут быть использованы психоаналитиками и психоаналитически ориентированным психотерапевтами в работе с женщинами, которые планируют становиться матерями или уже стали ими. На мой взгляд, одной из важнейших профилактик аутизации общества должна стать доступность психологической помощи для населения, а также открытость информационных источников по данной проблеме. Многие женщины, столкнувшись с диагнозом аутизм, не имели представления о том, что это и с чем может быть связано. Профилактика аутизма должна быть направлена на формирование знаний человека о себе и помощи ему в присвоении собственного жизненного опыта.

Рассматривая диаду мать – младенец, мы должны также понимать, что для символизации необходим и третий. Ведь мать для собственного ребенка является не только матерью, но и женщиной. Поэтому неоспорима важность третьего – мужчины, который сформировал бы у ребенка фантазм о первосцене. Мы можем рассмотреть фантазм о первосцене как один из организаторов психического.

Мать, у которой есть мужчина, вынуждена оставлять своего ребенка: уложив его спать, она уйдет к мужчине, а не будет пребывать в бесконечном союзе с младенцем.

Как мы видим из историй участвовавших в исследовании матерей, некоторые из них оставались в нерушимом союзе с собственным ребенком, исключая мужчину и разрушая триангуляцию.

Если мать ребенка не находится в непрерывном слиянии с ним или не оставляет его надолго одного (в этом случае у него существует риск потери матери как объекта), инвестиции и дезинвестиции ребенка уравновешены, что способствует развитию аутоэротизма и фантазматической деятельности. Таким образом, можно выделить роль фантазма о первосцене как одного из структурирующих в развитии психики ребенка.

В случае, если мать находится в непрерывном слиянии с ребенком, у него будут отсутствовать репрезентации отсутствующего объекта – матери, которые способствовали бы формированию фантазматического мышления. В то же время, если мать надолго покинет ребенка, это может способствовать уничтожению всех репрезентаций. Таким образом будет происходить умерщвление зачатков мышления, что мы можем наблюдать у аутистов. Для организации психической жизни основополагающим вопросом будет являться возможность идти навстречу объекту любви, при условии, что любовь идет от главного объекта в жизни, гаранта жизни – матери, опять же – при условии, что сама мать инвестирована своим окружением и не находится в одиночестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа. Ижевск: ERGO, 2011. 304 с.
2. *Беттельхейм Б.* Пустая крепость. Детский аутизм и рождение Я. М.: Академический проект, 2019. 484 с.
3. *Боулби Дж.* Привязанность / Пер. Н. Г. Григорьева, Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 287 с.
4. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2021. 717 с.
5. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 3: Психозы. М.: Гнозис/Логос, 1981. 432 с.
6. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 11: Четыре основных понятия психоанализа. М.: Гнозис/Логос. 2004. 304 с.
7. *Малер М., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2018. 413 с.
8. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. СПб.: Азбука, 2021. 224 с.
9. *Шниц Р.* Психоанализ раннего детского возраста. М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2001. 159 с.
10. *Anzieu D.* (1993). Autistic phenomena and the Skin Ego. *Psychoanalytic Inquiry*. V. 13. P. 42–48.
11. *Asperger H.* (1944). Die “Autistischen Psychopathen” im Kindesalter. *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten* 117. P. 76–136.
12. *Bik E.* (1968). The Experience of the skin in early object-relations. *International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 49. P. 484–486.

13. *Bleuler E.* (1950). *Dementia praecox or the group of schizophrenias.* International Universities Press. New York.
14. *Bowlby J.* (1958). The Nature of the Child's Tie to His Mother. *International Journal of Psychoanalysis*, 39. P. 350–373.
15. *Kanner L.* (1943). Autistic disturbances of affective contact. *The Nervous Child*. No 2.
16. *Kanner L., Eisenberg L.* (1955). Review of psychiatric progress; child psychiatry and mental deficiency. *The American journal of psychiatry*, 1955. No 111 (7). P. 520–523.
17. *Lacan J.* (1966). Le stade du miroir comme formateur de la fonction du Je. *Ecrits I.* Ed. Du Seuil. P. 89–97.
18. *Mahler M., Furer M., Settlege C.F.* (1959). Severe Emotional Disturbances in Childhood; Psychosis. *American Handbook of Psychiatry.* S. Arieti, New York. P. 816–839.
19. *Meltzer D.* (1975). Adhesive Identification. *Contemporary Psychoanalysis.* Vol. 11. P. 289–310.
20. *Ribas D.* (2004). *Controverses sur l'autisme et témoignages.* Presses Universitaires de France, Paris.
21. *Ribas D.* (2010). *L'énigme des enfants autistes.* Postface inédite. Librairie Arthème Fayard/Plurie, Paris.
22. *Rosenfeld D.* (2018). *The Creation of the Self and Language: Primitive Sensory Relations of the Child with the Outside World.* New York: Routledge.
23. *Roussillon R.* (2011). Déconstruction du narcissisme primaire. *L'Année psychanalytique internationale 2011/1.* (Vol. 2011). P. 177–193.
24. *Spitz R.* (1962). Autoeroticism Re-examined. *The Psychoanalytic Study of the Child.* V. 17 International Universities Press. New York. P. 283–315.
25. *Tustin F.* (2021). *Autistic States in Children.* New York: Routledge.
26. *Winnicott D. W.* (2005). *Playing and Reality.* New York: Routledge.

Psychoanalytic research of autism

D. D. Gracheva

Gracheva Daria D., Master of psychology, psychoanalytic-oriented psychotherapist.

This article is devoted to the psychoanalytic research of autism. The topic of autism causes passionate debate regarding to the causes relating to its pathology. The lack of consensus on this issue is seriously disorienting for parents, and the difficulty of calmly confronting hypotheses affect in understanding of childhood autism, its origins and therapy. The topic of autism has repeatedly appeared in psychoanalytic literature. Over the years, psychoanalysts have refined the nature of autism and how to detect it. Causes of autism are still not understood. This article explores the relationship between the development of autism and disorders in the mother-infant dyad. This article will be of interest to psychoanalysts and psychoanalytically oriented psychotherapists working with patients diagnosed with autism, as well as their mothers.

Keywords: autism, psychology, psychanalytic psychotherapy, psychosis, symbolization, depression.

Между психическим и биологическим: анализ возможных причин ненаступления беременности у женщин фертильного возраста

А. А. Стазаева

Стазаева Анна Александровна – кандидат философских наук, психоаналитически ориентированный и перинатальный психолог.

Проблемы женской фертильности, нарушения в области материнства и детства становятся предметом изучения специалистов из разных областей: психологии, философии, культурологии, биологии и медицины, а также фокусом внимания исследований в области нейронаук. Одной из ведущих идей является мысль об отказе разделения проблем, связанных с бесплодием, на физиологические и психологические, однако зачастую, именно психологические факторы могут являться предпосылкой для дальнейших трудностей на пути к рождению ребенка. Актуальность психоаналитического подхода в изучении проблем психогенного бесплодия является важной, несмотря на современные достижения в области перинатальной медицины, физиологии, акушерства и гинекологии, высокий уровень неонатальных практик, качественной диагностики физиологических нарушений репродуктивной сферы женщин и мужчин. Последние десятилетия в России активно развивалась область психологии, занимающаяся вопросами перинатальной проблематики, однако причины бесплодия неясного генеза раскрыты лишь отчасти. Труды отечественных и зарубежных коллег: И. В. Добрякова, Г. Г. Филиппова, Д. Пайнз, К. Хорни, Дж. Магдугалл, Ж.-П. Ракамье, М. Кляйн, Д. В. Винникотта, Дж. Рафаэль-Лефф, М. Бидловски, Р. Прат – внесли вклад в изучение женского бесплодия. В данной статье бесплодие неясного генеза у женщин репродуктивного возраста будет рассматриваться через призму симбиотических отношений, фиксации на ранних объектных отношениях, сложностей в опыте диадических отношений, первичных идентификаций с объектом (объектами), трудностей в прохождении эдипальной ситуации. Вышеуказанные сложности в конечном счете способствуют скоплению переживаний в виде внутренних конфликтов и приводят к невозможности забеременеть.

Ключевые слова: фертильность, психогенное бесплодие, перинатальная психология, психоаналитическая психотерапия, первичная идентификация, архаическая мать, первичный объект, вынашивание, беременность, зачатие, первые женщины Адама, Ева, Лилит.

Женщины, у которых появляется желание зачать, выносить и родить ребенка, нередко сталкиваются с определенными трудностями на пути к своему материнству. Часто попытки забеременеть не приводят к желаемому результату, что порождает стресс и в дальнейшем, усиливая воронку переживаний, не улучшает состояние женщины и не продвигает ее на пути к желаемой беременности. Не всегда медики находят физиологическую причину, ставят диагноз. Это еще больше усложняет эмоциональные переживания.

По определению, которое приводит Всемирная организация здравоохранения, бесплодием считается «болезнь мужской или женской репродуктивной системы, определяемая как неспособность добиться беременности после регулярных незащищенных половых актов на протяжении 12 или более месяцев», «бесплодие может быть первичным или вторичным. Первичное бесплодие диагностируется в том случае, если у женщины никогда не наступало беременности, а вторичное – в том случае, если у женщины была как минимум одна беременность» (ВОЗ, 2023). Однако в данной статье мы будем рассматривать бесплодие, носящее более сложный характер: физически женщина и ее партнер здоровы, а беременность не наступает. Сразу хочется добавить, что научный прогресс не стоит на месте, и диагностика физиологических проблем ненаступления беременности все лучше выявляется врачами-репродуктологами, однако для нас, как специалистов, работающих в области психического здоровья, важно иметь возможность понимать и выявлять другой уровень сложностей, приводящих к нарушению фертильности. Известно, что беременность может наступать у женщин с разной психической организацией. Однако наблюдения показывают, что ненаступление желаемой беременности может быть у женщин с различными структурами: психотической организацией с выраженным отрицанием реальности, расщеплением объекта в психосоматических или пограничных структурах, в неврозах с эдипальной проблематикой.

Рассмотрение сексуального развития девочки, тех процессов, которые происходили в психике и теле будущей женщины на пути ее психосексуального становления от рождения до пубертата и далее, дает возможность разобраться в процессах, с которыми сталкивается женщина на пути к зачатию и материнству.

Понятие эдипова конфликта как важного структурирующего элемента в развитии психических процессов каждого индивида З. Фрейд отразил в своей работе «Толкование сновидений» (1900), дальше ученый продолжил развивать эту тему в «Трех очерках по теории сексуальности» (1915).

В концептуальной работе того времени «Три очерка по теории сексуальности» он отказался от рассмотрения патологии с точки зрения психосоциального развития и осознал, что все ранние процессы, которые им описаны, не являются патологическими, а представляют собой норму детского психосексуального развития. Именно в этой работе он упоминал о различиях развития мальчиков и девочек, нарциссической составляющей этого развития, определенной направленности к объекту. Важная мысль в этой работе следующая: в своем развитии девочка меняет объект

привязанности и также генитальную сексуальную зону: «...ведущая эрогенная зона у девочки расположена на клиторе, следовательно, она гомологична мужской эрогенной генитальной зоне – головке члена. Все данные, которые удалось собрать о мастурбации девочек, подтверждают роль клитора, а не других частей наружных половых органов» (Фрейд, 2017, с. 133). Однако со временем, по мере взросления и становления женского организма, возбуждение передается с клитора на вход во влагалище и происходит смена эрогенной зоны. Также тут правомерно говорить о переходе от типично «мужской сексуальности», с присущей ей агрессивностью и внешним проявлением в виде эрегированных мужских гениталий, в сторону «женской сексуальности», как более пассивной, скрытой, как и вновь обретенная эрогенная зона у девочки (влагалище, вагина). Однако девочка, увидев реальные различия полов, живет с представлением о том, что ее клитор разовьется и станет таким же большим, как и у мальчика. Со временем этого не происходит, и, по мнению З. Фрейда, она начинает понимать, что в какой-то момент ее как будто кастрировали. Такое наблюдение приводит девочку к выводу о своей ущербности. Далее есть несколько путей. Один из вариантов – это «бороться со своей неполноценностью, прибегая к компенсациям разного рода». Например, идти по пути развития «комплекса мужественности». Или, наоборот, смотря на себя как на «кастрата», отказаться от проявления своей фалличности. Но, по мнению, З. Фрейда, есть и другой путь, а именно смена объекта любви. Маленькая девочка в процессе своего взросления меняет «мать на отца», таким образом «она отказывается от желания иметь пенис, заменяя его на желание завести ребенка, и с этой целью делает отца объектом своей любви. Мать становится объектом ревности, девочка превратилась в маленькую женщину» (Фрейд, 2017)

Таким образом, разворот в сторону отца, а точнее, отделение от матери является одним из ключевых этапов развития женщины. Если такой поворот все-таки удастся осуществить, то, по мнению аналитика, «теперь путь к развитию женственности у девочки свободен, поскольку не сужен остатками преодоленной доэдиповой привязанности к матери» (Фрейд, 1931).

В работе «О женской сексуальности» (Фрейд, 1937) автор делал акцент на том, что у девочки, будущей женщины, существует активная «доэдипальная» связь с матерью, достаточно продолжительная и более тесная, чем у мальчиков. Этот период характеризуется глубокой привязанностью и психобиологической предопределенностью: «Продолжительность этой привязанности к матери сильно недооценивалась. Во многих случаях она продолжалась до четвертого, а в одном – до пятого года, то есть принимала гораздо большее участие в раннем расцвете сексуальности». По наблюдениям автора, многие девочки так и не делают «разворота» от «доэдипальной матери» к «эдипальному отцу».

Психоаналитик пишет: «Развитие девочки в нормальную женщину более сложное и более трудное, так как включает обе задачи, которым нет соответствия в развитии мужчины». Это прежде всего: примирение со своим анатомическим устройством и смена объекта (Фрейд, 1937).

Таким образом, первичные отношения с объектом, а именно с матерью, играют важную роль на пути к женской сексуальности и, как следствие, к интеграции женской идентичности и к материнству в целом.

3. Фрейд говорил о том, что ему, в силу личностных особенностей, сложно строить более глубокие концепции по поводу доэдипальных и эдипальных отношений девочки с матерью, а также его труды, в которых он так или иначе касался вопросов становления и развития женской сексуальности, для самого автора не являлись истиной в последней инстанции, что создало предпосылки для дальнейшего изучения вопроса психосексуального развития женщин.

В современной науке большинство исследователей, как мужчин-ученых, так и женщин, говорят о том, что зависть к пенису – только часть трудностей, с которыми сталкивается девочка на пути к своей зрелой сексуальности и женственности. Карен Хорни и Мелани Кляйн продвинулись дальше в области размышлений о проблемах женского, сексуального, материнского. Карен Хорни вступала в полемику с некоторыми взглядами З. Фрейда. Она не соглашалась с основной идеей ученого о женской «зависти к пенису», выдвигая контрутверждение: зависть есть не только у женщин, но и у мужчин. Мужчины завидуют женскому физиологическому строению: вагине, «матке» и способности, которая есть только у женщин, – вынашивать и рожать детей. Мужская активность и стремление к завоеванию есть всего лишь борьба с этой завистью и компенсация отсутствия. Психоаналитик писала о том, что мужской орган является видимым, женские половые органы скрыты (влагалище так и остается невидимым, клитор с трудом визуализируется). Только после достижения определенного возраста, а именно пубертата, у девочки начинают проявляться половые признаки, которые становятся видимыми (грудь). В этом возрасте становится очевидной половая принадлежность, и нарциссические переживания снижаются. Таким образом, основная сложность у девочки возникает на догенитальных фазах развития, так как это обусловлено физиологическим строением женского тела. Исследования говорят о том, что клиторальные, уретральные, вагинальные ощущения в организме женщины присутствуют изначально, с раннего детства, и могут быть спутанными. Примером такой спутанности может быть ощущение при потугах во время родов у женщины на втором этапе, когда малыш начинает давить на потужную мышцу. Ранние либидинозные влечения к отцу и мастурбаторная активность (детский онанизм) порождают чувства вины и тревоги. Защитой от переживаний будет являться комплекс мужественности, который впоследствии мешает принимать саму суть себя, своего женского, сексуального, материнского (Хорни, 2018).

Мелани Кляйн говорит о том, что зависть к пенису является всего лишь символическим выражением иного желания. Женщина не хочет быть продолжением своей матери, она хочет быть самостоятельной, полноценной женщиной. Пользуясь выражением «соединенные родители», М. Кляйн раскрывает основные инфантильные, архаичные фантазии, которые лежат в основе ранней сексуальной теории: «...мать при коитусе оставила у себя пенис отца и, что женщина с пенисом, в конечном счете, означает

обоих соединенных друг с другом родителей» (Кляйн, 1932). Маленькая девочка, проявляя интерес к пенису отца, основывается на желании занять место матери и стать как мать, овладев самым ценным, что есть у ее матери. Следовательно, желание выходит на поверхность как гетеросексуальное. Оральный захват пениса отца усиливает соперничество с матерью, до которой она еще не доросла, что приводит к усилению гомосексуальных тенденций.

Вступая в эдипальный период, девочка делает сложный разворот, меняя объект любви, перенося все свои любовные фантазии с матери на отца. Мать как объект первичной привязанности становится «ненавистна», принося страдание, оголяя рану. В статье «Женское чувство вины» французский психоаналитик Жанин Шассге-Смиржель пишет, что такой разворот в психике приводит к тому, что у девочки формируется так называемое «женское чувство вины», поскольку она понимает, что в какой-то степени становится предателем своего первичного объекта и переключается на объект вторичный. Кроме того, вхождению в эдипальный период сопутствуют множество процессов: целая гамма чувств по отношению к образу всемогущей матери, женский комплекс кастрации, идеализация отца. Продолжая рассуждать, автор делает акцент на том, что дальнейшие отношения с отцом будут напрямую зависеть от первичных отношений с матерью. Можно отметить, что первичные отношения с матерью чаще всего отмечены высокой степенью амбивалентности, и отец в данном случае представляется «последней надеждой» (Шассге-Смиржель, 2005).

Очень близко с идеализацией вторичного объекта находится другая сторона, а именно садистически-анальные части влечений, которые, по мнению психоаналитика, девочка будет «вытеснять» и «контринвестировать». Однако, используя садистически-анальный компонент своей сексуальности, девочка всего лишь стремится реализовать свое основное желание «иметь ребенка от отца», которое проявляется в желании удержать в себе пенис отца, чтобы, по сути, быть им оплодотворенной. «Зависть к пенису, в сущности, является всего лишь символическим выражением другого желания. Женщина не хочет быть мужчиной, но хочет освободиться от собственной матери и стать полноценной, самостоятельной женщиной» (Шаффер, 2005).

Таким образом, входя в эдипов период, девочка несет в себе первичную нарциссическую рану, желание отделиться от всемогущей матери и обрести свое отдельное, женское.

Вслед за эдипальным периодом в психосексуальном развитии наступает время латентности, но внутренние тревоги и переживания усмиряются ненадолго. В период пубертата происходит обострение. Однако переходный возраст со всеми его трудностями – это второй шанс прожить непрожитое, проработать непроработанное.

Исследователи, в частности М. Бидловски, рассуждают о подростковом периоде следующим образом: молодая девушка видит всемогущество своей матери и осознает, что та имеет сексуальные отношения с отцом и способна рожать ему детей. Все это наделяет первичный объект в

голове дочери сильной властью, что порождает различные чувства в сторону матери, а именно зависть и ненависть. Однако есть и другая мать, которая когда-то являлась для девочки источником нежности и заботы. Привязанность к такой матери способствует формированию у девушки желания родить собственного ребенка. Следовательно, первая беременность и роды являются для женщины следующим этапом на пути к своей зрелости и индивидуализации (*Bydlovski, 2020*).

Физиологически зрелое тело в пубертате способно к зачатию и вынашиванию ребенка, следовательно, вполне может служить для разрядки психического конфликта. Но важно осознавать, что в основе психической зрелости лежит прежде всего желание дать миру, или «сотворить», нового человека, таким образом, достигнув зрелого Эго-идеала (*Пайнз, 2016*).

Важно отметить, что в этих рассуждениях Д. Пайнз и З. Фрейд расходятся, так как, по мнению Фрейда, беременность является главной мечтой девочки и ее основным желанием получить ребенка от отца.

Таким образом, можно говорить о том, что на пути к материнству девочка сталкивается со множественными сложностями и через амбивалентную позицию открывает себе путь к взрослению, партнерству, материнству. Главная цель прохождения этапов психосексуального развития – это отделение от матери и достижение индивидуации.

Беременность наступает там, где сходятся желание родить ребенка от отца, идентификация девочки с матерью и ее материнской заботой, а также любовь к своему партнеру. В связи с идеей Фрейда о том, что девочка хочет родить ребенка от отца, часто за скобками остается идея о том, что в основе взаимоотношений лежит идентификация с материнским объектом, а именно с матерью первичного ухода, заботы и тепла, матерью-землей, кормящей и питающей. На выходе из пубертата, соперничая со своей матерью, бессознательно, молодая девушка, получив в свое распоряжение тело, способное зачать, стремится к тому, чтобы родить ребенка от отца. Но за эдипальным желанием в патологии ненаступления беременности часто скрывается более ранняя проблематика взаимоотношений с объектом. Таким образом, если в одной из областей происходит сбой, то это может приводить к ненаступлению беременности.

В природе действуют свои законы. Существует системообразующий закон в естественных науках, который можно описать так: от рождения до смерти. Для того чтобы человечество сохраняло свою популяцию как вид, важно передать мандат жизни другому поколению. Следовательно, мы можем говорить о том, что перед дочерью по отношению к матери есть долг. Материнское тело угасает, соответственно, за всемогущей матерью, плодотворной и дарующей жизнь, стоит мать стареющая, жизнь в которой постепенно увядает. Если психика дочери репрезентирует и понимает этот процесс, то данный долг, то есть рождение детей, легко будет реализовать. Однако если все-таки в голове молодой женщины остается репрезентация всемогущей матери, то мандат жизни передать становится сложнее. Опираясь на идею Мелани Кляйн о зависти и благодарности, которую автор раскрыла в работе «Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников», можно понять психический

процесс, который происходит по ту сторону репродуктивной функции женщины. В своей концептуальной работе автор пишет о «плохой и хорошей груди», зависти и благодарности, ненависти и любви и делает важное методологическое заключение, которое состоит в том, что преобладание положительных переживаний дает возможность смягчить негативные. Перевес в сторону зависти не дает возможности молодой девушке соединиться с материнской плодovitостью и, таким образом символично сказав слова благодарности своей матери, передать мандат жизни будущему поколению (Кляйн, 1997). Однако здесь будет уместно заметить, что «материнская зависть» к молодому телу своей дочери может усложнять процесс передачи жизни новому поколению.

Часто желанная беременность на сознательном уровне выступает как угроза краха психики молодой женщины на бессознательном уровне. Эта трагедия не может быть названа, вербализована, так как произошла на довербальном уровне. Винникотт ввел такое понятие, как «континуум непрерывного бытия». Такое ощущение возникает у младенца при материнском уходе и заботе в первые месяцы жизни. Если же непрерывность ухода и заботы распадается, то у младенца появляется чувство бессмысленности, невозможности формирования истинной самости. В результате возникает неосознаваемая тоска по материнскому уходу или ее противоположность – страх перед абсолютной зависимостью. Беременность в любом возрасте и при любой психической организации способствует встрече с матерью заботы и ухода. Но не всегда мать была действительно заботливой, теплой, терпеливой, ухаживающей. И тогда единственный выход для женщины – избежать встречи с архаикой первичной коммуникации, заблокировать способность к деторождению (Винникотт, 2000).

Случай клиентки Е. Е. обратилась с запросом: приступы страха и тревоги, нестабильная самооценка в отношениях с партнером, упадок сил, переезд, эмиграция. Возраст клиентки Е. на момент обращения – 26 лет. Формальный запрос как будто бы не связан с вопросами фертильности. Однако в процессе первичных интервью была собрана следующая информация. Состав семьи: мама, брат, клиентка. Мама родила Е. в 16 лет. Сразу после того, как мать клиентки забеременела, партнер ушел от нее. Своего отца Е. не знала. Мать Е. не хотела рожать, от аборта ее отговорил дедушка, который до четырех лет занимался воспитанием Е. О дедушке самые теплые воспоминания. Например, как он ее забирал из садика и приносил всегда «Чоко Пай». Также клиентка говорит, что дедуля – единственный человек, который мог ее успокоить. Он брал ее на ручки, и она теребила его за ушко, после чего могла спокойно уснуть. На второй и третьей сессии клиентка много плакала и вспоминала «дедулю». Чуть позже, клиентка начала злиться на дедушку и говорила, что он выпивал и не следил за своим здоровьем, поэтому умер, оставив ее одну. Отца своего клиентка не знала, никогда не видела его и не была знакома. Однако у нее есть воспоминание: когда ей было пять лет, они шли с мамой по улице, и вдруг мама подняла голову, выпрямила спину, и мимо них прошел молодой человек, после этого клиентка обернулась назад и посмотрела на него, а он ей подмигнул. Она сказала на сессии:

«Ну что за мерзавец» (с улыбкой). Она считает, что это был ее отец. Ее воспитанием занимались дед и тетя, младшая сестра ее матери. Мама всегда много работала. Клиентка вспоминает, что дети во дворе в конфликтных ситуациях говорили, «что они маму позовут», но у меня не было такой возможности. Плакала из-за этого, но не говорила об этом маме, чтобы не доставлять серьезных проблем. У клиентки есть ощущение, что «она катит в гору камень», ощущение бездны: «Она черная, и я очень быстро лечу вниз».

Клиентка хорошо рисует, окончила художественную школу, в обычной школе училась хорошо, учеба ей давалась просто. После школы училась на дизайнера (модельера одежды). В пять лет шила куклам платья и всегда мечтала сделать карьеру в области дизайна одежды. Говорила маме, что будет модельером. На данный момент клиентка работает «раздатчицей нарядов на стройке нового объекта на востоке нашей страны. Но официально ее должность называется «маляр». Е. часто говорит, что цели нет. А цель стать модельером уже не может ею реализоваться. «Я просто подумала, что можно, например, делать одежду не для того, чтобы меня одобрили, кто-то сказал: "Вау, круто!" А просто потому, что мне хочется и я могу ее делать, на данный момент, хотела просто рисовать ее. Сейчас мне сложно: я раньше могла справляться с проблемами, а сейчас проблемы стали больше. Трудности во взрослой жизни потому, что как будто бы с самого детства я знала, что я буду делать. Училась в школе, ходила в "художку", поступила в училище, хотела быть дизайнером, а потом столкнулась с тем, что дальше готовых рецептов нет».

Примерно на 20-й сессии клиентка с большим трудом рассказала историю о домогательствах со стороны соседского мальчика, который навещал их с братом, когда они одни были дома, а мать на работе. Это было примерно в пять лет, по воспоминаниям клиентки. После того как клиентка закричала, мальчик больше не приходил.

На 30-й сессии клиентка рассказала, что у нее была задержка месячных и она сильно испугалась, так как совершенно точно не хотела рожать: «Зачем плодить несчастных и ненужных». Надо сказать, что ее молодой человек И. на новость о возможной беременности отреагировал нормально и сказал, что готов на ней жениться и воспитывать их совместного ребенка.

То место, на котором сейчас работает моя клиентка, было ей необходимо для того, что заработать денег и купить вместе с мамой квартиру. Тот дом, в котором они жили, мама полностью отдала их младшему брату и его семье. Потенциально новость о беременности мешала реализации ее совместных планов с мамой. В моей фантазии желание купить квартиру с мамой является попыткой получить ту мать заботы и ухода, которую моя клиентка не получила в раннем возрасте.

Таким образом, мы видим, что беременность может окунуть женщину в хаос разрушительных аффектов и привести к психической катастрофе.

Как правило, эти женщины имеют хрупкий нарциссизм, достаточно инфантильную структуру, материнство является для них угрозой их имиджу, потери привлекательности и утраты иллюзии места «любимого ребенка».

Важно обратить внимание на современные исследования в области нейронаук. Ученые говорят об имплицитной памяти, в которой запечатлен опыт прошлого, подчас травматичного. В свою очередь, даже если женщина имеет ребенка, то под воздействием первой беременности сенсорные воспоминания могут быть подняты на поверхность и привести к бесплодию, а также активизировать соматическую реакцию организма и таким образом способствовать вторичному бесплодию.

Таким образом, можно говорить о том, что комплекс мужественности, инверсия ролей, идентификация с фаллической матерью могут быть попыткой убежать от своей природы и активизировать защиты от генитальной тревоги и инцестуозной вины.

Отец в развитии девочки играет не менее важную роль. Это тот первичный объект, под влиянием которого у девочки формируются самооценка, отношение к себе как к девочке, умение ставить цели и двигаться к их реализации, способность к достижениям в различных областях (учеба, спорт, увлечения), а также создается плацдарм для выстраивания теплых и долгосрочных отношений на семейном и личном поприщах. Отец – глава семейства, реальная фигура, которая, с точки зрения психоаналитически ориентированных специалистов, может помочь девочке отделиться от матери, став отдельной, самостоятельной, взрослой. Зигмунд Фрейд говорил, что отец является носителем культурной памяти, он тот, кто накладывает запрет на каннибализм и инцест. В своей работе «Недовольство культурой». З. Фрейд раскрывает этот аспект, говоря о том, что в первичной памяти человека еще живы первобытные инстинкты, которые на данный момент перешли в область бессознательного человека и с которыми человек продолжает бороться, оставляя их там, где им и положено находиться, с помощью закона отца. Закон отца способствует разделению столь тесной биологической, телесной и психической связи между матерью и ребенком, создавая возможность через свою разделяющую функцию девочке становиться женщиной, создавать свою собственную семью и жить самостоятельной жизнью (Фрейд, 2013).

Продолжая размышлять над отцовской функцией как носительницей свода правил, Фрейд, по сути, говорит о двух направлениях: запрете на инцест и анализе вытесненных фантазий. Следовательно, отец выступает как реальная персона, а не культурный третий.

Закон отца – закон разделяющий, закон, ставящий рамку, – представлен в концепции других французских психоаналитиков: Мишеля Фэна и Дениз Брауншвейг. Авторы ввели термин «цензура любовницы» для обозначения разграничения, или запрета, который исходит от отца и на символическом уровне означает ответ «нет» ребенку: «Нет, ты не полноправный владелец мамы, ночью она будет спать со мной», «Нет, это моя женщина, а у тебя будет в свое время твоя». Такое означающее разделение

поддерживает у ребенка и мать, которая любит его материнской любовью. Для нее он «ребенок дня», а свою женскую любовь она отдает отцу, уходя к нему на ночь. Такой ритм «дня и ночи» формирует в свою очередь триангулярное пространство в психике ребенка, которое позволяет включить в диадку персону отца, расширяя ее до триады, помогая ребенку выйти за пределы символического (*Braunschweig, Fain, 1970*).

Дональд Вудс Винникотт пишет о том, что отец изначально находится в психике ребенка, попадая туда через материнское ощущение. Мать всегда помнит, что зачала ребенка не в одиночестве. Благодаря холдингу, который по сути является как и реальным держанием ребенка на руках, так и включает психический компонент, а именно удержание тревог, страхов ребенка, является по сути защитой. Отец создает внешнее кольцо защиты для диады мать – дитя, поддерживая мать психически и физически, благодаря чему она сможет спокойно ухаживать за ребенком и полностью реализовываться в своем материнстве, так называемый холдинг для матери. Если отец, благодаря своей заботе и защите, будет в достаточной степени хорош, помогая матери справляться с внешними сложностями и внутренними тревогами, то большую часть времени мать будет находиться в спокойном состоянии. Уровень ее тревог будет нормативным, что поможет ей перерабатывать сложные, отчасти деструктивные импульсы ребенка, его страхи, а также совладать со своими страхами, появляющимися у любой женщины в период беременности, родов и последующего материнства. В дальнейшем такие отношения матери с отцом формируют у ребенка собственное психическое пространство, в котором будут собираться и накапливаться в целом положительные репрезентации первичных объектов. Как видно из описания, такой взгляд Винникотта частично пересекается с идеей Лакана об отцовском законе (*Винникотт, 1998*).

Блестящий французский психоаналитик Джойс Макдугалл пишет о «чрезмерном использовании» ребенка матерью. Если любовные отношения с отцом неустойчивы или разочаровывающие, такое положение дел вызывает много тревоги и напряжения, создавая риск для бессознательного использования ребенка для себя, с целью прикрытия нарциссических дыр других отношений. Возвращаясь к рассуждениям Лакана, психоаналитик предложил следующую метафору: «Мать подобна голодному крокодилу, жаждущему проглотить ребенка, вернуть его в свою утробу, и только отцовский фаллос, вставленный в эту ненасытную пасть, способен спасти ребенка от поглощения ею!» (*Лакан, 1995*). Французские ученые-психоаналитики называют такого ребенка «ребенком ночи». Для такой женщины ребенок становится, в большей степени бессознательно, а иногда сознательно (это часто можно видеть в высказываниях матерей, что ребенка она рожала для себя), заменой мужчины и объектом ее бессознательных желаний. Нормальная динамика или ритм для диады мать – дитя – это смена циклов дня и ночи. Ночью мать принадлежит отцу, а днем мать полностью посвящает себя ребенку, уходу за ним. В дальнейшем такое положение дел в семье способствует развитию галлюцинаторных способностей младенца, который в отсутствие матери фантазирует о ней, фантазирует о том, что мать делает с отцом, но дверь

в родительскую спальню остается закрытой. Это способствует тому, что постепенно у ребенка происходит понимание отдельности своих желаний от материнских, детской сексуальности от взрослой генитальной сексуальности, взрослых отношений матери и отца от его детских отношений с ними. Важным психическим завоеванием для ребенка в этот период является понимание, что без матери он есть, он живет. В дальнейшем это помогает ребенку пройти этапы сепарации, стать отдельной от матери личностью. Для девочки этот период особенно важен, так как помогает разделить свои желания и материнские, разорвать идентификационную связь, обратить свой взор на фигуру отца, перейдя таким образом на более высокую стадию своего развития, а именно эдипальную. У девочек, чей отец был вычеркнут из жизни семьи, имеются сложности в построении отношений в личной и любовной сферах. Чаще всего симбиотическая связь с матерью остается, они чувствуют себя ответственными за жизнь своих матерей (Макдугалл, 2017).

Таким образом, отношения девочки к отцу исходят из ее первоначального опыта отношений с матерью в качестве объекта материнской заботы, а также из того, как реальный отец соответствует репрезентативному образу в психике матери девочки. Важно отметить, что если психосексуальная жизнь молодой женщины строится по пути гомосексуальности, то можно предположить, что она полностью идентифицировалась с отцом и стремится сохранить с ним связь. Фигура отца становится декатектированной как либидинальный объект, а мать – отделенной, и тогда единственное место, где женщина может соприкоснуться с идеализированными частями материнского объекта, – это партнер того же с ней пола.

Беременность, особенно первая, часто нагружена инцестуозными репрезентациями бессознательного порядка. Психическое состояние женщины во время беременности постепенно меняется в сторону большей чувствительности предсознательных представлений, психика женщины характеризуется особой прозрачностью. Благодаря этому свойству психики внутренний объект имеет реальную репрезентацию в теле. В течение внутриутробного развития плода внутри тела матери в психике молодой женщины пересекаются два уровня: первичный архаический уровень идентификаций с образом матери и эдипальный уровень, который по определению наполнен фантазиями инцестуозного характера. Мать была когда-то младенцем и могла столкнуться с нестабильностью, недостаточностью, неадекватностью ухода со стороны объекта, это могла быть ее собственная мать или человек, ее замещающий. Если материнский уход за младенцем не был достаточно хорошим, то внутри не сформировалось доверие и внутренний объект будет пугать. Следовательно, беременная женщина испытывает внутренние конфликтные переживания, ребенок является представителем ужасающего когда-то внутреннего объекта и будет выражаться целым ворохом отрицательных переживаний. «Для матери ребенок представляет собой высшую форму нарушения запрета, использование самых ярких инфантильных желаний: родить ребенка от матери, затем от отца» (Бидловски, 2017).

Для более глубокого понимания процессов, происходящих на уровне бессознательного, обратимся к трудам аналитика и психиатра Поля-Клода Ракамье. Ракамье ввел два понятия: «инцестуозность» и «инцестуальность». Инцестуозность – это то, что связано с инцестом, может быть и желанием, и влечением, возможно, фантазией, которые инцестные по своей природе. Инцестуальность – это лишь тень, то, что неуловимо, витает в воздухе, но в реальности не присутствует. Употребляя термин «инцестуозность», важно видеть следующие пласты: инцест как таковой, пласт эдиповых желаний и пласт инцестуальности, когда речь идет о слиянии в единое целое без каких-либо различий по возрасту и полу. Инцест – это реальные действия, которые связаны с сексуальностью, но не всегда с генитальностью. Инцестуозность – это не действие. Это фантазмы и желания, которые направлены к инцестуозному объекту, который находится под запретом. Часто такое можно наблюдать в семьях со спутанностью ролей. Ракамье в своей статье помог разобраться в вопросе, почему инцестуозное не уходит в психоз, но и не приводит к Эдипу. Для этого автором были введены два понятия: «нарциссическое соблазнение» и «Антэдип».

Про первичные отношения матери и ребенка написано много, с отношений «мать – дитя» все и начинается. Человек, независимо от пола и расы, начинает свои первые дни в утробе своей матери, ребенок – часть тела своей матери. В первые месяцы после родов ситуация принципиальным образом не меняется. Ребенок дышит сам, ест сам, однако все еще находится в тесной связи и нуждается в объекте первичного ухода, находящемся рядом с ним. Это важный период как для матери, так и для ее малыша. С точки зрения психических процессов мать должна «запустить» психику младенца, вышедшего из антенатального периода, разделившись с ним физически, продолжать поддерживать ощущение всемогущества у ребенка, путем хендлинга и холдинга, соблазнить его на жизнь вне утробы. Однако мать после родов сталкивается с серьезными переживаниями, а именно потерей иллюзорного, воображаемого образа ребенка. Он тот, кто даровал матери разочарование. Ребенок реальный не есть ребенок фантазий, материнство реальное далеко от того, с чем сталкивается женщина после родов. Но природа отчасти позаботилась о выживании младенца, поэтому младенец всем своим внешним видом: непропорциональное тело, большая голова, хаотичные движения рук и ног – рождает желание ухаживать за ним, как бы соблазняя мать поддерживать в нем жизнь. Мать же, со своей стороны, начинает ткать ткань психического аппарата ребенка в процедурах первичного ухода и своей способностью вчувствоваться в его потребности и желания соблазнять его к жизни. Это взаимный танец двоих. Ракамье называет это «нарциссическим соблазнением», которое переживается с целью объединения в одно целое. Это важно для обеих сторон, и матери, и ребенка. Если этот период продолжается дольше, чем положено, то приводит к тому, что мать использует ребенка для избегания тревог и напряжения жизни с целью создания внутреннего ощущения всемогущества. Однако угроза сепарации витает над такой парой. Третий, тот, который помог этой паре «родиться», тот, кто незримо всегда присутствует в психике матери, – отец. Следовательно, «третьего»

нужно превратить в ничто, ибо даже материнские фантазии могут запустить сепарацию. Угроза дуальности влечений есть и в паре мама – ребенок. Кроме того, развивающаяся сексуальность индивида запускает антинарциссические силы. Но любая система стремится прежде всего к стабильности, поэтому Ракамье пишет о нарциссическом кредо, которое выражается в таких словах как «самодостаточны», «не уходи, а то я умру», спаянности, «единстве» (Racamier, 2010).

Другой важной концептуальной основой в концепции Ракамье является понятие «Антэдип». На тот момент в психоаналитической мысли плотно закрепилась концепция кляйнианской школы раннего, древнего Эдипа. Однако психоаналитик вводит это понятие, разводя его с Эдипом в классическом понимании. В эдипальной констелляции всегда присутствуют трое: мать, отец, ребенок. Это называется эдиповым треугольником или триангуляцией. В фантазме первосцены принимают участие двое, а ребенок – лишь пассивный наблюдатель. Конфигурация Антэдипа другая: в ней присутствуют двое – мать и ребенок, а точнее будет сказать, мать, вобравшая в себя дитя. Отец, как правило, вынесен за скобки и может присутствовать как часть из предыдущих поколений. Активный участник в таком случае – это мать. Ракамье вводит понятие «траур», который будет являться водоразделом между поколениями, утратой репродуктивных способностей, старением, уходом молодости.

Таким образом, можно говорить о семьях с такими конфигурациями как часто встречающихся. В них нет инцеста как такового, но в них и нет четкого разделения между поколениями, полами, возрастами. Часто матери в таких семьях для своих дочерей становятся детьми, роли в семье инвертируются, «реки поворачиваются вспять». Взросление и уход дочерей рассматриваются как смерть для другого, в таких семьях можно встретиться с непроясненностью и тайной, отец в таких семьях вынесен за скобки.

Фаллическая идентификация как предпосылка для ненаступления беременности у женщин детородного возраста на примере первой жены Адама

Жизнь изменчива и постоянна одновременно. На протяжении веков женщины сталкивались с желанием реализовываться в разных областях жизни. Однако зачастую место интересов находилось между домом, семейным очагом, материнством, с одной стороны, и карьерой, профессиональным ростом – с другой. Женщины Адама – яркое тому подтверждение.

Всем хорошо известен образ Евы, жены Адама, верной супруги и матери его детей. Однако у многих народов мира в религии и культуре нашли свое отражение упоминания о «первой» или «второй» женщине Адама – Лилит. О ней и пойдет речь далее.

Ни в одном из канонических текстов существующих религий нет упоминания о Лилит. Важное место ее персона занимает в шумерской и семитской мифологии, в каббале и в некоторых ранних, не вошедших в библейский канон апокрифах и текстах.

В иконографии и шумерской мифологии Лилит представляется в образе крылатой женщины с двумя львами. В шумерских легендах она богиня-покровительница своего народа. Однако существует теневая сторона ее образа. Слезы Лилит даруют жизнь, а ее поцелуй – смерть. Эта легенда не имеет авторства. Частый образ Лилит – это ночная птица-сова.

Много внимания уделяется Лилит в каббале, где первая женщина символизирует темное женское начало, приходя в образе дьяволицы, соблазняющей молодых мужчин, или в образе волосатой змеи. Однако в Средние века образ Лилит эволюционирует в духа ночи.

В иудейской традиции первая женщина Лилит представлена как та, которая вредит другим женщинам. Ей приписываются нанесение вреда в виде бесплодия, порча женщин во время рождения детей, нанесение травм младенцам (подмена, умерщвление, кража). Похищая новорожденных, она пьет их кровь и высасывает мозг из их костей. При этом считается, что Лилит боится красного цвета, поэтому младенцам при рождении вешают на руку красную нить, как защитный амулет. Важно обратить внимание, что красный цвет и также цвет менструальной крови женщины. Детородный возраст у молодых женщин наступает с началом месячных. Соответственно, можно говорить о том, что Лилит боится красного как крови, менструальной крови, которая намекает ей о материнстве, о другой, иной части женского, о той части, которую она отвергает или атакует.

Ни в одной библейской книге Лилит не упоминается. В английском тексте Библии короля Якова говорится о «screech owl», птице из отряда совообразных – обыкновенной сипухе, но существует и устаревшее значение – «дурное предзнаменование».

Стоит более подробно остановиться на мифологическом образе Лилит. Лилит вместе с Адамом была сотворена из «праха земного». И, следовательно, она стала таким же творением Бога Яхве, как и сам Адам. Однако паре не удалось быть вместе. Между ними часто возникали ссоры. Основной причиной ссор было то, что Лилит хотела быть на равных со своим супругом. В момент очередной ссоры жена Адама вспорхнула и улетела. Вдогонку за строптивой женой были отправлены три ангела, известных под именами Сансеной, Сенной и Самангеллоф. Они догнали ее, но та не пожелала вернуться. За непослушание подчиниться воле Бога последовало наказание: бесплодие, удел рожать детей-демонов, рожать сотню младенцев, которые будут умирать каждую ночь.

В народных легендах Лилит предстает перед нами в образе молодой женщины, стройной, с зелеными глазами и длинными волосами. Ей отдается роль первой ведьмы и основательницы колдовства. Она женщина ночи, которая убивает младенцев и издевается над спящими молодыми мужчинами.

Таким образом, мы видим, что Лилит из женщины превратилась в демоницу. Хотелось бы акцентировать внимание на следующих вещах. Первое – это образ Лилит как птицы, ночной птицы. Птица – образ свободы и независимости. Это та женщина, которая оставляет за собой право на выбор и самостоятельность в мыслях, чувствах, желаниях, передвижении. В образе стройной женщины Лилит является к мужчинам по ночам, мучая (соблазняя) их своими прелестями, превращая мужчин из мужей и отцов в любовников, заставляя их желать. И, как следствие, удовлетворяют желание другого. Еще одна сторона, которая прочитывается в образах Лилит, – это материнство, вернее, его отсутствие. Лилит рождает детей, обреченных на смерть. В образе Лилит сконцентрирована теневая сторона материнства.

Лилит символизирует важные составляющие бессознательного женщины. Соблазнение, красота, очарование, стремление быть желанной, молодой, берущей и независимой. Такая женщина знает свои сильные стороны и активно пользуется ими. Материнство в ее жизни не является приоритетным делом. Она скорее та, которая хочет удовольствий, активности и наслаждения.

Анализируя образ Лилит с точки зрения психоаналитической концепции взгляда на женское, важно обратиться к статье «О женской сексуальности» (Фрейд, 1931), в которой автор касается женской сексуальности, а также особенностей переживания женщиной «комплекса кастрации». Фрейд рассуждает о том, что если маленькая девочка, а впоследствии и взрослая женщина признает факт своей кастрации, то таким образом она отдает ведущую роль мужчине и признает свою неполноценность. Но если этого не происходит, то чаще всего это порождает ряд противоречий. Психоаналитик выделяет следующие возможные пути развития:

- отказ от своей сексуальности и как следствие от дальнейших завоеваний – и отказ от своей фалличности в целом;
- формирование «комплекса мужественности». «Также этот "комплекс мужественности" у женщины может вылиться в явно гомосексуальный выбор объекта»;
- третий путь считается автором «формообразующим», это происходит тогда, когда отец принимается в качестве объекта. Что в дальнейшем позволяет женщине завершить эдипальный этап в своем развитии.

Фрейд про формирование эдипова комплекса у девочки пишет следующее: он, комплекс, «является результатом более длительного развития; не разрушается под влиянием кастрации, а ею создается; избегает сильных враждебных влияний; очень часто вообще не преодолевается женщиной» (Фрейд, 1931).

Вернемся к рассуждениям о «первой жене» Адама. Как мы видим, эдипальная ситуация у Лилит не преодолевается. Лилит не часть Адама, а равная ему по происхождению, она непокорна, она та, что приходит ночью, она та, которая не может родить и воспитать ребенка. Она активна, агрессивна, дика и необузданна. Таким образом, Лилит решает свой внутренний конфликт путем уравнивания отношений с мужчинами, формирует «самостоятельный», «непроницаемый» характер, уходит от отношений с

внешним эротическим объектом, так и не завершая эдипального периода, оставаясь лишь расщепленной, разделенной частью «женского».

Обратимся к образу Евы. О ней известно больше, поэтому мы остановимся только на следующем моменте. Ева – полная противоположность Лилит. Она была создана из ребра Адама и является его частью, а следовательно, склонна его слушаться, не перечить, помогать во всем, быть рядом, рожать от него детей и воспитывать их. Ева – «хранительница очага», мать. Она отказывается от дальнейших завоеваний и фалличности в целом.

Г. В. Ф. Гегель в своих научных трудах выделил три закона, которые в дальнейшем составили основу его философско-материалистического взгляда, заложили основы диалектического мышления:

- закон единства и борьбы противоположностей;
- закон перехода количественных изменений в качественные;
- закон отрицания отрицания.

Для продолжения размышлений о Еве и Лилит обратимся к первому тезису. Гегель показывает, что развитие мира и его познания осуществляется путем раздвоения на взаимодополняющие и одновременно взаимоисключающие противоположности, путем единства и борьбы между ними. Первый закон диалектики сводится по сути к тому, что одновременно противоположности могут быть присущи одному объекту.

Таким образом, основываясь на развитии научной мысли, диалектических законах с опорой на психоаналитические знания развития психики человека, можно сделать следующий вывод: Ева и Лилит – «две стороны одной медали», однако в связи с неспособностью психически преодолеть вышеуказанные различия, оставаясь всего лишь частями, эти две стороны так и не интегрируются. Об этом пишут в своей работе Каролин Эльячефф, Натали Эйниш, в книге «Дочки-матери. 3-й лишней?», где описывают данное расщепление более подробно: «Каждая женщина, которая стала матерью, вынуждена противостоять двум противоположным моделям существования... соответствующим двум наиболее противоречивым предписаниям: будь матерью или будь женщиной» (Эльячефф, Эйниш, 2018).

Анализ клинического случая. «Предзнакомство» с Аленой

Алена нашла меня на платформе по подбору психологов. В своем запросе она отметила следующие проблемы, с которыми хотела бы поработать: выгорание в отношениях с партнером, раздражительность, беременность и рождение ребенка, переезд, миграция, упадок сил, навязчивые мысли о здоровье. Возраст клиентки на момент прихода на консультацию 32 года.

Первичные встречи и заключение контракта

На первую сессию подключилась молодая женщина, без косметики, стрижка – короткое каре, волосы вьющиеся. На лице Алены были видны

красные пятна. Мое внимание привлекло помещение. Это был кабинет, на заднем фоне которого висели плакат с частью футбольного поля и постер с надписью «Лютый север», на полке стояли кубки. В моей фантазии кабинет подходил скорее мужчине, чем женщине. На следующей сессии клиентка выходила из другого помещения, которое более соответствовало молодой женщине (обои в цветочек, на стенах фоторамки, цветы в вазе). Позже мне стало понятнее, почему меня привлекла эта разница помещений, из которых выходила на свои сессии клиентка. Возможно, мое внимание к обстановке места, из которого выходила Алена, было связано с тем, что в отношениях с матерью она выполняет функцию мужчины, который зарабатывает деньги, выстраивает стратегии, оплачивает съемную квартиру. Или же моя клиентка – женщина, мечтающая о семье и детях? В моей фантазии только так клиентка могла донести ту двойственность ее внутреннего ощущения, которую она испытывала, наталкивая меня на размышления о ее сложностях в идентификации, о символизации тех процессов, с которыми она сталкивается внутри себя.

Алена рассказала, что состоит в отношениях с женщиной и «они пытаются родить ребенка», но пока не получается. Клиентка стала терять всякую надежду. Примерно в течение полугода попытки забеременеть не заканчивались желанной беременностью. Надо сказать, что клиентка немногословна в своих рассказах о том, как «они пытаются зачать ребенка». Используют ли они донорскую сперму, если да, то откуда они ее берут, обращались ли они в банк к анонимным донорам или знают этого человека лично, является ли он родственником кому-то из пары? Или прибегают к другим способам зачатия? Летом клиентке удалось забеременеть, но произошел выкидыш на раннем сроке. Алена рассказала, что ее волнует, что с ней что-то не так и почему-то никак не получается забеременеть, выносить и родить ребенка. Также клиентка говорила о том, что когда она забеременела, то была готова «делать УЗИ каждый день, чтобы проверить, все ли с ребенком в порядке». Она отдает себе отчет, что частое УЗИ может повредить ребенку, но ей хочется «все проконтролировать и в случае возникновения сложностей сделать все возможное». Причиной такого внутреннего контроля она называет тревогу. Клиентка не может перестать думать о процессе, который происходит у нее внутри. Хочется узнать, прижился эмбрион или нет. Хотя она рационально понимает, что на данном этапе ничего от нее не зависит. То же самое ей говорят врачи, но ей сложно опираться на их мнение, а также справляться с нарастающей тревогой. После выкидыша летом ей страшно пробовать зачать снова. Весь процесс, связанный с зачатием, рождает в ней переживания, которые «сложно объяснить рационально», и сильную тревогу. В дальнейших сессиях клиентка к вопросам о зачатии и рождении детей не возвращалась.

Сейчас клиентку волнует то, что она не знает, хочет ли она детей, нравятся ли они ей или нет. Клиентка говорит о том, что ей, возможно, просто не нравятся дети. Например, ее раздражают дети в общественных местах, которые кричат и плохо себя ведут, мешая другим. На следующей встрече клиентка сказала, что все-таки есть дети, которые ей нравятся.

Она описала девочку, с которой живет по соседству, но в целом она скорее не любит детей. Интересно, что рассказ о девочке, которая нравится моей клиентке, полностью стерся из моей памяти (ни возраста, ни цвета волос, ни особенностей поведения). О своем родительстве она рассуждает как о возможном времени тревог и переживаний: как правильно растить, кормить, обучать и воспитывать. Клиентка читает литературу по воспитанию детей и говорит о том, что эти книги только создают внутреннее волнение и больше склоняют ее к нежеланию рожать.

На первичных сессиях (три диагностические) клиентка постоянно плакала, на четвертой сессии опять начала плакать и сквозь слезы сказала: «Я не планировала сегодня плакать. Мне неудобно за мои слезы. Я думаю о том, что переживания надо сдерживать». Я повторила: «Переживания надо сдерживать».

В первом детском воспоминании Алена рассказала, что она всегда ложилась в одно и то же время – в 21.00, и вот однажды она проснулась ночью и не увидела маму в квартире. Она ее долго искала, но так и не нашла. Клиентка говорила на сессии о своем удивлении, почему нельзя было оставить записку, куда мама ушла. Возможно, номер телефона соседей. Клиентка уверена, что мама уходила к соседкам, с которыми они дружили и часто проводили вечера вместе. Важно обратить внимание на то, что точный возраст своего воспоминания она не называет: то ли это три года, то ли шесть лет. По воспоминаниям клиентки, эта ситуация повторялась. Из чувств и состояний, о которых говорит клиентка в эти моменты, выделяются страх, непонимание, тревога, потеря надежды и усталость. Чтобы как-то справиться со своей тревогой в момент просыпания, клиентка включала телевизор, но он ей не помогал, так как мультики уже не показывали, а другие программы ее только пугали. После очередного ночного пробуждения, обессиленная в попытке найти маму дома, Алена решила, что теперь будет спать и не будет просыпаться. После этого ночные просыпания у клиентки прекратились. Также клиентка рассказывала про сны, которые ей иногда снились, но в моей памяти и сны, и первое детское воспоминание переплетены. «Все смешалось в доме Облонских».

С процессом засыпания у клиентки в детстве были связаны определенные ритуалы, о которых она рассказывала на последующих сессиях. Например, перед засыпанием Алена дважды говорила маме: «Спокойной ночи». Первый раз – сразу как укладывалась в кровать, а второй через несколько минут. Каждый раз мама должна была ответить, если же мама не отвечала, то ритуал повторялся опять. Дверь в свою комнату клиентка просила не закрывать, чтобы она могла слышать ответ мамы. После этого клиентка засыпала.

Еще одно из интересных детских воспоминаний было связано с соседями. Мама забирала ее из садика, и они шли домой. По воспоминаниям клиентки, это были трудные времена, и еды дома не было. Мама отправляла дочку к соседям, чтобы там она смогла поесть. В воспоминаниях клиентки это был «настоящий, выгодный для всех договор». У соседки

тоже была девочка ее возраста, но та плохо ела. Алена же обладала хорошим аппетитом, и, видя это, соседская девочка начинала есть: так, по мнению Алены, соседская мама «соединяла приятное с полезным».

По результатам первичных встреч был заключен следующий контракт: сессии один раз в неделю, онлайн (клиентка живет в другом городе), без отмен и переносов, пропуски оплачиваются, отпуска (четыре раза за год) с предупреждением за месяц.

Встречи с четвертой по двенадцатую

Несколько сессий подряд клиентка начинает с вопроса: «Как у вас дела?» На очередной сессии клиентка сказала, что будет большим успехом здесь, если я отвечу ей про себя. На четвертой сессии клиентка сказала о том, что за сутки до сессии ей начинает казаться, что уже сейчас нет такого эмоционального накала, какой был на первой нашей встрече. Стало спокойнее, и теперь как будто бы непонятно, зачем сюда идти:

«Клиент: Добрый день, как ваши дела?»

Психолог: Здравствуйте. Почему-то важно задавать этот вопрос.

Клиент: Да, важно. Мне кажется, что этот вопрос поможет в установлении контакта. Понять, как человек к тебе относится. Если человек не идет на контакт, то эта пустая трата времени. И тогда надо отпустить и признать... Признаться себе...

Психолог: Признаться себе...

Клиент: Четко разделить реальную и воображаемую жизнь. Признать бессилие. Признание бессилия освобождает. У меня была история в первых отношениях. Они были абьюзивными. Мой партнер изучал манипуляции. И вот он мастерски мне внушил, что я могу быть неинтересной. Неприятно мне сейчас это вспоминать. Я давно это чувство не испытывала».

Позже Алена вернется к истории о том, что она может быть неинтересной.

На восьмой встрече клиентка говорила, что ей важно иметь место, где ее слушают, чтобы не сваливать это на партнера. «Тяжелая у вас работа: слушать такое, разное, трудное. Но мне важно иметь это место и говорить».

Про свою семью Алена рассказала следующее: ее воспитывала мама. Отца она своего не знает. Так же как и родного деда. Все женщины в ее роду не знают своих отцов (она, мама, бабушка и прабабушка). Клиентка спрашивала у своей бабушки, было ли ей интересно узнать, кто был ее отцом, найти его. Бабушка ответила, что нет. Она никогда не спрашивала об этом у своей мамы. О мужчинах (отцах дочерей) не принято было говорить. Клиентка делала попытки прояснить какую-либо информацию о мужчинах в их семье, что рассказывали мама или бабушка о мужьях (отцах), ответ был всегда один: «У нас не принято об этом спрашивать». У терапевта возникает странное чувство, что это не просто запрет говорить о мужчинах, не просто тайна «как скелет в шкафу», не просто «все знают, но молчат», а скорее «черная дыра», то есть пустота. Пустота,

которая просто есть или ее нет. В свое время клиентка обратилась с вопросом к бабушке, знает ли она, кто был ее отцом, но та сказала: чего тут спрашивать, я и не интересовалась. Также бабушка ничего не рассказала об отце матери клиентки. Был ли человек или не был.

Чуть позже клиентка поделилась, что у бабушки был муж, но сейчас они в разводе. Долгое время клиентка не знала, что дедушка ей не родной. Алена знает историю знакомства своей бабушки и ее мужа. Они работали вместе, познакомились, когда еще будущий муж бабушки был женат. После развода со своей женой дедушка женился на бабушке. От первого брака у него есть две дочери. Клиентка с ними знакома, но они не общаются. Также дочери от первого брака не общались долгое время со своим отцом, но не так давно сам дед стал поддерживать с ними связь. Со слов клиентки, скорее всего, потому, что ему «совестно, что он их бросил в свое время и не уделял им внимания». О том, как дедушка общался с ней, какие чувства она испытывала к нему, он к ней, клиентка не говорит. Потом одна из родных дочерей стала претендовать на квартиру деда, бабушка не вытерпела и подала на развод. После развода моя клиентка еще общалась со своим дедом, но сейчас все меньше и меньше, так как это вызывает раздражение родных дочерей деда. Какое-то время клиентка навещала своего деда и помогала ему с продуктами и уборкой, но сейчас они даже не созваниваются. Также в жизни клиентки присутствовал еще один мужчина, муж мамы, отчим. Но о нем клиентка ничего особо не помнит, ни теплых воспоминаний, ни эмоций. «Отчим неинтересный персонаж, плохо его помню и, если честно, не очень понимаю, зачем он был нужен маме». «Мама вообще странно выбирала себе партнеров». «Я не хочу как мама, но не знаю, как хочу я». Клиентка считает, что мама плохо умеет выбирать мужчин. Отчим клиентки был «странный» и «грубый». Таких мужчин, как у мамы, ей не надо, но как по-другому, тоже непонятно.

Про знакомство отца клиентки и ее мамы нет никакой информации. Известно, что он жив. На второй сессии клиентка рассказала, что она нашла телефон отца (при каких обстоятельствах у нее появился телефон, клиентка не рассказывает, возможно, дала мама). Алена написала отцу, он ответил. Клиентка решила съездить в город, где живет ее отец, и познакомиться. Она взяла отпуск и поехала, а заодно решила покататься на горных лыжах: «совместить приятное с полезным, познакомиться с отцом и покататься на горных лыжах». «Я всегда так делаю. У меня есть приятное дело и одно неприятное». «Так вот, я списалась с отцом, и мы договорились предварительно о встрече без точного времени и места. Он предложил мне написать (позвонить) ему в день приезда, чтобы согласовать время и место для встречи. Однако, когда я приехала и написала ему, он не вышел на связь». Далее клиентка начала рассуждать о том, как плохо так поступать с людьми и не отвечать на эсэмэски и звонки. «Зачем тогда вообще было предлагать встретиться?» Тут у терапевта возникает мысль о той «черной дыре», куда проваливаются все мужчины, и о том, что связь невозможно поддерживать: все уходит в небытие, пустоту, темноту, негатив.

Про отношения с мамой рассказывает, что они «неправильные». Она часто ощущает себя в роли родителя, а маму – в роли «инфантильного ребенка». На девятой сессии Алена говорила, что сейчас занимается сделками по недвижимости. Продала свою квартиру и хочет купить квартиру маме. На данный момент мать Алены проживает в двухкомнатной квартире, которую снимает для нее моя клиентка. Через год Алена планирует переезд в другую страну, и ей важно снизить все траты, поэтому вопрос приобретения жилья для мамы стал актуальным. В моей фантазии мама выбрала себе роль «жены», а моей клиентке уготовлено место «мужа» в этой «паре». Алена говорит, что стыдится своей мамы: «Помните, я вам говорила, что мама как-то меня спросила: «Не стыдно, что у тебя мать такая непутевая?» Я считаю, что у мамы достаточно мозгов, чтобы жить лучше. Она живет в городе, где живут люди ограниченные, замкнутые, работает за 15 000 рублей в месяц, хотя в ее возрасте можно освоить новую профессию. Вот она хочет переехать в Питер. Можно уже сейчас пытаться думать о переезде и что-то делать, но мама ничего не делает. Я ей говорю: «Отложи денежку вместо того, чтобы покупать себе пятую куртку, и так за два года можно накопить сумму для переезда, и подумай о том, чем будешь заниматься в новом месте, где работать». На что мне мама ответила, что все понятно, переехать в новый город у нее уже нет шансов. Клиентку это разозлило, но матери она ничего не сказала, про себя подумав: «Вот так ты поняла мои слова? Я должна опять за нее все делать». На последней сессии клиентка рассказала, что мама должна ей гордиться: «Я достаточно хорошая дочь, я самое большое мамино достижение. У мамы есть желание жить со мной, но я этого не хочу. В маминых действиях я вижу покушение на мою жизнь». Интересно, что клиентка много критикует мать и часто на сессиях нападает на нее, однако в какой-то момент клиентка сказала, что в чем-то они с матерью похожи. Также клиентка рассказала о том, что в подростковом возрасте спокойно уехала из родного дома, уехала в другой город для поступления в институт, не помнит, чтобы расставание с мамой, как в целом отъезд из дома, вызвало какие-то сильные переживания, скорее наоборот, все было спокойно и без эмоций. Уехали они тогда с подружкой, жили в общежитии и учились в институте.

Про школу вспоминает следующее: «Я боялась буллинга в школе и сразу поняла, чтобы его избежать, надо быть интересной. Я не красавица, но это не важно, важно быть интересной». В целом отношения с одноклассниками складывались благоприятным образом, в школе у нее была подруга, с которой они дружили и после.

На восьмой встрече клиентка рассказала, что на этой неделе у нее будет день рождения и в этот день никто не сможет быть с ней. Так сложились обстоятельства. Но она уже не переживает по этому поводу. Раньше очень переживала. В один из дней рождений она сказала всем друзьям, что праздновать не будет, и никто не приехал лично и не поздравил. Она очень по этому поводу расстроилась и плакала весь вечер и «выносила мозг» любимой. Втайне она надеялась на то, что друзья все-таки придут и поздравят ее с днем рождения. В день рождения, который был во время

нашей работы, клиентка сообщила мне, что никто не сможет в этот день ее поздравить. На встрече после сообщила: «У меня был на прошлой неделе день рождения. Как я вам и говорила, в сам день рождения я была одна, но на выходных мы с подругами поехали в загородный дом, было здорово. Мы под конец включили сериал "Бриджит Джонс" и смотрели его. Но я очень устала после отдыха (улыбается). Приехав домой, я легла сразу спать».

В моей фантазии в первый день своего рождения Алена по каким-то причинам осталась одна и, будучи взрослой, «травму покинутости и брошенности первичным объектом» продолжает разыгрывать в реальной жизни тем, как проходят ее дни рождения.

На одной из встреч клиентка рассказала, что ей важно соблюдать некоторые ритуалы в своей жизни. Делать одно и то же каждый день. Это ее успокаивает. Например, она ест всегда одно и то же на завтрак: грушу определенного сорта, хлеб, который покупает недалеко от дома, и сыр. Если так складывается, что вечером она не покупает какой-то из продуктов, то и ее день может пройти плохо. Она старается не допускать таких промахов. Очень расстраивается, если ритуал не может быть соблюден. В какой-то момент я стала задумываться о том, почему она ходит на сессии. Возможно, сессии для нее тоже стали неким ритуалом, который ее успокаивает. Однажды она заметила: «Лучше я буду приходить сюда, чем выносить мозг своими переживаниями близким».

Клиентка много рассказывала о городах, в которых проживала. Всего их было шесть. Она переезжала из одного города в другой в поисках хорошего места для своего жилья. «Я за последние восемь лет переезжала шесть раз. Меняла города (перечисляет эти города). В одном городе я была несчастной. Переезды мне всегда давались сложно. Приезжаешь в новый город, ты там один. У тебя вообще нет там друзей, не с кем пива попить. Мне вообще-то сложно отношения заводить, нет секса, а так с кем попало не могу. А вот в одном городе я наконец-то подумала о себе. Купила квартиру, обставила, как хочу. Купила машину. Все сделала для себя. Это помогло мне выстроить отношения. Я научилась быть самой собой, нет суперзависимости, нет привязанности, нет чувства ненужности». На данный момент клиентка проживает в крупном городе, где купила себе квартиру в ипотеку, но продолжает «поиск хорошего объекта», решая переехать в другую страну.

На одной из сессий клиентка рассказала, что сейчас планирует переезд в другую страну со своим партнером Тamarой (часто клиентка называет ее «любимая»). Для этого она снижает расходы. В тот момент у меня родилась мысль о том, в какую графу расходов попадут наши встречи, удалось ли за это время сформировать хоть какое-то подобие альянса или я стану той, от которой она просто «уедет», не испытав никаких чувств и эмоций, и наши встречи попадут в колонку «лишние траты». Из приоритетных задач, которые стоят перед клиенткой, – это покупка квартиры для мамы. Мама проживает в родном городе клиентки, в том же городе, где живет бабушка клиентки. У бабушки своя двухкомнатная квартира, но мама не хочет жить вместе со своей матерью, поэтому клиентка

оплачивает маме съемное жилье. Алена приняла решение продать квартиру в городе, где она когда-то смогла обрести спокойствие, «сделав все так, как она хочет». На полученные деньги от квартиры погасить кредит и купить квартиру маме. После сделки по покупке квартиры клиентка сказала: «Прошлая неделя была насыщенной. Мы наконец заключили сделку по квартире, и вы знаете, это первая покупка, которая не принесла мне удовольствия. Мою квартиру (*называет город*) я купила себе, переехала, и там ничего не было, но я была рада этому переезду. А тут нет вообще никакого удовольствия. Так тяжело мама выбирала квартиру».

Мой отпуск: встреча до и после

За неделю до моего отпуска на сессию клиентка подключилась с новой прической и сказала, что сменила имидж. Также сообщила, что они с партнером решили взять выходные и провести время вместе, поэтому она выходит из холла гостинцы, знает, что нарушает наши договоренности, и хочет отменить сессию: «Хочу этот день провести вдвоем, но не с вами». Договорились о встрече через две недели, так как у меня должен быть отпуск.

Встреча после отпуска сложилась следующим образом. Подошло время сессии, и я была на связи. Через три минуты от начала сессии приходит сообщение: «Анна, извините, не смогу быть. Очень, очень плохо себя чувствую. Пока вас ждала, поняла, что совсем тяжко. Давайте встретимся в следующий раз в 15.03 по графику. Я к врачу пока поеду».

Тринадцатая встреча и незавершение

Клиентка подключилась вовремя и сказала следующее: «Мне сложно жить в настоящем, я думаю о будущем, и составление плана действий приносит мне удовольствие. А вот мама не такая. Она меня обвинила, что я ей не помогу с переездом в Питер. Но я понимаю, что она не хочет переезжать туда, а хочет остаться со своей мамой, но и подсознательно обвиняет в этом маму. А мне мама сказала, что не сможет переехать без моей помощи. Но я не хочу испытывать к ней жалость, так как сразу стану ей помогать, но она сама не хочет ничего делать. У меня есть ощущение, что мне навязана жизнь другого человека. Мне трудно. Я испытываю чувство вины, как будто бы надо отплатить чем-то, откупиться от мамы. Есть чувство долга».

Я сделала интерпретацию: «Что-то происходит в настоящем, что невозможно в нем находиться».

На последующие сессии клиентка так и не вышла на связь, она написала мне, что хочет закончить терапию, я ей напомнила о том, что по нашим договоренностям мы обсуждаем завершение работы на сессиях. На сессию она не подключилась, но и не отменила ее. Далее клиентка написала, что находится в больнице и не сможет быть две недели. «Буду ждать вас на встречах после выписки». По инициативе клиентки работа прервана.

Анализ и динамика работы

Выше представленный случай является показательным с точки зрения проблем ненаступления беременности у женщин детородного возраста.

Важным моментом в жизни Алены является ее рождение. Внутриутробный период для младенца и первые годы жизни – период, который не может быть вербализирован. Младенец не способен говорить, но этот период запечатлен в его процессуальной памяти. Во время внутриутробного развития и родов человек переживает особый опыт. Станислав Гроф пишет о базовых перинатальных матрицах, или БПМ. Согласно данной теоретической модели, травмы в перинатальных матрицах оказывают влияние на последующую жизнь и могут быть причиной различных психических переживаний в жизни взрослого человека (Гроф, 2018). Современные исследования в области нейронаук подтверждают это, говоря об имплицитной памяти, где запечатлен довербальный опыт младенчества. Осмысливая истоки формирования психики с точки зрения аналитического подхода, обратимся к понятию нарциссизма. Для анализа случая клиентки рассмотрим нарциссизм как одну из стадий развития, о чем пишет в своей работе Режин Прат. С точки зрения психогенетического подхода нарциссизм – это вторая стадия аутоэротизма, относящаяся к двум первым годам жизни (Прат, 2016).

Таким образом, либидо телесное и либидо, получаемое от объекта, сходятся на первоначальных этапах развития психики младенца. На ранних этапах развития младенец может быть разочарован своими первичными объектами. Главное разочарование состоит не столько в присутствии или отсутствии объекта (матери или человека, который осуществляет уход за младенцем), а в том, те ли влечения младенца удовлетворяются, улавливаются ли его желания. Благодаря ответу первичного объекта происходит сонастройка. Однако если объекта в должной мере не оказалось рядом, то либидинальная сила, связанная с материнскими инвестициями, с материнским отношением, не напитывает младенца, нарциссически младенец не напитан, он не чувствует себя желанным. Тут правомерно будет вспомнить историю Алены про буллинг в школе, которого удалось избежать, но который мог потенциально возникнуть, и о том, что Алене важно установление контакта, иначе все становится бессмысленно. Откуда берется эта идея о буллинге? В реальности Алена с ним не сталкивалась. Тогда кто же ее отверг? Алена говорила о том, что у нее есть высыпания на коже (на лице и руках в области запястья), сообщая о том, что сцена для разыгрывания тревог и страхов – это младенчество и первичные взаимоотношения в системе «мать – дитя». Джойс Макдугалл пишет, что такие страхи, связанные с довербальными тревогами, находят свои истоки в первичных отношениях (Макдугалл, 2017). Алена говорит о том, что ее «фишка» – быть интересной, а не красивой, как если бы клиентка, отражаясь в глазах матери, не видела внимания и тепла к себе, поэтому ей было важно постоянно заинтересовывать мать. Как и со мной, ей кажется, что я не смогу увидеть ее, понять ее проблемы, ей сразу надо понять, интересна ли я ей. В переносе я та мать, которую надо постоянно

«заинтересовывать». Алена четко понимает, что ее фишка – быть интересной, однако не проясняя, что она имеет в виду. Возможно, за фразой «быть интересной» стоит желание, чтобы ей заинтересовались, и отчасти призыв в виде вопроса: «интересуетесь ли мной, иначе все бессмысленно». Алене важно установление иного контакта со мной, нежели терапевтический. И тут опять происходит спутанность, но уже со мной.

Через повторение, которое разыгрывает Алена со своими днями рождения, она пытается донести информацию о том, что «осталась одна» сразу после рождения и насыщения либидо от объекта не произошло. Что подтверждает первое детское воспоминание или сон, где она ищет маму, но не находит. Испытывая постоянную тревогу за потенциальную возможность вновь быть покинутой мамой, Алена прибегает к ритуалам (ритуалы перед сном в детстве). Однако клиентке сложно понять, о чем ее тревога. Чувства замораживаются, и во взрослой жизни она легко покидает родной дом, не испытывая сильных переживаний, и отправляется в путешествие в поисках места, где у нее «не будет суперзависимости, не будет привязанности, не будет чувства ненужности». Смена городов и смена мест жительства заканчиваются покупкой квартиры, где Алена создает все так, как ей бы хотелось, такая идеальная утроба, где есть только она и где учтены только ее потребности. В своих воспоминаниях Алена говорит об этом, но не напрямую, а через «навязчивое повторение», которое происходит в ее жизни сейчас. Не в силах понять, что же произошло с ней в момент ее рождения, так как этот период не вербализуется в словах, клиентка всячески его разыгрывает, чтобы избавиться от гнетущих ощущений, которые находятся в имплицитной памяти.

Однако все это не приносит облегчения. Связь с первичным объектом все равно не устанавливается, и через какое-то время Алена отправляется на поиски сна. Объекты, появляющиеся в жизни клиентки, ненадежны, и она решает родить ребенка, который будет всегда с ней. Возможно, в размышлениях Алены о том, что ей не нравятся дети и она вообще не хочет их рожать, есть доля истины. Тогда кого она хочет родить и кто та единственная девочка, которая ей нравится? В моей фантазии это мама. Как мы видим, первичный объект для клиентки не становится матерью заботы и ухода, что приводит к сложностям и нарушениям в диадных отношениях и не формирует в психике клиентки надежного объекта опоры, приводя к сложностям в полоролевой идентичности. За желанием иметь ребенка стоит желание получить мать, которая будет принадлежать только ей.

Как было уже сказано в теоретической части работы, беременность у женщин фертильного возраста наступает тогда, когда в психическом пересекаются три вещи: желание родить ребенка от отца, идентификация девочки с матерью и ее материнской заботой, а также любовь к своему партнеру. Отношения с матерью носят перевернутый характер. Отцовская фигура находится в негативе, а мужчины в целом либо выполняют функции в этой семье, если же не справляются с ними, то выбрасываются за борт, как в истории с мужем бабушки клиентки. Либо это неинтересный мужчина, как отчим клиентки, либо мужчины-манипуляторы, как в случае

с начальником по работе. Следовательно, третьего разделяющего нет, и связь с архаической матерью не заканчивается.

Тут Алена попадает еще в одну ловушку, расставленную ее семейной системой. Важным этапом на пути к родительству является период отделения от матери и разворот к отцу. К кому поворачиваться Алена? В роду, к которому принадлежит Алена, «нет мужчин», но есть дети. В фантазии Алены мать по вечерам уходит к соседкам. Алена пытается разрешить эту дилемму, делая выбор в сторону гомосексуального объекта.

Мужские объекты Алены представлены в виде отчима, дедушки и начальника-манипулятора, а также отца, который появляется для клиентки в виде «номера телефона и сообщений» – то ли есть человек, то ли нет. Отчим Алены, мужчина ее матери, не ее отец, он «неинтересный персонаж, плохо его помню и, если честно, не очень понимаю, зачем он был нужен маме». Разворот к такому мужчине сделать сложно, так как отчим потенциально может разлучить Алену со своей мамой. Тут одновременно мы сталкиваемся с желанием отделения и желанием оставаться в симбиозе с первичным объектом. Далее отчим и вовсе пропадает, и, возможно, Алена испытывает триумф, выигрывая эдипальное соперничество и оставаясь для матери единственной, хотя бы таким образом, но попадая в плен этих отношений и теряя возможность дальнейшей сепарации и индивидуализации. Важно отметить, что отчим – не биологический отец для Алены, следовательно, он может быть не только мужем ее матери, но и стать мужем Алены.

Закон отца способствует разделению столь тесной биологической, телесной и психической связи между матерью и ребенком, создавая возможность через свою разделяющую функцию девочке становиться женщиной, создавать свою собственную семью и жить самостоятельной жизнью (Фрейд, 2013). Оставаясь в плену отношений с матерью, Алена идет по пути гомосексуальности, что в дальнейшем выражается в том, что Алена находит себе гомосексуального партнера, с которым пытается родить совместного ребенка. Процесс зачатия не приносит Алене удовольствия, а вызывает сильную тревогу, так как часто желанная беременность на сознательном уровне выступает как угроза краха психики молодой женщины на бессознательном уровне. На сессиях Алена не рассказывала, как происходит зачатие в их паре, у меня складывается фантазия, что ей самой не очень понятно, как можно родить ребенка от женщины.

Через какое-то время оказывается, что дедушка Алены – муж бабушки – не является отцом матери, то есть по сути это опять не тот мужчина, который мог бы стать «разделяющим третьим». В реальности он стар и не родственник. Странно разворачиваются отношения и у бабушки с этим мужчиной. Они знакомятся на работе, их роман начинается тогда, когда дед еще женат на другой женщине, по сути бабушка клиентки разрушает эдипальную пару. Также важно обратить внимание на то, что является причиной их развода в пожилом возрасте. Бабушка уходит от деда, когда тот решает возобновить отношения со своими родными дочерьми и отдать свою квартиру им. По сути, отношения со своим мужем у бабушки – как с частичным объектом. Кроме того, бабушка не выдерживает

соперничества с более молодыми женщинами и подает на развод. Мать клиентки остается без квартиры, и опять Алена одерживает триумф над своей матерью. Она становится одновременно матерью для своей матери, создавая ей утробу-квартиру, а также отцом для матери, возлагая на себя финансовое обременение относительно расходов матери (снимает ей жилье). Дедушка, который мог бы на символическом уровне стать опорной мужской фигурой, изгоняется.

Таким образом Алена одерживает верх над мужчинами, что способствует формированию комплекса мускулинности, она становится мужчиной для матери, она сама становится фаллосом, говоря: «мать должна мной гордиться – я самое большое достижение в ее жизни».

Постепенно Алена устает от такого обременения и «хочет снизить расходы», что она постепенно и начала делать, снижая расходы на обеспечение матери. На последней встрече перед прерыванием работы Алена начала говорить о чувстве вины перед мамой. Алене сложно его выносить, и она думает, что должна откупиться от мамы.

В связи с прерыванием терапии у меня рождается много фантазий, что же на самом деле происходит сейчас в жизни Алены. В моей фантазии у Алены была подсадка эмбриона, который не прижился, и пришлось делать аборт, или случился самопроизвольный выкидыш.

Спутанность, табуирование отбрасывают в самый ранний период жизни человека, к его первичным отношениям. Концепция инцестуозности, введенная Ж.-П. Ракамье, как нельзя лучше подходит для понимания процессов, происходящих у Алены.

Проблемы в области фертильности, безусловно, рождают много сложностей у женщины. Ощущение внутренней поломки своего организма, ужасающие подчас названия диагнозов, которые ставятся врачами при диагностике бесплодия неясного генеза, психоаналитический взгляд на бесплодие как на сложности с собственной матерью, отсутствие любви в паре, инцестуозность в семейных отношениях могут провоцировать в женщине чувство вины, стыда, увеличивая тем самым стресс, который активизирует и запускает порочный круг, из которого бывает сложно выбраться в одиночку. «Со временем эта темная утроба становится бессознательным хранилищем социального осуждения, неприемлемых желаний, травматических воспоминаний... процеженных через бессознательное чувство вины» (*Raphael-Leff*, 2015). Процессы горевания по неродившемуся ребенку, выкидышу или аборту в современном обществе не находят должной поддержки.

Таким образом, мы видим, что желанная беременность на сознательном уровне встречается с целым пластом бессознательного сопротивления. Здесь и спутанность ролей между матерью Алены и самой Аленой, и отсутствие третьего, который мог бы помочь разъединить пару, но в силу сложностей не видится и не принимается клиенткой: понимание того, что у мамы есть мужчины, могли быть мужчины, пугает Алenu, отбрасывая в травму брошенности и потери опорного объекта в раннем детстве.

Проблемы гендерного бесплодия, выкидыша, невынашивания, зачатия в гомосексуальной паре – темы, которые вызывают всплеск самых

базовых эмоций. На помощь может прийти способность говорить об этой теме с помощью образов. Такой способ поможет понять, соприкоснуться с вытесненным, а также снизить конфликтность в момент упоминания (воспоминания) разговора о данной проблематике. Таким образом, необходимы время и пространство, чтобы воспоминания вышли на свет, а ассоциативные цепочки запустились. В основе данного процесса лежит отцовская функция. Только создав дистанцию, можно мыслить о проблемах, связанных с перинатальной тематикой, и символизировать их, создавая необходимое пространство, которого часто не хватает, когда речь заходит о темных и явно непроявленных местах материнского. Избыток тишины, спутанность, как и избыток сильных эмоций, наталкивают на мысль, что тема является табуированной. Табуированные темы – это темы, которые рождают тревогу для того, чтобы психическому справиться с этим.

Проблема существования и продолжения жизни уникальна по своей природе, можно сказать, что человек вышел из природы, с одной стороны, а с другой, все еще находится в ней. Наряду с биологической природой человека как вида психическое является важным компонентом, основой существования. Проблема возможных причин ненаступления беременности находится на водоразделе между биологическим и психологическим. В данной статье была сделана попытка раскрыть часть проблем, связанных с загадочными причинами ненаступления беременности у женщин фертильного возраста.

В практической части работы разобран образ Лилит как пример фаллической идентификации, являющейся одной из предпосылок ненаступления беременности у женщин детородного возраста, а также приведен и проанализирован клинический случай из практики, подтверждающий гипотезу о влиянии взаимоотношения с первичным объектом ухода и заботы, при отсутствии третьего разделяющего, что провоцирует отсутствие триангуляции, гомосексуальную идентификацию, передачу от матери к дочери родовой маскулинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бесплодие. 22 мая 2024 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения: сайт. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/infertility> (дата обращения: 03.04.2023).
2. *Бидловски М.* Проблематика инцестуозных репрезентаций в клинике женской филиации // Ж. Андре, А. Грин, А. Бир. и др. Инцесты. М.: Когито-Центр, 2017. С. 44–60.
3. *Винникотт Д. В.* Маленькие дети и их матери / Пер. с англ. Н. М. Падалко. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 80 с. (Библиотека психологии и психотерапии.)
4. *Винникотт Д. В.* Переходные объекты и переходные явления. Исследование первого «Не-Я» предмета. [Электронный ресурс] // АНО ДПО «Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах». URL: <https://psychic.ru/articles/somatic/modern13.htm> (дата обращения: 20.03.2023).

5. *Гроф С.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / Пер. с англ. А. Киселева. М.: Ганга, 2018. 528 с.
6. *Кляйн М.* Зависть и благодарность: Исследование бессознательных источников / Пер. с англ. СПб.: Б.С.К., 1997. 94 с.
7. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском конгрессе, прочитанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис, 1995.
8. *Макдугалл Д.* Театры тела: Психоаналитический подход к лечению психосоматических расстройств / Пер. с франц. А. Россохина, А. Багрянцева. М.: Когито-Центр, 2017. 215 с.
9. *Макдугалл Д.* Тысячеликий эрос / Пер. с англ. Е. И. Замфир. Под ред. М. М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и Б&К, 1999. 278 с.
10. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. М.: Корвет, 2016. 203 с.
11. *Прат Р.* О первичном нарциссизме / Пер. с фр. А. И. Коротецкой // Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей. М.: Наука, 2016. С. 152–160.
12. *Фрейд З.* О женской сексуальности // З. Фрейд. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 6. Любовь и сексуальность. Закат Эдипова комплекса / Пер. с нем. Баскаева Т. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019. С. 185–208.
13. *Фрейд З.* Тотем и табу / Пер. с нем. А. Боковинова // З. Фрейд. Собрание сочинений в 26 томах. Т. 12. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2019. 240с.
14. *Хорни К.* Психология женщины / Пер. с англ. А. М. Боковинова, Т. В. Панфиловой, Л. Б. Сумм. М.: Академический проект, 2009. 237 с.
15. *Шассге-Смиржель Ж.* Женское чувство вины. О некоторых специфических характеристиках женского Эдипова комплекса // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 385–425.
16. *Шаффер Ж.* Женское: один вопрос для обоих полов / Пер. А. И. Коротецкой. 2016. [Электронный ресурс] // АНО ДПО «Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах». URL: <http://psychic.ru/articles/modern/modern05.htm> (дата обращения: 20.03.2023).
17. *Эльячефф К., Эйниш Н.* Дочки-матери: 3-й лишний? / Под ред. Н. Попова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018. 445 с.
18. *Braunschweig D., Fain M.* (1970) *Le Nuit, le jour*. Paris: Presses Universitaires de France.
19. *Bydlovski M.* (2020) *Devenir mere. A l'ombre de la memoire nonconsciente*. Paris: Odile Jacob. 313 pp.
20. *Racamier P.-C.* (2021) *L'inceste et l'incestuel*. Paris: Dunod. 192 pp.
21. *Raphael-Leff J.* (2015) *The Dark Side of the Womb: Pregnancy, Parenting & Persecutory Anxieties*. London, England: Anna Freud Center. 82 pp.

Between the mental and the biological: An analysis of possible reasons for pregnancy failure in women of childbearing age

A. A. Stazaeva

Stazaeva Anna A., PhD, psychoanalytically oriented and perinatal psychologist.

Problems of female fertility, maternal and childbirth disorders have become the focus of study by specialists from different fields: psychology, philosophy, cultural studies, biology and medicine, as well as the focus of neuroscience research. One of the leading ideas is the idea of refusing to divide problems related to infertility into physiological and psychological ones, but it is often psychological factors that can be a prerequisite for further difficulties in childbirth. The relevance of the psychoanalytic approach in studying problems of psychogenic infertility is important, despite current advances in perinatal medicine, physiology, obstetrics and gynaecology, high levels of neonatal practice, quality diagnosis of physiological disorders of the female and male reproductive sphere. Despite the fact that the field of psychology dealing with perinatal issues has been actively developed in Russia in recent decades, the causes of infertility of unclear genesis are only partially uncovered. The works of domestic and foreign colleagues: I.V. Dobryakov, G.G. Filippova, D. Pines, K. Horney, J. Magdougat, J.-P. Racamier, M. Klein, D.W. Winnicott, J. Raphael-Leff, M. Bidlowski, J. Prat have contributed to the study of female infertility.

In this article, infertility of unclear genesis in women of reproductive age will be considered through the prism of symbiotic relations, fixation on early object relations, difficulties in the experience of dyadic relations, primary identifications with the object(s), difficulties in going through the oedipal situation. The above difficulties ultimately contributed to the accumulation of experiences in the form of internal conflicts and led to the inability to conceive.

Keywords: fertility, psychogenic infertility, perinatal psychology, psychoanalytic psychotherapy, primary identification, archaic mother, primary object, gestation, pregnancy, conception, the first women of Adam, Eve, Lilith.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Слои смыслов в «Скорби и меланхолии» Зигмунда Фрейда

М. М. Филиппова

Филиппова Маргарита Михайловна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант. Кандидат филологических наук, сотрудник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Статья является попыткой охватить основные положения концепции Зигмунда Фрейда в «Скорби и меланхолии», а также рассмотреть различные смысловые слои, или уровни смысла, содержащиеся в этой работе. Проанализированы нюансы смысла, предлагаемые в русских переводах этой статьи; обращено внимание на бытование, популярность и активное обсуждение данной работы Фрейда в профессиональном сообществе русскоязычных психологов, психотерапевтов и психоаналитиков. Подробно изучается понимание и истолкование данной работы такими известными представителями французского психоанализа, как Жак Андре, Ж.-М. Кинодо, Ж. Лаплани и Ж.-Б. Понталис.

Ключевые слова: работа скорби, меланхолия, амбивалентность, патологические формы скорби, бред самоуничтожения, ненависть к себе, аутоагрессия меланхолика, оральная интроекция утерянного объекта, идентификация, регресс любви на нарциссическую стадию, катексис либидо.

*«При горе обеднел и опустел мир, при меланхолии – само Я».
«Тень объекта падает на Я».
З. Фрейд*

Работа Зигмунда Фрейда «Скорбь и меланхолия» (Фрейд, 2016) относится к общепризнанной классике психоаналитических исследований, внесших значительный вклад в интеллектуальную жизнь общества и

современное гуманитарное знание. Фрейда недаром ставят в один ряд с самыми выдающимися мыслителями человечества, называют зодчим современного понимания человека, а его учение – коперниковским переворотом, видоизменившим не только науку, но и культуру общества в целом. Глубина мысли основателя психоанализа заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к его трудам.

Вербализация фрейдовского концепта «скорбь-горе-печаль-траур» в русских переводах

Первое, на что обращаем внимание, знакомясь с этой статьей, – это разные переводы ее названия. Первое слово в заглавии переводят по-разному, начиная со слова «печаль» и заканчивая словом «траур» в английском переводе – «Mourning and Melancholia». Например, в русском тексте «Википедии» об этой работе Фрейда, явно переведенном с английского, несколько раз использовано слово «траур». При этом для естественного носителя языка отнюдь не все равно, какое используется слово: за каждым словом тянется шлейф ассоциаций, нюансов смысла и контекстов. И то понимание, которое мы извлекаем из текста, разумеется, зависит от лексики, использованной в нем. Можно сказать, что точно так же, как существует целый ряд переводов названия, можно извлечь множественные слои смыслов и из самого текста статьи.

Смысл, вкладываемый в вариант со словом «печаль», можно передать так: печаль – это некая преходящая эмоция, не остающаяся надолго. При этом мы понимаем, что может быть глубокая печаль, а может быть легкая и совсем не тягостная. Вспомним строки пушкинского стихотворения: *«Мне грустно и легко; печаль моя светла; Печаль моя полна тобою...»* Это легкое, нетягостное чувство, похожее на грусть или синонимичное грусти. Когда что-то не очень существенное в жизни идет не так, мы можем пожать плечами и сказать: «Печально». Несколько странно для носителя русского языка было бы сказать о человеке, потерявшем близкого: «Он печален, потому что у него умерла мать». Печаль, пожалуй, не воспринимается как адекватное чувство при серьезной утрате.

Горе – гораздо более серьезное состояние, горе не проходит быстро. В словаре С. И. Ожегова дано два значения: 1. Скорбь, глубокая печаль. *Заболеть с горя. Хватить горя.* 2. То же, что несчастье. *Случилось большое горе. Помочь горю* (помочь в беде). А в словаре Владимира Даля к слову «горе» дан ряд синонимов. Даль пишет: «ср. беда, бедствие, несчастье, злополучие, напасть; тоска, печаль, скорбь, кручина; нужда» (Даль, 1989, с. 378). Слова из этого синонимического ряда гораздо больше нагружены аффективно и экспрессивно, чем просто слово «печаль».

При слове «скорбь» у Ожегова есть помета «слово высокого стиля». Оно объяснено так: крайняя печаль, горесть, страдание. *Глубокая скорбь.* Владимир Даль объясняет слово «скорбь» через глагол «скорбить/скорбеть»: грустить, тосковать, печалиться, тужить, сильно жалеть, болеть по

чему-то, ныть сердцем, кручиниться, крушиться, сокрушаться. Этот синонимический ряд глаголов выражает весь спектр различных оттенков сердечной боли, когда человек скорбит.

Определение слова «траур» у Ожегова следующее: «1. Состояние скорби по умершему (а также по поводу какого-нибудь бедствия, катастрофы), выражающееся в ношении особой одежды, в отмене увеселений и т. п. *Страна в трауре*. 2. Черная одежда, повязка и т. п. в знак скорби. *Носить траур по матери*. II прилагательное **траурный**, -ая, -ое. *Траурная процессия* (погребальная). *Траурный марш*. *Траурная повязка*» (Ожегов, 1988, с. 659).

Итак, если слова «печаль», «горе» и «скорбь» отражают чувства, аффекты, эмоции, относящиеся к психической жизни человека, то слово «траур» скорее относится к внешнему, социально приемлемому и выражаемому в форме принятых социальных условностей поведению.

Получается, что авторы переводов акцентируют то те, то иные аспекты состояния, описываемого Фрейдом. Можно сказать, что все перечисленные значения составляют единый концепт и представляют разные его стороны и оттенки смысла, выражаемые им. Наилучшим переводом видится слово «скорбь» – в частности, потому, что оно не только семантически, но даже и стилистически соответствует тональности фрейдовских трудов.

Но этот вопрос остается дискуссионным, и психоаналитики, изучающие труды Фрейда, выражают разные мнения. Например, Айбениз Гаджиева пишет в телеграм-канале «Психоанализ на Чистых»: «Разные переводчики статьи "Trauer und Melancholie", в которой Фрейд описал феномен горя, горевания и возникновения меланхолии, переводят "горе" как "скорбь, печаль". Немецкое слово Trauer означает одновременно и (нормальный) аффект, и ритуал. На русский возможны как минимум четыре перевода немецкого Trauer: а) печаль; б) траур; в) скорбь; г) горе. Печаль подчеркивает "нормальность" чувства; траур – ритуал; скорбь указывает и на глубокую печаль, и на ритуал; горе указывает и вбирает в себя все вышеуказанные признаки бедствия, скорби, печали. Именно по этой причине мы останавливаемся на термине "горе", а не на "скорби" и не на "трауре", вопреки созвучию, или "печали", вопреки ее "нормальности". Мы будем руководствоваться в своем исследовании в основном словом "горе"» (Гаджиева, 2024). Здесь в качестве комментария хотелось бы отметить искажение семантики слова «скорбь», которая, по данным словарей, не содержит компонента «ритуал». И повторить идею о том, что в разных контекстах на первый план выступают то те, то другие компоненты смысла и лексическое богатство переводческих эквивалентов позволяет подбирать при переводе самые уместные лексические единицы. Нужно сказать, что некоторые авторы прямо отмечают, что при обсуждении данной работы Фрейда используют слова «траур», «скорбь» и «печаль» как синонимы.

Популярность статьи «Скорбь и меланхолия»

Отметим, что читателю доступны разные варианты перевода этой работы. В одних статья начинается с описания черт, являющихся общими для скорби и меланхолии, в других (в которых опущен первый абзац?) Фрейд сразу говорит о сложности объединения разных клинических форм меланхолии в единое понятие и упоминает важную категориальную оппозицию соматических заболеваний и психогенных.

Если судить по материалам, предлагаемым интернетом, эта статья Фрейда – возможно, одна из самых популярных и любимых. Специалисты читают работы Фрейда уже больше ста лет, и они неизменно вызывают интерес, желание глубже понять мысли основателя психоанализа и разнообразные толкования этих мыслей. Многие психологи выкладывают свои эссе о ней: любой желающий может прочитать в интернете эссе Натальи Чукичевой, Лады Голеневой, Екатерины Ворониной, Елены Зотовой, Марии Малышевой и других (Чукичева, 2023; Голенева, 2017; Воронина, 2021; Зотова, 2022; Малышева, 2020). В этих эссе есть пересказ идей Фрейда, с одной стороны, и много индивидуальных, личных соображений, связанных с темой работы горя и работы меланхолии (т. е. глубокой депрессии), с другой.

Например, Н. Г. Чукичева (Чукичева, 2023), обращаясь к читателю, завершает свое эссе страстным призывом к читателю: «Хочется обратиться к вам: будьте внимательны к себе и своим чувствам, не прячьте боль внутри себя, дайте ей выход. Для этого не бойтесь думать о случившемся, говорить, вспоминайте то хорошее, что было связано с утерянным объектом или состоянием. Очень важно осознавать, что горевать нормально. Ненормально не горевать, не реагировать. Все эти возникающие мысли, психические репрезентации и представления работают на ваше здоровье, они помогают вам пережить утрату».

Любопытно справедливое замечание Фрейда в самом начале о том, что мы все можем наблюдать те особенности, которые он описывает. И ведь правда: потери и утраты – это неотъемлемая часть жизни любого человека, мы можем вспомнить (хотя что-то, возможно, давно вытеснилось), как переживали свои собственные утраты, как вели себя наши родные, близкие и друзья, столкнувшись с утратой. Но потребовался аналитический гений Фрейда, чтобы уловить и классифицировать важнейшие различия, тонкости реагирования людей на такое весьма распространенное явление, как утрата.

На примере данной работы мы также можем видеть отчетливую разницу между научным подходом и обывательскими понятиями: довольно распространено представление о том, что «однолюбом быть хорошо», «однолюбы – порядочные люди». К примеру, некая женщина бросила своего мужа, а он не пережил этого и через полгода умер. Те, кому рассказывают эту историю, говорят: «Значит, сильно любил, не смог пережить утрату», т. е. положительно оценивают его преданность бросившей его жене и его неспособность это горе «переварить». И никому не приходит в голову посмотреть на эту ситуацию с точки зрения развитости

психического аппарата, его силы и способности перерабатывать негативный опыт и преодолевать его.

В начале статьи Фрейд говорит об общем в скорби и меланхолии: картина обоих состояний похожа, поводы к обоим расстройством / болезненным состояниям, относящиеся к влиянию жизненных условий, кажутся похожими. Но нам никогда не придет в голову рассматривать горе как болезнь. Мы понимаем, что боль от потери обожаемого ребенка или любимого родителя так велика, что абсолютно любое поведение человека, перенесшего эту утрату, оправданно. Нам не придет в голову советовать человеку, перенесшему утрату, обратиться к врачу. (Так говорит Фрейд, но осмелюсь высказать мнение, что в современных условиях, с напряженными, интенсивными ритмами жизни, когда в социуме не принято изливать свое горе окружающим, когда необходимо сдерживаться вне зависимости от того, насколько тяжела утрата, общение с психотерапевтом окажется благотворным для смягчения горевания и ускорения процесса проработки горестных чувств.) Но Фрейд, исходя из реалий своего времени, говорит, что в таких ситуациях мы надеемся, что меланхолия, вызванная горем, будет преодолена естественным образом, и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Работа скорби в истолковании Жака Андре

В этой связи уместно обратиться к книге Жака Андре «100 слов психоанализа» (Андре, 2022, с. 126). Пройти мимо этой книги невозможно, настолько понятно, доходчиво, экспрессивно, чрезвычайно убедительно объясняет он работу скорби. Справедливо замечено, что если что-то выражено ярко, то такая экспрессия часто достигается за счет некоторой потери смысла. В психоанализе, говорит Жак Андре, работают прежде всего с тем, что очевидно, что лежит на поверхности: скорбь – это боль, уход в себя, нежелание и неспособность идти на контакт с окружающими, в целом – дезинвестиция внешнего мира.

Но понятие *работы скорби* прибавляет к горю тяжелую часть, которую труднее всего принять, насильственную часть, заключающуюся в работе по развязыванию, по отделению от умершего. Она состоит в том, чтобы отвязаться, отстраниться от смерти, чуть ли не «убить умершего во второй раз», развязывая и распутывая поочередно узлы, привязывающие к объекту.

Всплывающие настойчивые воспоминания, частые сновидения, в которых мертвые воскресают, – все это происходит, чтобы в конце концов, по завершении работы горя, легче было их забыть. И продолжается до такой степени, чтобы либидо, оказавшись снова свободным, могло быть направлено на новые объекты, имея способность полюбить вновь. Втайне враждебная часть амбивалентности протягивает руку помощи.

Почему работа по отделению столь болезненна, спрашивает автор, почему либидо цепляется за исчезнувший объект, даже когда ему уже есть замена? Жак Андре цитирует Фрейда, сказавшего: «Мы не можем этого понять». Но затем он обращается к Мелани Кляйн, у которой, как он

утверждает, на это есть ответ. Потеря дорогого человека, независимо от возраста, в котором происходит утрата, всегда является *повторной* потерей, второстепенной, уже испытанной травмой, новым переживанием *раннего* опыта. Объект сегодняшней любви – это потерянный ранее объект. Депрессивная позиция нас всех объединяет.

Любая скорбь, даже переживаемая впервые, – это всегда повторение первичного горя, реприза и трансформация более ранней смерти и страдания, игнорированных до этих пор.

Работа скорби согласно Лапланшу и Понталису

В словаре Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса (*Лаплани, Понталис*, 2016, с. 467) также содержится статья «Работа скорби». Предпосланная ей краткая дефиниция гласит: «Внутрипсихический процесс, наступающий вслед за утратой объекта привязанности; в ходе этого процесса субъекту удается постепенно отстраниться от своего объекта».

Авторы отмечают, что выражение «работа скорби» впервые появилось у Фрейда именно в «Скорби и меланхолии». Уже и само по себе оно свидетельствовало о новом подходе психоанализа к пониманию психического явления, в котором обычно видели постепенное и как бы самопроизвольное уменьшение страдания, вызванного смертью близкого человека. Фрейд считал, что этот конечный результат достигается лишь в результате целостного внутреннего процесса, предполагающего деятельность субъекта, которая, как показывает клиника патологических видов скорби, не всегда приводит к успеху.

Понятие работы скорби близко по смыслу к понятию психической переработки или, иначе, необходимости связывания травмирующих впечатлений в психическом аппарате.

О существовании внутрипсихической работы скорби свидетельствует, по Фрейду, отсутствие интереса к внешнему миру одновременно с утратой объекта: вся энергия субъекта отдана скорби и воспоминаниям, покуда наконец *«Я, столкнувшись с вопросом о том, желает ли оно разделить судьбу [утраченного объекта. – Прим. авт.], не убеждается с помощью всевозможных нарциссических удовлетворений, примиряющих с жизнью, в необходимости порвать свою связь с утраченным объектом»*. Однако, прежде чем произойдет такое отстранение и станут возможными новые нагрузки, психика должна выполнить свою задачу: *«Каждое воспоминание, каждое ожидание, связывающие либидо с объектом, должны быть выявлены и сверхнагружены, чтобы отделиться от либидо»*. В этом смысле можно сказать, что работа скорби заключается в том, чтобы «убить смерть».

Фрейд, говорят авторы, выявил шкалу различий между нормальной скорбью, патологическими разновидностями скорби (когда субъект считает себя виновным в смерти близкого человека, отрицает смерть, ощущает воздействие покойного и его власть над собой, полагает, что болен той же болезнью, которая привела близкого человека к смерти, и т. д.) и меланхолией. В общем, по Фрейду, этот амбивалентный конфликт выходит

на первый план при патологической форме скорби, а при меланхолии делается еще и следующий шаг: *Я* начинает отождествлять себя с утраченным объектом.

Послефрейдовский психоанализ стремился прояснить феномен нормальной скорби на основе ее патологических форм, связанных с депрессией и меланхолией, а также маниакальными состояниями, подчеркивая значение амбивалентности и роль агрессивности по отношению к покойному, позволяющими отстраниться от него.

Меланхолия в интерпретации Жака Андре

Обратимся еще раз к словарю Жака Андре, столь образно и выразительно представляющего разнообразные концепты психоанализа. Его статья о меланхолии (Андре, 2022, с. 71) начинается с визуального описания: «Слишком тяжелая голова, чтобы можно было ее удержать, покоится на ладони, подпирающей ее с трудом, – такова картина меланхолии (желчь *khole*, черное *melas*), сопровождающая всю историю живописи и поэзии, от "однообразной истомы" (Верлен) до "счастья быть печальным" (Гюго). Когда меланхолия не является обычной ностальгией, она не только пропитывается желчью, она еще и облачается во все черное, культивируя самое мрачное и пессимистичное...» Далее Жак Андре, подтверждая мысли Фрейда, напоминает нам: скорбящий знает, что он утратил, в то время как меланхолик ничего об этом не знает.

Меланхолия сопротивляется работе скорби, она противится любому разрешению ситуации потери, она выступает против малейшего различия между живыми и мертвыми. Объект (любви) утрачен настолько, что теряется и сам субъект, утративший объект любви, как таковой, оставляя место лишь утрате.

К картине депрессии меланхолия прибавляет «безнадежное универсальное отвращение, содержащее в себе глубокую ненависть» (Вовенарг) (Цит. по: Андре, 2022, с. 71). И в первую очередь отвращение к самому себе. Меланхолику невозможно понять, что кого-то может заинтересовать такое мерзкое существо, каким является он, его упреки в собственный адрес доходят до бреда самоуничтожения. Без всякого стеснения он выставляет напоказ свои пороки и недостатки, в полной уверенности, что и другие их не лишены: «Если обходиться с каждым по заслугам, разве кто-то избежит кнута?» (Гамлет). «При горе обеднел и опустел мир, при меланхолии – само Я» (Фрейд).

Возможно, потерянный объект не такой пустой, как сам меланхолик, потерянный объект накрывает Я меланхолика своей тенью, отчего Я меланхолика смешивается с потерянным объектом. Ненависть к себе скрывает ненависть к другому, что делает меланхолию похожей на внутреннюю паранойю. Паранойя опасна для других, она может привести к убийству. Меланхолия опасна для самого себя, она может привести к суициду.

«Скорбь и меланхолия» в понимании Ж.-М. Кинодо

Следующим трудом, в котором находим ценные мысли автора по поводу обсуждаемой работы Фрейда, является классический труд Жана-Мишеля Кинодо «Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе» (Кинодо, 2012, с. 223). Можно порадоваться тому, что в своей книге Ж.-М. Кинодо подробно разбирает работу Фрейда «Скорбь и меланхолия», и это помогает гораздо глубже понять мысли основателя психоанализа. Важно также, что данный исследователь вникает в нюансы смысла, мимо которых легко может пройти менее профессионально искусный и не столь чуткий читатель.

Кинодо отмечает, что гипотезы, представленные Фрейдом в этой работе, были во многом продолжением новаторских исследований Карла Абрахама, ставшего, в частности, первым психоаналитиком, бравшимся за лечение маниакально-депрессивных пациентов. В одной из статей 1911 года К. Абрахам показал, что у депрессивных пациентов способность любить парализована яростью их садистических фантазий и «чрезмерной враждебной предрасположенностью либидо» (Abraham, 1911, p. 104). Тогда же он высказал предположение, что корни депрессии лежат в вытеснении садизма; Абрахам считал, что меланхолия и мания также ведут свое происхождение из этого комплекса, на который больные реагируют по-разному. Он утверждал также, что депрессия взрослого берет начало в базовой депрессии ребенка. Хотя он не смог верифицировать эту идею, клиническое подтверждение его идеи предоставила Мелани Кляйн, и Абрахам немедленно поделился своим открытием с Фрейдом в письме, от 7 октября 1923 года (Цит. по: Кинодо, 2012, с. 222),

Нормальная и патологическая скорбь

В работе «Скорбь и меланхолия» Фрейд исследует вопрос о реакциях индивида в связи с реальной потерей, с разочарованием в любимом человеке или с потерей идеала: почему некоторые люди реагируют аффектом скорби/печали, со временем преодолеваемым, в то время как другие погружаются в депрессивное состояние? (Кинодо уточняет, что во времена Фрейда меланхолией называли то, что сейчас называется депрессией, а термин «меланхолия» употребляют сегодня по отношению к ее тяжелой, т. е. психотической форме.) Фрейд констатирует, что, в отличие от нормальной скорби, переживаемой в основном на сознательном уровне, патологическая печаль и скорбь развивается на уровне бессознательного, так как меланхолик, по утверждению Фрейда, «не может сознательно воспринять то, что он потерял» (Freud, 1968, p. 149). Нормальная и патологическая скорбь имеют общую черту – торможение и отсутствие интереса, объясняемые работой скорби, захватившей Я. Но в меланхолии есть нечто большее, продолжает Фрейд, – это необыкновенное уменьшение чувства самоуважения: «При печали/скорби обеднел и опустел окружающий мир, при меланхолии – само Я» (Op. cit., p. 150). В патологической скорби на первый план выходит отвращение больного по отношению

к своему собственному Я в форме упреков, адресованных самому себе, и обесценивания себя. Кинодо задает вопрос: как объясняются подобные самообличения, способные доходить до бредового ожидания наказания?

У меланхолика «Я никчемен!» на самом деле значит «Ты никчемен!»

Ж.-М. Кинодо особо подчеркивает выдвинутое Фрейдом гениальное предположение: согласно ему, все самообвинения депрессивной личности являются на самом деле обвинениями против значимой *потерянной* личности, чаще всего из близкого окружения пациента (*Op. cit.*, p. 160). Он утверждает: «Женщина, на словах жалеющая своего мужа за то, что он связан с такой негодной женой, хочет, собственно говоря, обвинить своего мужа в негодности во всех смыслах» (*Op. cit.*, p. 154). Иными словами, когда эта женщина обвиняет себя, объявляя «Я никчемная!», это самообвинение оказывается обвинением, бессознательно направленным на ее мужа: «Ты никчемный!» Фрейд замечательно выражает это на немецком языке, говоря о таких больных: «*Ihre Klagen sind Anklagen*», («Их самообвинения – это обвинения»), обыгрывая таким образом сгущение в словах *Klagen* (жалобы) и *Anklagen* (устаревший юридический термин, означающий «подать жалобу *против* кого-то»).

Затем Фрейд показывает, что употребляемые меланхоликом слова, когда он высказывает свои самообвинения, говоря, например, «Я никчемный!», шаг за шагом обнажают структуру его внутреннего конфликта: «Мы должны обратить внимание на то, что меланхолик правильно описывает свое психологическое состояние» (*Op. cit.*, p. 152). Особая языковая структура самообвинений приводит нас к пониманию внутреннего конфликта меланхолика, и Фрейд систематически рассматривает ее различные элементы: он последовательно описывает оральную интроекцию утерянного объекта, идентификацию с ним при регрессе любви на нарциссическую стадию, обращение против себя самого ненависти, предназначенной объекту, и т. д. Понимание этих процессов, говорит Кинодо, требует от читателя особого внимания, тем более что клиническая реальность, о которой идет речь, скорее имплицитна, нежели эксплицитна.

Разрыв с внешним миром и отступление в нарциссизм

Вначале Фрейд объясняет, как происходит замена *Я* на *Ты*, когда меланхолик эксплицитно обвиняет себя, говоря «Я никчемен!», хотя на самом деле он имплицитно обвиняет другого: «Ты никчемен!» Какие же ментальные процессы соответствуют психическим изменениям, выраженным этими словами? Кинодо обращается к объяснению Фрейда, что в случае утери объекта имеет место фундаментальная разница между нормальным гореванием и патологическим, причиной которого является изменение направления катексиса либидо: при нормальной скорби субъект способен отказаться от «потерянного» объекта и отвести либидо, так что ставшее свободным либидо может быть направлено на новый объект.

При меланхолии, напротив, субъект не отнимает либидо от «потерянного» объекта, чтобы не расставаться с ним и остаться с ним одним целым. Я меланхолика в своих фантазиях «поглощает» этот объект, выбирая путь *нарциссической идентификации*: *«Тень объекта падает на Я, которое теперь может быть расценено особой инстанцией как объект, как покинутый объект. Таким образом, утрата объекта превратилась в утрату Я, а конфликт между Я и любимым человеком – в раздор между критической способностью Я и Я, изменившимся в результате отождествления»* (Op. cit., p. 158). Это изменение направления объектного катексиса в сторону собственного Я, воспринимаемого как объект, объясняет потерю интереса меланхолика к окружающим его лицам и последующий «нарциссический» возврат к собственной личности. Меланхолик настолько сосредоточен на самом себе, что его как бы засасывает вихрь самообвинений.

Кроме того, это обращение упреков на свою собственную персону предполагает расщепление Я: часть Я смешивается с утерянным объектом, другая критикует, выступая в качестве инстанции, называемой Фрейдом моральным осознанием (совестью): *«Мы наблюдаем у него, как одна часть Я противопоставляется другой, производит критическую оценку ее, делает ее как бы посторонним объектом»* (Op. cit., p. 153). Эта критическая инстанция – прообраз понятия Сверх-Я.

Любовь регрессирует до нарциссической идентификации, и ненависть обращается против самого субъекта

Кинодо обращается к мнению Фрейда, что сильная самодеструктивная тенденция депрессивных больных есть результат усиления амбивалентности любви и ненависти по отношению к объекту и к Я, когда аффекты распадаются и испытывают различные превращения. С одной стороны, субъект продолжает любить объект, но ценой регресса к примитивной форме любви, т. е. к идентификации, при которой «любить объект» значит «быть объектом»: *«Нарциссическое отождествление с объектом заменяет тогда привязанность к объекту, следовательно, несмотря на конфликт с любимым лицом, любовная связь не должна быть прервана»* (Op. cit., p. 156). В этом случае речь идет о регрессии либидо на оральную каннибалистическую стадию, когда субъект поглощает объект, «пожирая» его. С другой стороны, в результате нарциссической идентификации Я с любимым объектом ненависть субъекта, предназначенная объекту внешнего мира, обращается против собственного Я, которое объединяется с объектом: *«Если любовь к объекту, от которой невозможно отказаться, в то время как от самого объекта отказываются, находит выход в нарциссическом отождествлении, то по отношению к объекту, служащему заменой, проявляется ненависть, этот новый объект оскорбляют, унижают и причиняют ему страдание, благодаря этому страданию ненависть получает садистическое удовлетворение»* (Op. cit., p. 159).

Явные самообвинения: скрытые упреки другому

Кинодо объясняет, что Фрейд касается еще одного значимого момента, показывая, что самообвинения меланхолика одновременно являются агрессией по отношению к объекту, т. е. нарциссический возврат пациента не исключает существование бессознательных объектных отношений. Фрейд отмечает, что пациент-меланхолик, в точности как обсессивный невротик, испытывает *наслаждение* от одновременного осуществления садистических, наполненных ненавистью стремлений по отношению к самому себе и к другому – чаще всего кому-то из близкого окружения: *«При обоих заболеваниях больным еще удается обходным путем через самоистязание мстить первоначальным объектам и мучить любимых людей своей болезнью, в которую они погрузились, чтобы не проявлять непосредственно свою враждебность к этим близким людям»* (Op. cit., p. 160).

Показав, таким образом, что аутоагрессия меланхолика становится средством нападения на объект и отмщения ему, Фрейд подчеркивает, что его пациенты, несмотря на нарциссизм, тем не менее поддерживают объектные отношения со своим окружением, но это отношения, базирующиеся на ненависти и агрессивности. Кинодо считает несомненным: подчеркивая возвращение маниакально-депрессивных пациентов к нарциссизму, Фрейд полагал, что эти пациенты не способны развивать перенос и непригодны для анализа, отсюда и определение их как нарциссических невротиков. Но психоаналитики-постфрейдисты показали, говорит Кинодо, что эти пациенты развивают перенос, поддающийся анализу, даже если в этом переносе преобладают враждебные чувства к аналитику.

Как это ни парадоксально, но в итоге, после изучения многочисленных откликов на данную работу Фрейда, при новом ее прочтении становится понятно, что глубина мысли основателя психоанализа местами остается непостижимой и требует многократного перечитывания работы для дальнейшего ее изучения. Отметим также развитие идей Фрейда в работах его учеников и последователей. Например, в своей статье «Горе, меланхолия и соматизация» Клод Смаджа объясняет, что Фрейд анализирует работу меланхолии, сравнивая ее с работой горя (скорби), определяя расстояние между ними, уточняя их различие с метапсихологической точки зрения. Таким образом, горе/скорбь или меланхолия фигурируют как два ответа – один нормальный, другой патологический – на общую ситуацию, ситуацию потери объекта. Однако далее Клод Смаджа дополняет категоризацию Фрейда соображениями о лечении соматических пациентов, говоря: «Как психоаналитический, так и психосоматический опыт обнаруживают в лечении соматических пациентов третье решение патологического порядка – соматизацию в ответ на потерю объекта». И далее в этой своей работе К. Смаджа проводит сравнительное исследование горя, меланхолии и соматизации (Смаджа, 2013).

В пособии Дж. Вильяма Вордена «Консультирование и терапия горя. Пособие для специалистов в области психического здоровья» речь идет о многих аспектах горевания. Ворден излагает теории и идеи, связанные

с пониманием процесса горевания, делится результатами эмпирических исследований переживания утраты. Детально описывается многогранный процесс горевания, его этапы и задачи, факторы, влияющие на него, и специальные техники фасилитации неосложненного горя и разрешения осложненного горевания. Столкновение с фактом смерти и переживание утраты – это универсальный опыт, затрагивающий существование любого человеческого существа, так что изучение этого вопроса является актуальным всегда и для всех (*Ворден, 2020*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андре Ж.* 100 слов психоанализа / Пер. с фр. Л. И. Фусу. М.: Когито-Центр, 2022.
2. *Ворден Дж. В.* Консультирование и терапия горя. Пособие для специалистов в области психического здоровья. М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2020.
3. *Воронина Е.* Эссе по работе Зигмунда Фрейда «Горе и меланхолия». 5 августа 2021 г. URL: <https://www.b17.ru/article/334814/>
4. *Гаджиева А.* 13 марта 2024 г. URL: https://t.me/psy_sur_chistye/1162
5. *Голенева Л. В.* О работе З. Фрейда «Скорбь и меланхолия». 12 декабря 2017 г. URL: <https://golenevalada.ru/blog/o-rabote-z-freyda-skorb-i-melankholiya/>
6. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1, 4. М.: Русский язык, 1989.
7. *Зотова Е. А.* Горе и меланхолия. Эссе по статье З. Фрейда. 5 августа 2022 г. URL: <https://www.b17.ru/blog/337071/>
8. *Кинодо Ж.-М.* Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М.: Когито-Центр, 2012.
9. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с французского и научное редактирование Н. С. Автономовой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
10. *Малышева М. С.* О работе З. Фрейда «Скорбь и меланхолия». 13 июля 2020 г. URL: <https://www.b17.ru/article/289107/>
11. Об адекватной ненависти в контрпереносе. Сб. статей. М.: Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах, 2012.
12. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988.
13. *Смаджа К.* Горе, меланхолия и соматизация // Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах / Пер. Л. И. Фусу URL: <https://psychic.ru/articles/somatic/modern03.htm>
14. *Фрейд З.* Горе (скорбь) и меланхолия. 1917 г. // Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах. URL: <https://psychic.ru/articles/classic08.htm>
15. *Фрейд З.* Скорбь и меланхолия (1917) // Проект «Весь Фрейд». 05.05.2016. URL: freudproject.ru/?p=796
16. *Чукичева Н. Г.* Горе и меланхолия. 6 марта 2023 г. URL: <https://www.b17.ru/article/420430/>

17. *Abraham K.* (1965) *Préliminaire à l'investigation et au traitement psychanalytique de la folie maniac-dépressive et des états voisins*, trad. I. Barande, in: *Oeuvres complètes. T I, 1907–1914*, Paris, Payot. P. 99–113.
18. *Freud S.* (1968) «*Deuil et mélancolie*», trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in *Métopsychologie*. Paris, Gallimard. P. 145–171.

The Layers of Meaning in Sigmund Freud's "Mourning and Melancholia"

M. M. Philippova

Philippova Margarita M., PhD, psychologist, psychoanalytically oriented counselor. Associate Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

The article represents an attempt at covering the main points of Sigmund Freud's 'Mourning and Melancholia', as well as considering various layers of meaning, or levels of meaning the work contains. Nuances of meaning are analysed which are suggested by translations of this article into Russian; attention is paid to its mode of existence, popularity and active discussion in the professional community of psychologists, psychotherapists and psychoanalysts. Detailed study is made of the way this work has been understood and interpreted by such well-known representatives of French psychoanalysis as Jacques André, Jean-Michel Quinodoz, Jean Laplanche and Jean-Bertrand Pontalis.

Keywords: the work of mourning, melancholia, ambivalence, pathological forms of grief, delusion of self-loathing, self-hate, the melancholiac's autoaggression, oral introjection of the lost object, identification, regression of love to the narcissistic stage, cathexis of the libido.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Психоаналитическое в картинах Эгона Шиле

А. О. Митяева, Е. В. Олесова

Митяева Алиса Олеговна – психоаналитически ориентированный коуч.

Олесова Екатерина Вячеславовна – психолог, психотерапевт; член Российского психологического общества, Европейской ассоциации развития психоанализа и психотерапии, Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO); Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования.

Тот, кто искусство творит, и тот, кто его созерцает, – в определенном смысле, обмениваются опытом проживания и восприятия разных ситуаций через соприкосновение их психических аппаратов. Эгон Шиле – неоднозначный, интригующий, поражающий... Австрийский живописец и график, один из ярчайших представителей австрийского экспрессионизма. Его картины приковывают взгляды, которые пытаются увидеть в изображениях нечто большее.

В статье исследуется взаимосвязь между тем, как формировалась личность художника на ранних этапах жизни, и тем, как это отражается в его работах, а также тем, как зритель воспринимает полотна Эгона Шиле. Изучается, как творчество отражает контекст, в котором формируется личность творящего, и то, каким образом через искусство проигрывается травма и как эта травма трансформируется во времени. Отдельное внимание уделяется автопортрету как жанру живописи, в котором регулярно писал Шиле, – автопортрет рассматривается как попытка формирования частей Я, которые претерпевали дефицит или были разрушены на раннем этапе формирования личности художника. Через автопортрет художник как бы заново создает себя, проходя и отзеркаливание с матерью, и Эдип с отцом и так далее.

Статья может быть интересна как для дальнейшего изучения феномена творчества через призму психоанализа, так и с точки зрения новых граней концепций контрпереноса.

Ключевые слова: искусство, творчество, психоанализ, художник, «мертвая мать», отзеркаливание, автопортрет, контрперенос.

Рисунок 1. Эгон Шиле, 1914 г.

«I want to tear into myself, so that I may
create again
a new thing which I, in spite of myself,
have perceived»¹.
Egon Schiele

Традиционно психоанализ и история искусства оказывали друг на друга весьма отдаленное влияние. Психоанализ, с его фокусом на биографичность, использовал объект творчества исключительно как способ «расшифровки» личности, стоящей за произведением, не занимаясь анализом предмета искусства как такового. Любопытно, что такого рода симптоматичное прочтение искусства создавало фон для его формирования (Bernstein, 2000).

Даниель Кнафо, изучая связь бессознательного с творчеством, говорил, что «то, что мы делаем, зависит от того, кто мы. Но необходимо добавить, что мы и есть, в определенном смысле, то, что мы делаем, и мы создаем себя постоянно... Для существа сознательного быть – значит

меняться, меняться – значит становиться более зрелым, а становиться более зрелым – значит создавать себя постоянно» (Knafo, 1991, p. 62). Тема связи психоанализа и творчества не утрачивает свою актуальность. Напротив, только наращивает ее.

Эгон Шиле был значимой фигурой второго поколения венского модернизма. Имевший у современников репутацию экстраординарного художника, он был известным приверженцем «вопиющего» эротизма юных натурщиц и безжалостной правды своих «вымученных» автопортретов (Izenberg, 2006, p. 462–483). Жизнь художника резко оборвалась в возрасте 28 лет. Интерес к его творчеству с тех пор только рос, вызывая новые вопросы о смысле, скрытом в его произведениях, и о том, что на самом хотел донести до нас художник. Без сомнений, его картины очень психоаналитичны. Имея представление об этапах жизни художника, о том, что происходило в его стране, о нравах эпохи, можно строить гипотезы о том сообщении, которое хотел передать нам художник.

¹ Шиле: «Я хочу разорвать себя на части, дабы получить возможность творить вновь то новое, которое я, вопреки самому себе, узрел» (Leopold, 1972). – Пер. авт.

Рисунок 2. Семья Шиле. Адольф и Мари Шиле с детьми Эгоном, Мелани и Эльвирой (Эгон – крайний слева). Фотография Йозефа Мюллера. 1 января 1893 г.

Те чувства, которые мы испытываем, глядя на полотно Шиле, – наша рефлексия. В чем-то эмоционально мы можем совпадать с творцом, в чем-то будут отличия, но отражения, которые каждый находит для себя в этих полотнах, актуальность этого познания никогда не будут утрачены.

Как и в случае с другими венскими творческими гениями, предки Шиле не были коренными австрийцами. Его отец, хотя и рожденный в Вене, имел родословную из Северной Германии. Он был выходцем из уважаемого рода пасторов, военных офицеров и государственных служащих, чем Шиле очень гордился. Однажды он написал комментарий к своей автобиографии: «Во мне течет древняя немецкая кровь, и часто я ощущаю внутри себя присутствие моих предков... Я рожден у отца из Вены и матери из Крумау...» (*Dabrowski, Leopold*, 1997, p. 348). Мать Шиле родилась в Крумау в Богемии. Ее

родственники были фермерами, ремесленниками, торговцами в Южной Богемии, некоторые из них – чехи. В контрасте с родословным древом отца Шиле ее род состоял из широкого социального спектра.

Шиле родился в 1890 году в местечке Тульн недалеко от Вены и был третьим ребенком. Трое из его братьев и сестер умерли до его рождения, и один – после. Самая младшая дочь, Гертруда, появилась на свет в 1894 году. Позднее она будет много позировать для Шиле, в том числе обнаженной.

Шиле был сыном железнодорожника и рос в буржуазной атмосфере, в духе которой в карьерных вопросах следовать семейным традициям. В случае с Эгоном Шиле это могла бы быть карьера инженера-железнодорожника. Однако с ранних лет он демонстрировал повышенный интерес к рисованию, много больший и страстный, чем его любовь к поездкам. На фото (рис. 2) изображена семья Шиле, где Эгон – крайний слева.

Поступая в начальную школу, будущий художник уже много пишет, в основном изображая ту самую железную дорогу в Тульне, рядом с которой семья Шиле живет, и поезда-поезда-поезда.

В возрасте десяти лет Шиле поступает в среднюю школу в Кремсе. Его успеваемость была весьма посредственна, но в 1902 году отец отправляет его в большую провинциальную гимназию в Клостернойбурге. Там учителя очень скоро начинают жаловаться, что Шиле мешает урокам своими рисунками. В письме своему другу Максу Карпфену Шиле подтверждает свой ранний интерес к искусству, отмечая, что он занят подготовкой работ к их планируемой выставке, совместному творчеству.

Здоровье отца Шиле ухудшилось, он страдал от сифилиса и не мог больше работать, семья переехала в Клостернойбург ближе к Эгону. Адольф Шиле умер в новогодний вечер 1905 года.

Четырнадцатилетний Шиле описывает горечь утраты в своем позднем письме к Антону Пешке, художнику, другу и будущему мужу его сестры.

Дядя Шиле и его крестный Леопольд Чихачек, муж сестры отца Шиле, назначен опекуном Эгона. Отец Шиле желал, чтобы тот поступил в местную политехническую школу, и Леопольд с этим соглашается. Его успеваемость и там оставляет желать лучшего – все складывается так, что, по-видимому, ему придется оставаться на второй год для повторения классов, и тогда мать Эгона обращается к одной из своих сестер Ольге Ангерер в надежде, что сына устроят рисовальщиком на химографический завод, которым владеет ее муж. Но ответ сестры разрушает последнюю надежду: «Мой муж был поражен, насколько это неправильно, что сын причиняет своей матери такие волнения... Я не испытываю никакого сочувствия к такому негодяю. Мальчик должен учиться и вести себя прилично... Только люди, на которых можно положиться, способны что-то из себя сделать».

Возникла мысль отправить Шиле в Вену в Школу прикладного искусства. Опекун был против. Но его учителя, среди которых были и живописцы, высказали пожелание, чтобы мальчик получил творческое образование. Его работы были настолько впечатляющими, что Шиле рекомендовали поступить в Академию изящных искусств. И в 1906 году он поступает, сбывается его давняя мечта. На экзаменах его сопровождает дядя-опекун, оттуда он шлет жене телеграмму: «Эгон сдал превосходно».

Шиле вкладывает много энтузиазма в учебу и новые вызовы. Но очень скоро отношения с его учителями портятся. Они безнадежно реакционны и все еще глубоко отравлены стилем «рингштрассе». Учеба продлилась недолго – уже через три года Шиле покинул академию из-за того, что методы обучения были неестественными и ограничивали его творческую свободу (Knafo, 1991, p. 120).

В 1907 году он познакомился со своим наставником Густавом Климтом, констатировавшим, что в юноше «слишком много таланта». Эгон Шиле многому учится у Густава Климта и даже некоторое время копирует стилистику работы наставника.

В 1908 году в Клостернойбурге состоялась первая выставка работ Эгона Шиле. В 1909 году по приглашению Густава Климта Эгон Шиле входит в

Рисунок 3. Картина Шиле
«Женщина в нижнем белье
и чулках», 1913 г.

состав «Венских мастерских», тот дает ему натурщиков и натурщиц для рисования. Эгон Шиле занимается почтовыми открытками и создает проекты одежды. Затем в том же году благодаря своему наставнику он участвует в выставке в Художественной галерее Вены, где работы начинающего художника висят в одном ряду с Ван Гогом, Эдвардом Мунком и другими знаменитыми художниками того времени. На выставке юный художник знакомится с Артуром Ресслером, критиком искусств, который впоследствии становится яростным защитником его творчества.

В 1911 году на пути художника появилась девушка, повлиявшая на его дальнейший творческий путь – Валли Нойциль, бывшая муза Густава Климта. Именно рисунки с этой девушкой считаются искусствоведами лучшими работами Эгона Шиле (рис. 3). С ней он встречался довольно продолжительное время – до 1914 года, и все пророчили им совместное будущее.

Работы Шиле в довольно распушенной Вене казались слишком экспрессивными и порнографическими, то же говорилось и о жизни художника. Учась в академии, он встречался со многими девушками, что обосновывал тем, что изучал женскую натуру и женский пол. Начав встречаться с Валли, он возмутил традиционные слои общества – ведь они

Рисунок 4. Картина Шиле
«Смерть и дева», 1915 г.

жили в свободных отношениях, и из-за этого им даже пришлось сменить место жительства.

Примерно в 1911–1912 годах Шиле обратился к рисованию подростков. Тяжело переживший подростковый возраст, художник понимал важность данного периода жизни, ставшего при Фрейде основой для разговоров (раньше к подросткам относились как к взрослым, без выделения данного нежного возраста). Эгон Шиле видел в подростках заключенную красоту, попытки изучать себя и свое быстро растущее тело, попытки понять свою сексуальность. Портреты подростков были такими же эротичными и откровенными, как и портреты взрослых людей, дети видели другие откровенные рисунки художника. Из-за этого в 1912 году художник попал под суд и 20 дней просидел в тюрьме. Полицейские сожгли все обнаруженные рисунки художника, связанные с предположительной порнографической тематикой.

В 1914 году началась Первая мировая война, войну объявила Австро-Венгрия. Перед своей мобилизацией в 1915 году Шиле порвал со своей музой Валли. Вскоре после этого он женился на другой девушке, Эдит Хармс. Объятая горем Валли пошла на войну в Красный Крест и умерла при трагических обстоятельствах в 1917 году. В ее смерти Эгон Шиле винил себя и впоследствии картину про их любовь «Мужчина и девушка», созданную им в момент расставания с музой, он переименовал в «Смерть и дева» (рис. 4).

С 1912 по 1916 год картины художника активно выставлялись. Из-за проблем со здоровьем Эгон Шиле не был принят на войну, но работал в лагере военнопленных, где зарисовывал пленных, в том числе русских солдат.

Мечтающий о семейном счастье, художник так и не смог им насладиться. Разгорелась эпидемия испанки, и в 1918 году из-за болезни умерла беременная жена Эгона Шиле, а через несколько дней умер сам художник, незадолго до этого ставший лидером венского авангарда после смерти Густава Климта. В последние дни своей непродолжительной жизни художник написал картину «Семья», где изобразил умирающих себя, свою жену и своего неродившегося ребенка.

Детство, отрочество, юность – это и была вся жизнь Шиле на земле.

Восстанавливая события его ранней жизни, мы неизбежно сталкиваемся с двумя основными особенностями: неудачный опыт отзеркаливания с матерью, с одной стороны, и семейные смерти, включая его сестер и отца, с другой стороны. Эти обстоятельства имеют глубочайшее влияние на изображение Эгоном Шиле тела и его последующую самопрезентацию. Его многочисленные автопортреты, которые преподносят его в кастрированном, деформированном, изувеченном состоянии, стали центральными точками восстановительных усилий, направленных на объективизацию и вызревание проблем его идентичности (Knafo, 1991, p. 25).

Отношения с матерью повлияли на Шиле особенно. Они были сложные. Не агрессивно-сложные, а молчаливо-холодно-мертво-сложные.

Жак Лакан (1949) был первый, кто ввел понятие «стадия зеркала» для описания особого периода в развитии младенца и его Я (Lacan, 1979). Для Винникотта (1967) мать является изначальным зеркалом, и именно через взаимодействие с ней младенца происходит определение Я. Согласно Винникотту, младенец, глядя в глаза матери, проживает первое пробуждение идентичности. Винникотт подчеркивает особую роль матери «возвращать ребенку его собственное Я» в первых визуальных контактах (Winnicott, 1971; Ogden, 2024). Рене Шпитц (1965) рассматривает детское восприятие материнского лица как формирование психического организатора и двигателя объектных отношений. Он утверждает, что постоянный контакт глаза в глаза дает ребенку ощущение стабильности (Шпитц, 2019). Маргарет Малер (1967) называет «человеческое лицо в движении» первым значимым восприятием ребенка. Она определяет эту стадию как «зеркальную точку зрения», в которой ребенок изменяет свое поведение в зависимости от отдельных реакций матери на него или нее (Малер и др., 2018). Поэтому стадия отзеркаливания отвечает за первичный опыт идентификации ребенка – первоначально речь об идентификации с телом.

Если «отзеркаливание» было неэмпатичным, искаженным, негативным, отсутствующим или, как выразился Шпитц, если «диалог сошел с пути» между матерью и ребенком, то собственное существование ребенка становится отрицаемым и у него развивается беспокойство в примитивном ощущении себя. Обычно неудавшуюся стадию отзеркаливания связывают с тем, что мать сама находилась в состоянии стресса, депрессии.

Согласно Лакану, нарушения в стадии зеркала приводят к фрагментации ощущения собственного тела у ребенка, которое он называл *le corps morcelé* (рассеченное тело) (Knafo, 1991).

То, что Шиле прожил отсутствие эмпатии в стадии зеркала, проиллюстрировано множествами фактов.

(1) События детства (например, когда ему было семь лет, мать сожгла некоторые его рисунки, которыми он гордился и которые демонстрировал); (2) его высказывания (например, «я – вечный ребенок – пожертвовал собой для других... кто смотрел и не видел меня...» (*Whitford*, 1981, р. 95); «моя мать очень странная женщина... она не имеет ни малейшего понимания по отношению ко мне и, к сожалению, не особо много любви тоже» (*Roessler*, 1948, р. 21); (3) высказывания его матери, которые вскрывают самоощущение депрессивной мученицы, которая сама нуждается в родительской опеке (например, «я страдаю – я этого не заслужила! <...> из-за детей я вынуждена вести такую жалкую жизнь... мне нужен кто-то, кто будет уверенно заботиться обо мне...» (*Nebahay*, 1980, р. 133); (4) необычные отношения Шиле с зеркалами и, наконец, (5) его многочисленные портреты матери. Во многих портретах матери, которые Шиле писал, ее взгляд заметно обращен вниз или в сторону, всегда избегая контакта глазами; на многих изображен профиль – на большинстве она или мертвая, или слепа.

Таким образом, не получив поддерживающей, подпитывающей идентичность отзеркаливающей реакции от матери, Шиле изголодался по такого рода обратной связи. Через балансировку тематических, формальных и символических элементов в его искусстве Шиле был способен найти склейку для фрагментированного изображения. Как если бы он использовал свое искусство как инструмент для того, чтобы стать своим собственным зеркалом.

Искусство Шиле отражает ярко выраженное амбивалентное отношение к материнской фигуре. Он описывает себя рожденным у матери, которая мертва, слепа или повернулась к нему спиной. Его картины полны темами рождения, смерти, беременности и неудавшегося отзеркаливания, и кажется, что художник говорит, что ему пришлось заменить свою мать, став не только зеркалом самому себе, но и создателем самого себя.

«Убив» свою мать, Шиле отрицает свою потребность в ней и утверждает свою независимость. Убеждая себя в том, что он продолжит жить, даже если его мать умрет (возможно, это его самый большой страх), он отрицает всякую потребность в общении с ней. Тем не менее искусство Шиле обозначает и импульс, и защиту; поэтому неудивительно, что его портреты мертвой матери также включают в себя младенца – его самого – внутри чрева в предельном состоянии единства, то есть обнажают откровенную потребность в общении. Снова мы видим признак его художественного блеска в сочетании разрозненных, противоречивых и парадоксальных тем. Шиле занимается психологической проработкой бессознательного желания и сознательной боли. Мать не отвечает. Она мертва. Тем не менее она ему нужна.

Артур Ресслер, главный покровитель Шиле, помог обратить сложные отношения художника с матерью на пользу Шиле. 24 декабря 1910 года он предложил Шиле создать серию картин на тему материнства. Очень взволнованный этой идеей, Шиле провел канун Рождества в поезде, а затем написал «Мертвую мать» («Мертвая мать I», 1910 г.). Проведя всю ночь без сна, утром он бросился к Ресслеру, чтобы с гордостью показать

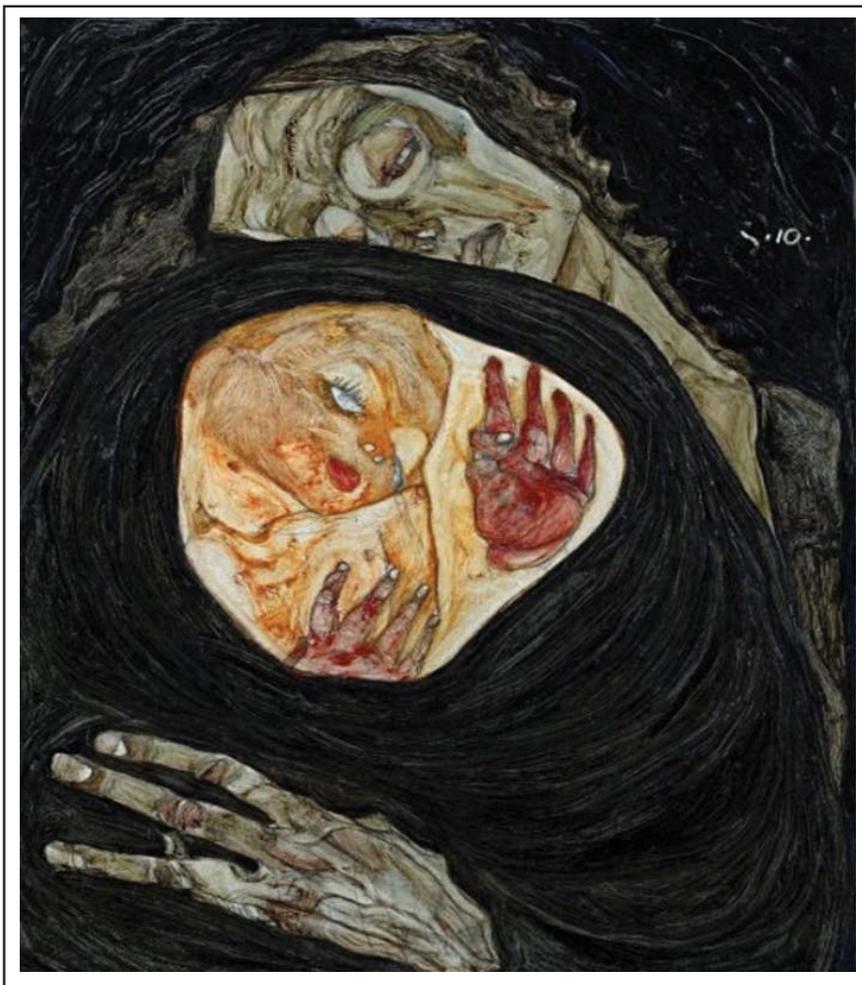

Рисунок 5. Картина Шиле
«Мертвая мать»
(«Мертвая мать I»), 1910 г.

ему еще не просохшую картину. Шиле отождествил свою мать с Марией, а себя с Христом, родившимся в день Рождества.

Картина «Мертвая мать» (рис. 5) демонстрирует беременную женщину – его мать, тело которой прозрачно и позволяет увидеть ее еще не рожденного ребенка. Несмотря на то что название включает слово «мертвая», мать и дитя показаны здесь в момент переживания симбиотического покоя.

В 1911 году, возвращаясь снова к этой теме, Шиле написал «Мертвую мать II», на этот раз добавив альтернативное название – «Рождение гения», раскрыв тем самым персональное значение этой картины для себя. Стало понятно, что вторая «Мертвая мать» Шиле – это продолжение первой. Материнская фигура на позднем полотне выглядит практически мертвой. Видны сильнейшие темные круги вокруг ее глаз, а ее пальцы стали безвозвратно твердыми. Ребенок, с другой стороны, пробудился к жизни. Террор выражен в его широком взоре и в его руках, которые рвутся к матке матери, чтобы освободиться.

Кажется, что Шиле осознал ту опасность, которая сопровождала его рождение, в период между работой над этими двумя полотнами. Внезапно он осознал, что его мать мертва – или достаточно мертва, и тот факт, что

Рисунок 6. Картина Шиле
«Рождение гения»
(«Мертвая мать II»), 1911 г.

он тоже мог умереть преждевременно, шокировал его и заставил переживать за свою жизнь, чего она не делала. В создании автопортретов на ранних стадиях своей жизни Шиле не только рассказывал зрителю, как ему приходилось сражаться за свою жизнь, он также говорил, что ему пришлось стать создателем самого себя. Он писал своей матери: «Я могу только себя благодарить за свое существование» (*Nebahay*, 1980, p. 266).

По мере того как Шиле приходил к восприятию его матери как физически мертвой, он начал изображать себя изувеченным и фрагментированным, соответствующим тому своему образу, который он, вероятно, видел в ее глазах. Становясь, в свою очередь, одержимым собственной персоной и идентифицируясь с ее смертностью, он компульсивно создавал трупные изображения себя в коматозном состоянии.

Кроме того, Шиле еще сильнее потерял внимание и интерес своей матери в начале своей эдипальной привязанности к ней, потому что она была поглощена горем из-за смерти его старшей сестры и пережила тяжелые роды его младшей сестры. Он испытал потерю жизненных сил и интереса со стороны матери (*Knafo*, 1991).

Она стала для него мертвой, внушив ему тоже своего рода смерть. В своей статье «Мертвая мать» Андре Грин (1980) писал о разрушительных последствиях материнской депрессии для ребенка. Он описывает тип матери, которая, оплакивая потерю одного ребенка, теряет интерес к другому, живому ребенку и оставляет неизгладимый шрам в детской психике. Мать воспринимается ребенком как психически мертвая, превратившаяся из источника жизненной силы в расплывчатую, бесцветную и практически неодушевленную фигуру (*Французская психоаналитическая школа*, 2005).

Портреты Шиле «Мертвая мать» многофункциональны в выражении и попытках исправить его психическое состояние: они убивают ее, разыгрывая таким образом месть; они изображают ее как своего рода оживший труп, ибо ее положение такое же, как у живых тел; они отображают внутреннее состояние умирающей жизненности Шиле, связывая мать непосредственно с его состоянием; и они указывают на решимость художника преодолеть свое чувство внутренней мертвенности (вторая картина показывает зародыша-Шиле, процарапывающего свой путь к свободе) (рис. 6).

У Шиле было сильное стремление к подтверждению и утверждению себя в детстве, потребность, которая, по-видимому, была слишком велика для его депрессивной матери. Очевидно, его мать была ошеломлена смертью четверых детей, а также ужасом и предательством, которые она, должно быть, испытала из-за сифилиса, которым заразилась от мужа. То, что смерть детей была связана с болезнью, которую муж передал ей через потомство, заставляет задуматься, как она не сошла с ума. Если она как метафорическая грудь высохла к тому времени, когда появился ее нуждающийся и требовательный сын, кто может ее винить? Тем не менее Шиле мало сочувствовал ей и был слишком увлечен собой, чтобы проявить милосердие к ее бедственному положению. Тем не менее Мария Шиле не была молчаливой страдальницей, и, несмотря на огромные трагедии в ее жизни, она, возможно, обладала мрачным чувством юмора; она часто посылала Эгону открытки с репродукциями матери Уистлера, чтобы напомнить ему о его сыновних обязанностях (Comini, 1973).

«На первом плане ее жизни», как описывает это Андре Грин, «стоят грусть и уменьшение интереса к ребенку... Самый тяжелый случай – это смерть другого ребенка в раннем возрасте. И тогда горе матери разрушает счастье живущего ребенка. Ничто ведь не предвещало, что любовь будет утрачена так враз». Подобная перемена является нарциссической травмой, она состоит в преждевременном и неожиданном разочаровании, в потере любви и смысла, – младенец не может найти какое бы ни было объяснение, которое бы пролило свет на то, что происходит. И в его голове между его влечением к объекту – матери, и тем, что происходит, ее безразличием, – устанавливается связь. Если при этом такой комплекс мертвой матери разворачивается тогда, когда ребенок открывает для себя третьего, – отца, это может привести к тому, что любовь к отцу будет, напротив, очень сильной, в надежде, что отец спасет от холодной матери. Подобная «триангуляция (отношения в эдиповом треугольнике) в этих случаях складывается преждевременно и неудачно» (*Французская психоаналитическая школа*, 2005, с. 339).

Если вернуть любовь матери не удастся, Я задействует серию других защит. Это «дезинвестиция материнского объекта и несознательная идентификация с мертвой матерью» (Там же). Происходит так называемая «аффективная дезинвестиция», то есть убийство объекта в своей психике, совершаемое без чувства ненависти и попыток отомстить. Мать просто выключается из жизни ребенка – в особенности из жизни эмоциональной, хотя этот процесс может сопровождаться и фактическим прекращением

или уменьшением контактов. И тогда «единственным средством восстановления близости с матерью становится идентификация (отождествление) с ней. Это позволяет ребенку заместить невозможное обладание объектом: он становится им самим. Идентификация заведомо бессознательна». И в дальнейших своих отношениях, которые будут построены с другими людьми, субъект будет подобные защиты повторять и будет «немедленно дезинвестировать любой объект, который может разочаровать. Это останется для него полностью бессознательным» (Там же).

Пожалуй, самое главное – ведь потерянные смыслы нужно искать, – что запускается преждевременное развитие фантазии и интеллекта. Ребенок, будучи зависимым от перемен настроения матери, теперь посвятит свои усилия угадыванию или предвосхищению.

Художественное творчество и интеллектуальное богатство становятся попытками совладать с травматической ситуацией. Эта сублимация оставляет человека уязвимым в любовной жизни. В этой области живет такая психическая боль, которая парализует субъекта. Всякая попытка влюбиться разрушает его. Отношения с другим человеком оборачиваются неизбежным разочарованием и возвращают к знакомому чувству неудачи и бессилия. Это переживается как неспособность поддерживать длительные объектные отношения, выдерживать постепенное нарастание глубокой личной вовлеченности, заботы о другом. Все это мы находим в историях отношений Шиле со своими возлюбленными.

Казалось бы, эффект «мертвой матери» мог привести к тому, что Шиле ополчился бы и на своего отца в попытке сделать его виноватым за то, что материнской любви Шиле не испытал. Однако, напротив, отцовская фигура для Шиле – предмет гордости. Он гордился происхождением отца, его делом, его характером. Он всячески идеализировал отца. И мы не знаем, как бы сложились их отношения – имели ли они шанс стать поддерживающими для Шиле, в противовес его сложным отношениям с матерью? Вмешалась смерть.

Поскольку детское раннее представление о себе создается из ментальных проявлений ключевых фигур в этом мире, потеря одной или нескольких из этих фигур часто проживается как фактически утрата тела. Потерять любимого человека, особенно на ранней стадии, в детстве, – это как потерять часть своего бытия в его проявлениях – ментальном и физическом.

Психоаналитики исследовали эффекты от утраты родителя и их влияние на депрессию и креативность. Мелани Кляйн (1929) рассматривала восстановительную работу депрессивных страданий ребенка как источник любого творческого креатива (Кляйн, 2001; 2010). Анзьё (1986) и Поллак (1975) ссылались на длинный список художников, писателей и ученых, которые осиротели в детстве или которых оставили родители (Dabrowski, Leopold, 1997). Поллак объясняет, как процесс горевания создает почву для создания себя: «через бессмертие, бесконечность художественного творчества процесс горевания может прийти к завершению» (Ibid, p. 15).

Оплакиваемый объект остается бессмертным в духовной жизни и перевоплощается в многообразных превращениях искусства.

Сифилис отца Шиле физически опустошил членов семьи, и вид постепенного умственного и физического ухудшения состояния его отца в последние три года его жизни преследовал Шиле на протяжении всей его короткой жизни. Чувство вины оставшегося в живых в связи со смертью его братьев и сестер создало дополнительные проблемы, в том числе страх собственной смерти и ощущение, что его жизнь была куплена за счет других. Что еще более важно, его тоска по отцу никогда не исчезала, и его жажда замены объекта приняла форму бесконечной череды суррогатов отца. Его неустанный поиск себя (и поиск отца в себе) проявляется в его искусстве, основными мотивами которого являются сексуальность, безумие и смерть (*Dabrowski, Leopold, 1997*).

Отношения с матерью и отцом оставили следы в душе Шиле, как и следы в его полотнах. Изучая его картины, особенно автопортреты, в разное время, и соотнося их с периодами жизни художника, можно понять стратегии выживания Шиле, выраженные в искусстве. Идеализация отца в равной степени была перемешана с демонизацией матери, которая стала хранилищем для всех его плохих чувств и проекций (*Ibid.*). Образ отца Шиле узнает позднее в своем учителе и вдохновителе – Густаве Климте.

Дружба с Климтом, с которым Шиле познакомился в 1907-м и благодаря которому он смог участвовать во второй международной выставке искусства *Kunstschau*, была одним из первичных стимулов в искусстве Шиле (*Ibid.*). Густав Климт был величайшим венским художником того времени и лидером так называемого движения «Сецессион», постулатами которого были решительный разрыв с классическим искусством и отрицание связей с преобладающими в Австрии консерватизмом и традициями. Климт стал олицетворением противоположности тому, за что выступала Академия изящных искусств, и Шиле, как и Климт до него, в конце концов отказался от учебы в ней. Считается, что Шиле разыскал Климта в его мастерской, чтобы узнать его мнение о его работах. Столкнувшись лицом к лицу с бородатым мастером, который характерно был одет в длинный кафтан и сандалии, Шиле вручил ему портфолио своих работ и просто спросил: «Есть ли у меня талант?» После осмотра содержимого Климт ответил: «Да, слишком много!» (*Comini, 1973, p. 21*).

В тот день между двумя мужчинами возникла глубокая дружба. Климт, который был на 28 лет старше Шиле, стал тем самым отцом Шиле, и действительно, Шиле решал с мэтром многие психологические конфликты, которые не мог разрешить напрямую со своим собственным отцом.

Модальность этих отношений менялась. Изменения можно увидеть в творчестве Шиле – как и предыдущие работы, картины Шиле очень красноречиво говорят о том, что у него было на душе и как он чувствовал этот мир.

Так, в «Двух мужчинах с нимбами» (1909) Шиле изобразил себя с Климтом – оба бородатые и одетые в длинные одежды (рис. 7). Но Климт ниже ростом, а его кафтан украшен круглыми каракулями, возможно, отсылающими к его фирменному декоративному стилю. Шиле, более

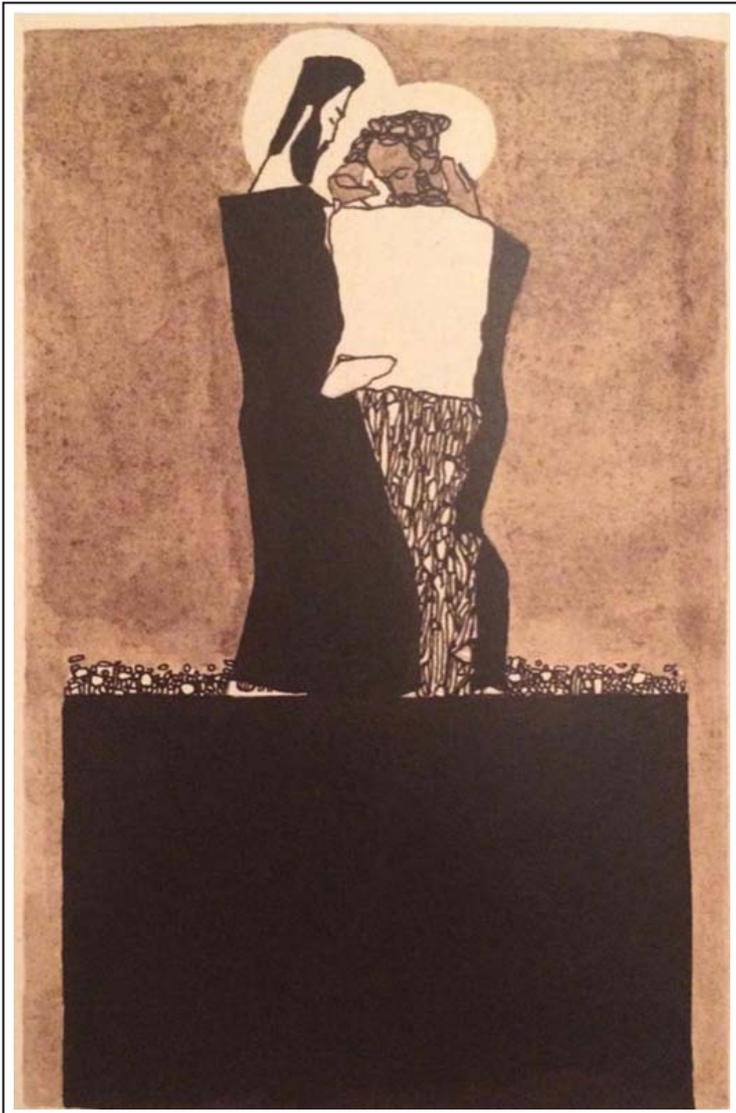

Рисунок 7. Картина Шиле «Двое мужчин с нимбами», 1909 г.

высокий из двоих, одет в длинную черную мантию, преподносит Климту большую белую простыню. Хотя здесь он воздает должное своему наставнику, изображая их первую встречу, Шиле также начинает утверждать свое господство над Климтом. Ореол в форме сердца, окружающий головы мужчин, не затмевает амбивалентную, эдипальную борьбу и соперничество, возникающие в их дружбе.

К концу этой фазы климтовские кривые сменяются острыми углами Шиле, а драматические позы подчеркиваются резкими очертаниями. Автопортреты «красавчиков» Шиле начинают уступать место нарочито нелестным, обнаженным и истощенным изображениям самого себя. На этом этапе своей жизни Шиле начинает определять себя как художника и обеспечивать себя через свое искусство идентичностью, в которой ему было отказано его воспитанием. Тот факт, что Климт подтвердил его та-

лант, позволил Шиле продолжить свой нелегкий путь создания самого себя (Knafo, 1991).

Творчество Климта в то время находилось в стадии высокой декоративности, что особенно заметно в его картине «Поцелуй» (1907–1908). Шиле, вдохновленный Климтом, подражал линии югендштиля (Jugendstil) в некоторых своих композициях, включая «Обнаженного мальчика, лежащего на узорчатом покрывале» 1908 года. Тем не менее, несмотря на связанный с Климтом орнамент драпировки и использование золотого фона, рисунок Шиле имеет совершенно иное визуальное воздействие, чем работа Климта. Эта разница в первую очередь связана с более угловатой трактовкой фигуры, а также прослеживается отчетливое разделение фигуры и фона, явно отсутствующее у Климта, соединяющего предмет и окружающее пространство в почти абстрактную композицию, в которой в восприятии зрителя чередуются плоскость и глубина (Dabrowski, Leopold, 1997).

Интерес Шиле к Климту был более сложным, чем просто желание впитать его художественный стиль, особенно в 1907–1909 годах. Для Шиле

Климт, который был на 28 лет старше его, представлял собой старшего мужчину, декана прогрессивного искусства и был квинтэссенцией успешного художника. Шиле также восхищался образом жизни Климта. На более личном и психологическом уровне Климт символизировал для него фигуру отца. Как утверждал Даниэль Кнафо, именно эти отношения имели решающее значение для становления уважения Шиле к самому себе и своему творчеству. Рано потеряв отца и не получив похвалы за свои творческие усилия ни от матери, которая всегда была отчуждена от своих детей, ни от своего дяди-опекуна, Шиле искал поддержки у человека, представлявшего собой фигуру авторитета как на человеческом, так и на художественном уровне. Он нашел эту фигуру в Климте, который рано распознал талант Шиле. Он покупал наброски Шиле, представлял ему моделей и покровителей и устраивал на временную работу в *Wiener Werkstatte*, когда Шиле испытывал финансовые затруднения. В ранний период, 1907–1909 годов, многие произведения Шиле были композиционно и стилистически смоделированы по образцу произведений Климта. Иногда использовался даже характерный для последнего удлиненный формат. Отличный пример влияния Климта можно увидеть в рисунке Шиле «Мужская фигура, обращенная вправо» (автопортрет) 1909 года, в котором Шиле адаптирует характерный для Климта длинный кафтан – монашеское одеяние или пророческое платье. Это влияние дополнительно проиллюстрировано в «Двух мужчинах с нимбами» Шиле, также 1909 года, и в подготовительных рисунках к нему. Композиционная организация этого произведения явно напоминает «Поцелуй» Климта. Хотя определенный декоративный элемент и присутствует, очертания фигур Шиле гораздо более угловаты, а сама композиция более стилизована под Климта. Шиле по сути никогда так полно не использовал извилистую линию югендштиля или обилие декоративных деталей, растворяющих фигуру в портретах Климта или аллегорических композициях, таких как Бетховенский фриз или Университетские панели юриспруденции, философии и медицины (*Dabrowski, Leopold, 1997*).

1909 год был последним, когда Шиле все еще находился под чарами Климта. К 1910 году он начал создавать свою собственную экспрессионистскую идиому. Его дядя Чихачек, недовольный успехами молодого человека, его трудным характером и нетрадиционным образом жизни, решил прекратить его финансовую поддержку. Шиле чувствует себя жертвой жизни и обстоятельств.

1910–1911 годы знаменуют собой развитие уникального художественного языка Шиле. Он решил покинуть дом своей семьи, чтобы жить один, решил покинуть и академию. Вне рамок своей семьи, академии или климтовского стиля он впервые оказался сам по себе как в личном, так и в творческом плане. Портретный стиль Климта, который приукрашивает, превозносит и маскирует натурщика, уступил место новаторскому и непростому исследованию и демонстрации обнаженного Я Шиле. В своей борьбе за установление собственной идентичности он пережил глубокий кризис, отразившийся в ряде тревожных автопортретов, созданных им

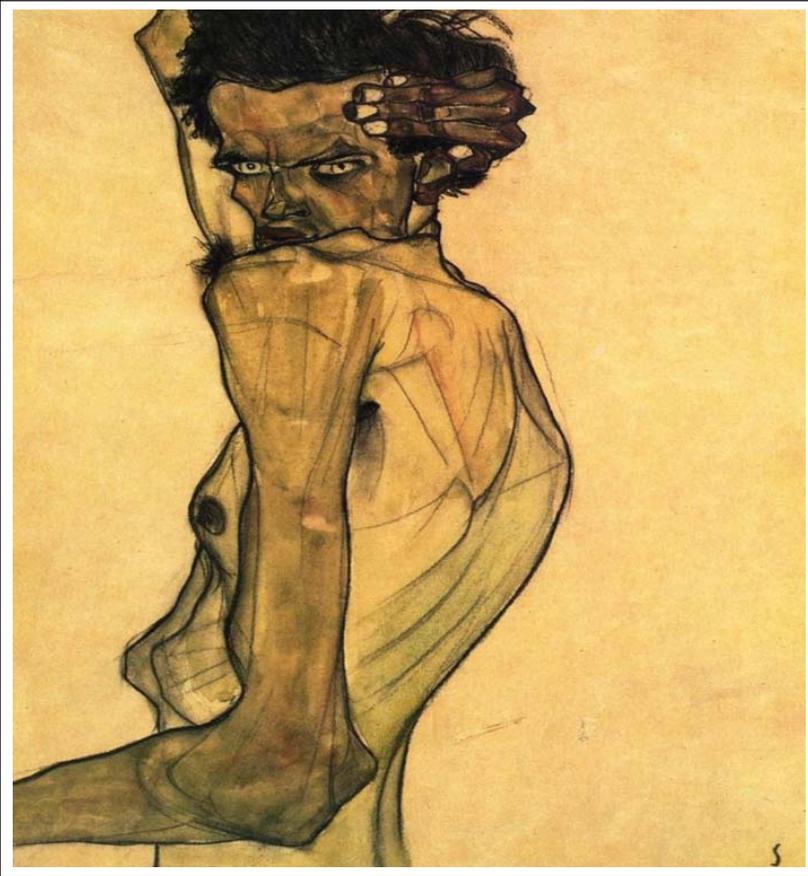

Рисунок 8. Автопортрет
Шиле, 1910 г.

Рисунок 9. Шиле
«Автопортрет с черной
вазой и растопыренными
пальцами», 1911 г.

в этот период. Когда его спросили, почему он рисовал такие уродливые изображения самого себя, он ответил:

«Конечно, я создал "ужасные" картины; я не отрицаю этого. Но верите ли, что мне нравится это делать, чтобы уподобляться "ужасу буржуазии". Нет! Такого никогда не было. Но у тоски тоже есть свои призраки.

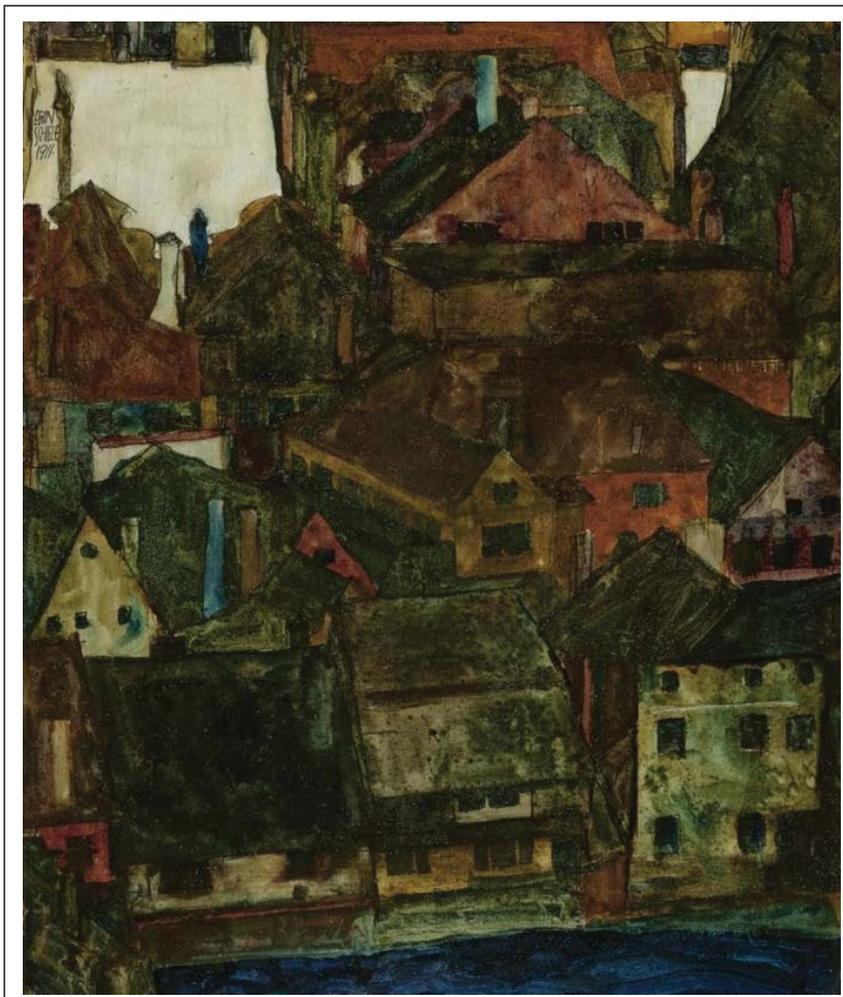

Рисунок 10. Картина Шиле
«Мертвый город», 1911 г.

Я рисовал таких призраков отнюдь не для удовольствия. Это было моим обязательством» (Comini, 1973, p. 51) (рис. 8, 9).

Шиле уехал из Вены в мае 1911 года, чтобы жить в Крумау, родном городе его матери в Богемии; его сопровождала его модель/любовница Валли Нойциль – женщина, представленная ему Климентом. Автопортреты того времени включают сцены из Крумау, места, которое он назвал «Мертвым городом» (как бы в ассоциации с «Мертвой матерью»). В то время как Шиле любил Крумау, жители города активно не одобряли его образ жизни – жизнь в грехе с любовницей и непосещение церкви – и вынуждали его и Валли уехать. Разочарованный вынужденным изгнанием из Крумау, Шиле стал подозрительнее относиться к другим. Крумау, город его матери, отверг его так же, как и она (рис. 10).

На этом очередном этапе своей творческой карьеры Шиле определил себя как художник. Вопросы слияния и сепарации стали решающими, приняли пропорции жизни и смерти и были выдвинуты на первый план в его двойных портретах с матерью и отцом в его искусстве этого времени. Помимо огромного вклада в искусство, эти работы предоставили Шиле средства для начала преодоления его страданий и конфликтов.

Покинув Крумау, Шиле не хотел возвращаться в Вену, не доверял там своим коллегам. «Все сговорилось против меня. Бывшие коллеги смотрят

Рисунок 11. Картина Шиле
«Отшельники», 1912 г.

на меня недоброжелательно», – писал он своему другу Антону Пешке (*Whitford*, 1981, р. 69). Вместо этого он решил поселиться в Нойленгбахе, небольшой деревушке примерно в 20 милях от Вены. Валли сопровождала его, и они сняли садовую виллу с прекрасным видом. Его новая жизненная ситуация была идиллической, и Шиле начал чувствовать себя умиротворенно и создавать то, что он считал одними из самых важных своих работ. На очередном этапе своей творческой карьеры, который длился с 1912 по 1914 год, Шиле снова занялся своими отношениями с отцом. Идеализация и слияние приведут к наказанию и очищению.

Безусловно, отношения с отцом проигрывались и в отношениях с Климтом. Продолжали проигрываться.

Шиле стал изображать себя то монахом, то отшельником. Например, в двойном портрете «Отшельники» (1912) Шиле изображен с Климтом в аскетических одеждах. Фигура Шиле в терновом венце, подобно Христу, смотрит прямо перед собой и ведет вперед, поддерживая безрукую и слепую фигуру Климта, которая беспомощно плетется за ним. То, что Климт заменяет собственного отца Шиле, проиллюстрировано в письме, которое он написал своему покровителю с описанием этой картины:

«Это картина, которую я не мог бы нарисовать за одну ночь. В ней отражены переживания нескольких лет, начиная со смерти моего отца; я нарисовал видение... Это... мир в трауре... неопределенность фигур, рухнувших внутрь, тела людей, уставших от жизни, самоубийц, но людей чувствующих. Посмотрите на две фигуры так, как будто они представляют

собой облако пыли... которое стремится расти, но не может ничего сделать, кроме как бессильно рухнуть» (*Leopold*, 1972, p. 511) (рис. 11).

Высказывания Шиле, крик его души, помогают нам понять значение этой картины для него: оплакивание смерти отца через процесс идентификации и слияния с ним. Шиле начал, возможно, впервые в своей жизни, принимать не только смерть своего отца, но и ограничения и слабости своего отца как человека. Он писал: «Если бы вы знали что-нибудь о том, как я вижу мир и как люди вели себя по отношению ко мне до сих пор – как предательски, я имею в виду; поэтому я должен уйти [в свой мир] и писать такие картины, которые имеют ценность только для меня» (*Ibid.*). Он трижды подписал «Отшельников» – как бы для того, чтобы противостоять эффекту слияния и убедиться в своем существовании в качестве живого и отдельного существа (Шиле подписал еще одну картину в трех экземплярах, «Беременная женщина со смертью» (1911), на которой он – фигура смерти, а его мать – беременная женщина, которую мучают мертвые младенцы.)

Аллегорические изображения самого себя Шиле в этот период характеризуются уменьшением его непосредственной озабоченности собой, как и большое количество написанных им пейзажей и городских пейзажей. Однако эти последние работы можно дополнительно понимать как отражение его образа самого себя, поскольку его тонкие осенние деревья связаны с опорами и обнаруживают ту же хрупкость и изоляцию, что и его человеческие фигуры; его городские пейзажи, пусть и красочные, представляют собой бесплодные виды безлюдных городов. Эротические рисунки Шиле, которые составляли его основной источник дохода, также получили широкое распространение в это время, возможно, из-за постоянного, сексуально вдохновляющего присутствия Валли, которая сама стала героем некоторых из самых откровенно сексуальных рисунков Шиле. Однако дополнительной причиной обилия этих рисунков является присутствие множества местных подростков, которых привлекал уединенный дом Шиле и которых он приглашал позировать ему – иногда в обнаженном виде и в весьма нескромных позах. Примеры таких мы можем наблюдать на рисунке 12 – «Темнокожая девушка с задранной юбкой», 1910 г.; рисунке 13 – «Обнаженная на коленях», 1911 г.; рисунках 14, 15 – «Мужское туловище» (1-я и 2-я части), 1910 г.; и рисунке 16 – «Больная сидящая девочка», 1910 г.

Вена времен Шиле была отмечена обилием сексуальных табу, направленных на поощрение чистоты мыслей и поступков. В автобиографической книге того периода «Вчерашний мир» (1943–1963) Стефан Цвейг описывает проституцию как широко распространенную и «представляющую собой темный подземный свод, над которым возвышается великолепная структура общества среднего класса со всеми его безупречными качествами – лучезарный фасад» (*Цвейг*, 1991, с. 91–110). Действительно, свирепствовали венерические заболевания, и многие, в том числе и отец Шиле, становились его жертвами. Неудивительно, что многие женщины были склонны к истерии, вызванной подавленной сексуальностью, в обществе, которое пыталось скрыть секс во всех его проявлениях. В то же

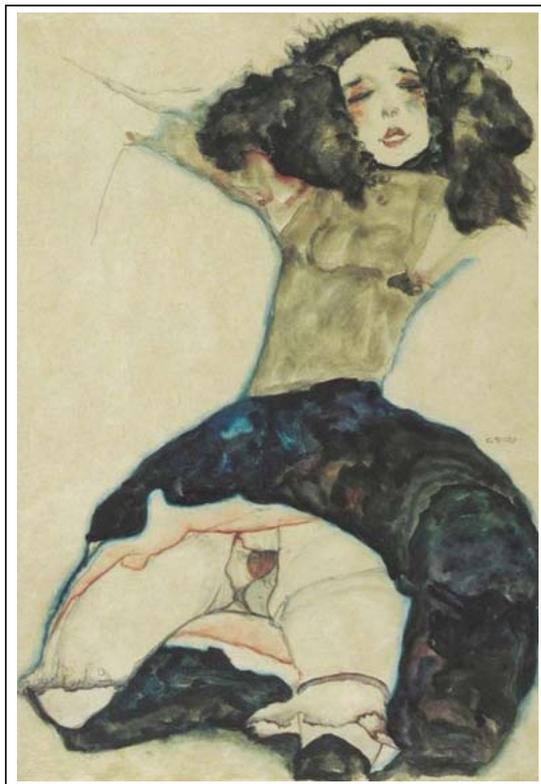

Рисунок 12. Картина Шиле
«Темнокожая девушка
с задранной юбкой», 1910 г.

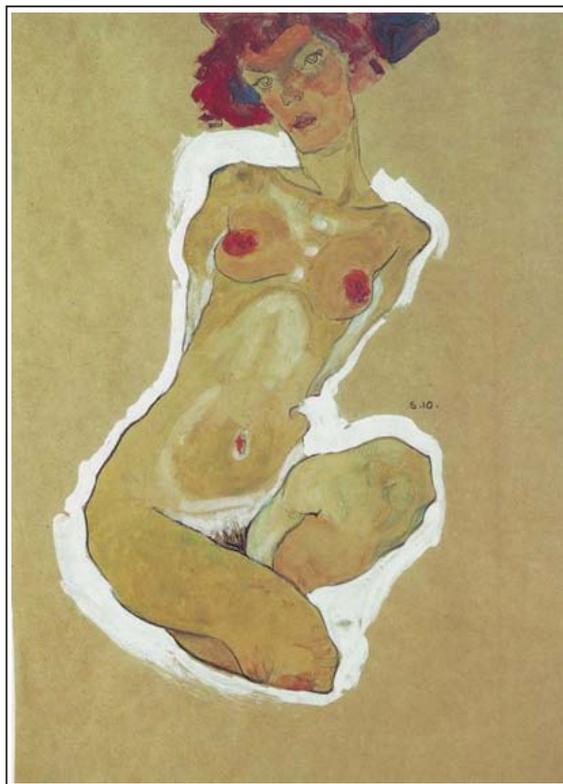

Рисунок 13. Картина Шиле
«Обнаженная на коленях», 1911 г.

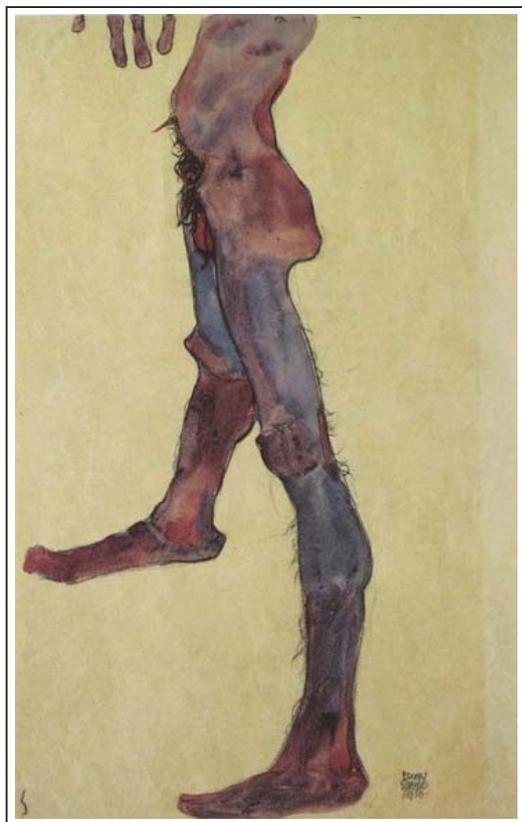

Рисунок 14. Картина Шиле
«Мужское туловище (часть первая)»,
1910 г.

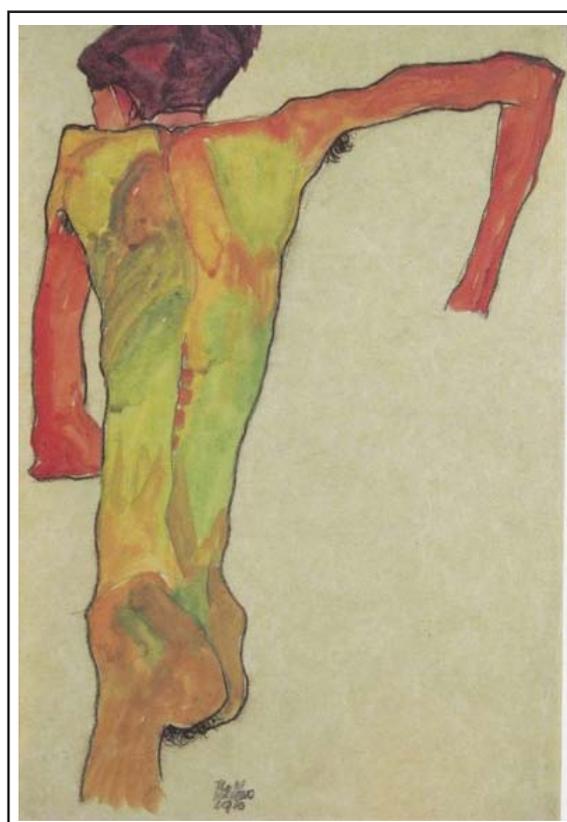

Рисунок 15. Картина Шиле
«Мужское туловище (часть вторая)»,
1910 г.

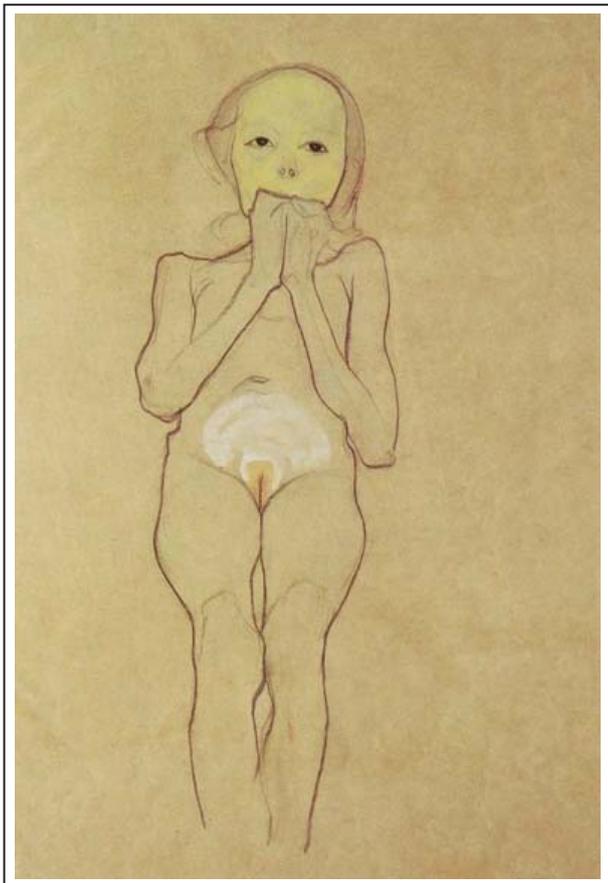

Рисунок 16. Картина Шиле
«Больная сидящая девочка», 1910 г.

время родилась сексология, научное исследование человеческой сексуальности, и она ушла в «подполье» с такими писателями, как Рихард фон Крафт-Эббинг, опубликовавший новаторский трактат о сексуальных расстройствах (Krafft-Ebing, 2017; Крафт-Эббинг, 2023). Фрейд также определил секс как руководящую энергию и основную детерминанту человеческого поведения и разработал свою теорию психосексуальности, которая утверждает, что сексуальность начинается с рождения (Фрейд, 2018, 2021). В этом контексте искусство Шиле дает интересный доступ к сексуальной жизни Вены конца века, потому что он был среди тех, кто пытался разоблачить сексуальность, даже в ее детских формах. Последствия были тяжелыми.

Шиле был арестован 13 апреля 1912 года и ненадолго (24 дня) заключен в тюрьму по обвинению в «безнравственности» и «соблазнении несовершеннолетнего». Он был назван «венским порнографом». Более ста его

рисунков были конфискованы. Хотя последнее обвинение было снято, суд признал его виновным в аморальном развращении детей, потому что он показывал им свои эротические рисунки. Из 13 акварелей, написанных им во время заключения, четыре были автопортретами – единственные, которые он, как известно, написал без использования зеркала.

В одном из таких автопортретов «Ради своего искусства и моих близких я с радостью претерплю до конца!» (1912) изображение изолированной фигуры Шиле, привязанной в смиренной рубашке, предполагает изысканно замученное состояние бытия (рис. 17). Стесненный и заключенный в своем замкнутом мире, Шиле парит в подвешенном состоянии и смотрит на нас непоколебимым взглядом с открытыми глазами, который отчаянно умоляет нас войти в его пространство. Действительно, эта картина напоминает его портрет «Мертвая мать» («Рождение гения»). На обеих картинах Шиле выглядит как новорожденный ребенок, который продирается сквозь окружающую его амниотическую жидкость, а его сдавленные крики теряются в пустоте. В своем уединенном мире, в смертельной утробе матери, в своей одиночной камере и, наконец, на своем холсте Шиле формулирует отчужденный образ себя и свою яростную борьбу за выживание (Dabrowski, Leopold, 1997).

Публичное осуждение творчества Шиле (и его самого) с прямым повторением болезненного детского опыта (во время судебного заседания

Рисунок 17. Автопортрет Шиле «Ради своего искусства и моих близких я с радостью претерплю до конца!», 25 апреля 1912 г.

судья сжег один из его рисунков, как это сделала его мать в молодости) оказалось для него унижительным и стрессовым и только усилило его параноидальное отношение к обществу.

Шиле превратил свой травмирующий тюремный опыт в страдание, подобное страданию Христа, в последней записи тюремного дневника: «Тот, кто не страдал так, как я, – как ему отныне будет стыдно передо мной!» (Comini, 1973, р. 105). Таким образом, он для себя самого вошел в ряды религиозных мучеников, а аскетичные и масштабные изображения себя монахом, отшельником и святым умножились. В «Автопортрете в образе святого Себастьяна» (1914) фигура пронизана стрелами, подразумевая новое чувство уязвимости Шиле перед внешними силами.

Вызов обществу – это и была форма взаимодействия Шиле с социумом. После событий, описанных выше, его прозвали «венским порнографом».

А что же из себя представляла Вена того времени и венский экспрессионизм?

Если говорить в целом о событиях в мире, в 1890–1920-х годах происходила индустриализация общества, создавалось машинное производство, и люди начинали работать на больших механизированных заводах. В цене был однообразный труд, а не креативная натура и личностная ценность. Человеческий труд обесценивался, что приводило к социальным недовольствам (Берестовская, 2011).

Тогда же происходило активное деление мира на части. Были созданы Тройственный союз и противостоящий ему союз Антанта, проходили войны за территорию Османской империи, деление на части Боснии и Герцеговины, впоследствии же, под конец жизни Шиле, была Первая мировая война, потрясшая миллионы умов и унесшая сотни тысяч людей. После Первой мировой войны на человечество напало новое бедствие – испанка, унесшая много жизней. Среди них были и сам художник, и его семья.

В 1890-х годах в Австро-Венгрии, стране, к которой принадлежал Эгон Шиле, было несколько существенных проблем, влияющих на социальное недовольство граждан и на настроения в обществе. Во-первых, очень серьезное значение имел национальный вопрос.

Австро-Венгрия в те времена была совокупностью ряда стран – Богемии (Чехии), Польши, Хорватии, Далмации и др. Малые нации боролись за свое равенство и независимость, за возможность говорить на своем языке,

а не только на германском, за возможность голосовать и другие преимущества, существовавшие у австро-венгров. Австро-Венгрия же, напротив, не шла на уступки своим гражданам. Национальные проблемы пересекались с социальными и в свою очередь еще больше обостряли их. В стране происходил экономический кризис – на одну ступень с мировыми державами по своему экономическому состоянию встать не удалось, шел активный приток денег со стороны Великобритании и других стран, что мешало развитию самого государства.

Все это повлияло на художников того времени и на Вену, центр культурной жизни Австро-Венгрии. В конце XIX – начале XX века большего расцвета достигли науки, среди них была философия Маха, Витгенштейна, психоанализ Зигмунда Фрейда, сделавший истерию довольно популярным явлением в Вене начала XX века. Это все в свою очередь влияло на настроение художников того времени и создание новых течений в живописи.

Диалог между искусством и наукой того времени, происходивший в Вене, Эрик Ричард Кандель описывает в трех этапах. Первый – обмен идеями о бессознательном между художниками и представителями венской медицинской школы. На втором этапе происходит взаимовлияние искусства и когнитивной психологии искусства, возникшей в 30-х годах XX века в рамках Венской школы искусствознания. Третий этап, начавшийся несколькими десятилетиями позже, отличается взаимодействием когнитивной психологии и биологии, заложившим основы нейроэстетики эмоций – науки о сенсорном, эмоциональном и эмпатическом восприятии произведений искусства. Исследования в области нейробиологических основ восприятия искусства уже позволили получить представления о процессах в мозге зрителя, рассматривающего художественное произведение (Кандель, 2016).

К 1897 году, когда Эгону Шиле было семь лет, в Вене была создана так называемая группа «Венский сецессион», выставочное и творческое объединение молодых австрийских художников. В годы изоляции Фрейда в медицинском сообществе, последовавшие за выходом «Исследований истерии» (1895) и «Толкования сновидений» (1899), Густав Климт, будущий наставник Эгона Шиле, начал исследовать область сексуального как художник. Получив традиционное образование и сделав себе имя в качестве художника буржуазной культуры, в 1897 году Климт вместе с единомышленниками основал Сецессион. Среди участников были и Альфред Роллер, Коломан Мозер, Йозеф Хоффман и другие.

Художники, входившие в группу, выступали против академического искусства. Поводом создания группы стал отказ взять работы Густава Климта на академическую выставку в Венский дом художников. В знак протеста художники нашли свое собственное здание для выставок – большую коробку в стиле модерн – и назвали это здание Сецессион. В нем проходило множество выставок.

Благодаря этому зданию и этой группе граждане сумели познакомиться с творчеством импрессионистов. Вплоть до 1900 года художники представляли свои работы в основном в стиле ар-нуво, но затем они стали

более революционными. В 1905 году группа прекратила свое существование, но за время своей работы она сумела повлиять на умы новых молодых поколений и изменить художественное направление изобразительного искусства. Возникли импрессионизм и постимпрессионизм, впоследствии сменившиеся экспрессионизмом.

В год раскола Венского сецессиона в Германии образовалась группа «Мост», бунтующая против существования поверхностного импрессионизма и продвигающая новое течение в живописи – экспрессионизм. Экспрессионизм был ответом на все уродское, банальное и противоречивое, что было в современном мире.

Экспрессионизм был основан на дисгармонии – на сочетании жестких ярких контрастных цветов, угловатых искореженных линий, быстрых и грубых мазков, кричащего колорита. Он должен был передавать субъективные ощущения художника по поводу происходящего вокруг, обладать эмоциональной окраской.

Экспрессионизм постепенно распространился на разные виды искусства, а затем и на разные страны, в том числе и на Австро-Венгрию. В момент творческого становления Эгона Шиле экспрессионизм зародился и в Вене, но даже для этого стиля творчество художника оказалось слишком эксцентричным.

Вне всякого сомнения, социально-политические настроения имели свое влияние на творчество Шиле, как и течения экспрессионизма, ведь творчество художника – продукт этой характерной эпохи. Мятеж, эпатаж – все это есть в его картинах и есть в нем. Но с другой стороны, творчество Шиле не вписывается ни в какие рамки и каноны, не соответствует в полной мере ни одному стилю в искусстве. И мы уже понимаем, что объяснение тому имеет психоаналитический характер. Фрагменты себя, которые Шиле находит в других; зеркало, которое он ищет, чтобы не помнить о холодности материнских глаз, направленных на него и как бы сквозь него; идеализация отца и суррогат его в лице Климта; смена объектов любви как поиск, заранее обреченный поиск, той самой материнской любви и объятий.

Позднее Шиле отходит от одинокого обнаженного автопортрета и начинает изображать себя одетым и в присутствии другой фигуры – то Валли (в роли матери), то Климта (в роли отца). Одеваясь в монашеские одежды, он вызывающе раздевает общество. Шиле был полон решимости излить свое разочарование и раскрыть лицемерие общества, и теперь он обнажает его сексуальность. В своей картине «Кардинал и монахиня» (1912), являющейся вариацией на известную картину Климта «Поцелуй» (1907–1908), Шиле изображает кардинала (самого себя) и монахиню (Валли), свитых сексуальными объятиями. Текучая чувственность пары Климта сменяется деревянной, кукольной внешностью фигур Шиле. И кардинал, и монахиня выражают вину, украдкой поглядывая в сторону, как будто обнаруживая, что кто-то собирается поймать их при озорной встрече. Хотя на картине нет наготы (за исключением ног фигур), сексуальность подразумевается как в шее Шиле, напоминающей стержень эрегированного

Рисунок 18. Картина Шиле
«Кардинал и монахиня», 1912 г.

полового члена, так и в использовании им огненно-красного оттенка для обозначения сильной страсти (рис. 18).

Помимо ощущения себя жертвой Шиле, по-видимому, бессознательно приравнивал свое тюремное заключение к наказанию за свои сексуальные чувства (неизвестно, был ли он действительно виновен в сексуальных домогательствах) – скорее всего, это его ранние кровосмесительные чувства. В результате он упоминает о своем страхе быть кастрированным несколько раз в дневнике, который он вел в тюрьме: «Ну, меня уж точно кастрировать не собираются, да и с искусством не могут... Кастрация, лицемерие! <...> Тот, кто отрицает секс, является грязным человеком, который самым низким образом порочит своих собственных родителей, породивших его» (Comini, 1973, p. 62).

До этого момента потребность Шиле в наказании за свои сексуальные чувства прослеживается через его кастрированный пенис или ампутированные конечности, которые мы можем увидеть на его автопортретах. Теперь нахождение объективного внешнего наказания, которое он приравнивал к кастрации, не только причиняло ему боль, но и выполняло функцию, которую прежде выполняло его искусство. Таким образом Шиле в какой-то степени приветствовал свое наказание за то, что оно помогло снять с него вину. Поэтому нет никакого сарказма в его восклицании в своем дневнике и в названии рисунка, написанного в тюрьме: «Я чувствую себя не наказанным, а очищенным!» (Comini, 1973, p. 45) (рис. 19).

На этом третьем этапе своей карьеры Шиле созрел как художник и начал примиряться со своим чувством неудачи и разочарования. Его работа, проект самоисследования и самовыражения, отражает его

Рисунок 19. Тюрьма.
«Я чувствую себя не наказанным, а очищенным».
 20 апреля 1912 г.

развивающуюся зрелость и предполагает его прогресс в создании уникального и самобытного Я.

В биографии Эгона Шиле символично многое: например, то, что жизнь Шиле на земле оказалась очень короткой, и тем более отчаянными выглядят все сообщения, которые живописец через свой художественный стиль и оригинальную подачу передает нам в своих картинах. Символично и то, что он творил, будучи современником Фрейда, когда все идеи о бессознательном и его роли в жизни и искусстве были на острие научного интереса, и это тоже мы можем увидеть в картинах Шиле.

Он успел сказать многое, и оттенки этого сказанного будет изучать еще не одно поколение нас, зрителей, и психоаналитически ориентированных специалистов, как своего рода причину и следствие.

Изучение биографического материала Эгона Шиле позволяет нам экстраполировать выводы на любое творчество в целом и говорить как минимум о следующем:

1. Через искусство проигрывается травма художника, через искусство мы можем наблюдать, как эта травма трансформируется во времени.

2. Через процесс восприятия искусства со стороны зрителя можно открыть то, что визуально скрыто на полотне, – через собственные ощущения от картины мы можем понять, что чувствовал художник.

Рисунок 20. Автопортрет
Шиле «Обнаженный», 1918 г.

3. Автопортрет – особый жанр живописи – попытка формирования частей Я, которые претерпевали дефицит или были разрушены на раннем этапе формирования личности художника. Через автопортрет художник как бы заново создает себя (один из последних автопортретов – на рис. 20).

Творчество Шиле изобилует изображениями андрогинных, мастурбирующих Лолит, исхудавших деревьев, необитаемых городов и людей в причудливых позах. Еще более показательны его конвульсивные, вращающиеся, ампутированные, кастрированные, обнаженные автопортреты. Работу Шиле можно легко понять как содержащую утверждение о культуре, в которой он жил. Он отражал ощущение фрагментарности и обреченности Вены конца века и разоблачал лицемерие ее поверхностных ценностей. Карл Краус, яростный венский полемист, описывал Вену конца века как «изолятор, в котором можно кричать» (Knafo, 1991, p. 466). Многочисленные портреты Шиле изображают его и других в среде, похожей на изолятор Крауса, и его картины были во многом симптомом его социальной реальности. Будучи одним из первых, кто культивировал искусство, сосредоточенное на себе, Шиле, как и его современник Зигмунд Фрейд, раскрыл лицо современного человека. Точно так же как ряд крупных открытий Фрейда вырос из его самоанализа, так и искусство Шиле стало средством самовыражения и самоисследования. Через свои исповедальные автопортреты Шиле изложил свою жизнь на холсте и приступил к анализу столь же глубокому и безжалостному, как анализ самого себя Фрейдом. Индивидуальное, субъективное и психологическое стали фокусом работы Шиле, а также средством, с помощью которого он достиг этого фокуса. Его убедительные исследования своих собственных психических глубин, прежде всего посредством повторяющихся, безжалостных столкновений со своей идентичностью, сексуальностью и смертностью, соответствовали растущим интересам психоанализа того времени (Knafo, 1991, p. 456).

Тем не менее, если внимательно проанализировать искусство Шиле, уделяя особое внимание его автопортретам, то легко распознать его тесную связь с его жизненным опытом, а также с историческим периодом, к которому он принадлежал. Два набора событий имели решающее значение для жизни и искусства Шиле. Неудачный опыт отражения с матерью на формирующих стадиях его саморазвития привел к мучительному чувству фрагментации и дезинтеграции и последующей одержимости собственным образом. Он написал больше автопортретов, чем Рембрандт и Ван Гог. Кроме того, его задумчивая озабоченность сексом, смертью и мужественностью была сформирована сексуальным происхождением болезни, ответственной за смерть семьи, в том числе его четырех братьев и сестер и, что наиболее важно, его сифилитического отца, который умер парализованным и безумным.

В результате этих неблагоприятных детских переживаний Шиле на протяжении всей своей жизни боролся за то, чтобы найти своих потерянных родителей в себе и свое потерянное Я в своем искусстве. Искусство заменило отсутствующие и необходимые объекты, а его постоянное занятие автопортретом конструктивно пыталось восполнить потери себя. В поисках он претерпел регрессию, которая в конечном итоге способствовала реинтеграции путем деконструкции образа себя, чтобы реконструировать его заново.

Шиле использовал свое искусство как корректирующий эмоциональный опыт, так он восстанавливал изношенную психику.

Эгон Шиле использовал автопортрет не только для самовыражения, но и для создания самого себя. Если анализировать в хронологическом порядке, автопортреты Шиле демонстрируют появление развивающегося Я. В отличие от многих художников, таких как Александр Поуп, Тулуз-Лотрек или Фрида Кало, которые, как известно, творчески справлялись с физическими недостатками, у Шиле не было таких проблем. Вместо этого его образ себя возник из ошибочного и незрелого чувства самого себя. Его искусство, и особенно те автопортреты, на которых он изображал отвратительную карикатуру на самого себя, выполняли множество функций, наиболее очевидной из которых было освобождение от бремени сильных эмоций и последующий катарсис. Снова и снова Шиле показывал себя в роли как жертвы, так и палача, совершая безжалостные самонападения. Изуродованная фигура, которую мы видим на его ранних автопортретах, является конечным продуктом этих ядовитых нападков на себя и его внутренние объекты. Хотя он был сильно привязан к образу, который у него был о себе сформирован как о «священном чудовище», одновременно он изо всех сил пытался очиститься от него, разрушить его, чтобы этот образ не мог уничтожить его (*Knafo, 2009*).

Автопортреты Шиле раскрывают его трансформацию из одинокого подростка, измученного своей сексуальностью и болезненными страхами телесных повреждений и психического распада, в человека с более целостной структурой характера. Следовательно, мы можем сказать, что,

хотя его карьера была жестоко прервана его преждевременной смертью в возрасте 28 лет, творчество Шиле обладает чувством законченности и решимости.

Когда мы понимаем основные мотивы искусства Шиле, мы можем лучше оценить не только значение, которое его искусство имело для него, но и причину, по которой мы до сих пор очарованы им. Поначалу может показаться удивительным, что личная борьба художника может иметь такое широкое распространение. Тем не менее мы обнаруживаем, что проблемы Шиле – это просто взгляд через увеличительное стекло на те проблемы, которые присущи большинству из нас. Каждому из нас?

Нас, зрителей, отталкивает эмоциональный хаос, выраженный в его творчестве, и в то же время привлекает высвобождение сильных чувств. Образы в его автопортретах завораживают нас, и мы не можем отвести от них взгляда; его пронизательные глаза преследуют нас и приглашают посмотреть на его жестикулирующее, изуродованное тело, обнять его горящую сырую плоть. Убежать невозможно, ибо чувства, которые он выражает, мы не только ощущаем через контрперенос, но они существуют и внутри нас.

Своим искусством Шиле удалось повторить диаду мать – младенец с ее взаимным пристальным взглядом. Создавая своего двойника в автопортретах, он не только становился собственным зрителем – он стал своим собственным зеркалом. По крайней мере, в своем искусстве Шиле достиг состояния прощения и примирения со своей матерью, потому что он гарантировал не только то, что его образ будет жить, но и то, что он всегда будет отражаться в зеркале. Таким образом, зрители, столкнувшиеся лицом к лицу с нарисованной Шиле фигурой, взяли на себя роль художника, непрерывно отражая его образ. Именно таким образом Шиле создал блестящее искусство, лучшую мать и глубоко вовлеченную аудиторию. Создавая Я и вызывая реакции на него, Шиле воссоздавал опыт рождения. И рождение – на этот раз на его собственных условиях – было его последним творческим актом.

Мы как зрители наблюдаем трансформацию и собственного восприятия картин Шиле разных периодов. По-особенному мы воспринимаем автопортреты Шиле – они как будто кричат: «Я сам себя родил, сам себя сделал, я пришел, чтобы жить!» Шиле как бы заново воссоздал себя через автопортреты, дефрагментировал все, что было разбросано по кускам внутри его личности. И кто знает, что еще мы могли бы увидеть в его творчестве и как бы на нем самом отразился опыт быть отцом своих детей, – увы, этому не суждено было сбыться. И есть что-то фатально неотвратимое в истории его жизни и истории его смерти. И если можно одновременно почувствовать жизнь и смерть, это именно то, что мы чувствуем, когда смотрим на произведения Шиле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берестовская Д. С.* История художественной культуры Западной Европы и США XX века. Симферополь: Ариал, 2011.
2. *Грин А.* Мертвая мать. Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. С. 333–361.
3. *Дени П.* Контрперенос в кадре и отклонениях. М.: ИОИ, 2020.
4. *Кандель Э. Р.* Век самопознания. Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала XX века до наших дней. М.: CORPUS, 2016.
5. *Кляйн М.* О теории вины и тревоги // Кляйн М., Айзекс. С. и др. Развитие в психоанализе. М., 2001.
6. *Кляйн М.* Психоаналитические труды. Ижевск, 2010.
7. *Крафт-Эбинг Р.* Преступления любви. Половая психопатия. М.: Родина, 2023.
8. *Кречмар Т., Гамбургер А.* Коучинг и супервизия. Психоаналитическое консультирование руководителей. М.: Класс, 2020.
9. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2015.
10. *Малер М., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2018.
11. Французская психоаналитическая школа: учебное пособие / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер, 2005. (Антология современного психоанализа.)
12. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл // З. Фрейд. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. / Под ред. М. Б. Аграчевой, А. М. Боконикова, Е. С. Калмыковой. Пер. М. В. Вульфа, Н. А. Алмаева. М.: «Фирма СТД», 2006.
13. *Фрейд З.* Три очерка по сексуальной теории. М.: ERGO, 2021.
14. *Фрейд З.* Сексуальность в этиологии неврозов. М.: ERGO, 2021.
15. *Фрейд З.* Мои взгляды в роль сексуальности в этиологии неврозов. М.: ERGO, 2018.
16. *Цвейг С.* Вчерашний мир. М.: Радуга, 1991.
17. *Шниц Р.* Психоанализ раннего детского возраста. М.: Канон+, 2019.
18. *Bernstein J. W.* (2000) *Psycho-Biography Revisited*. Fort Da.
19. *Boll-Klatt & Kohrs M.* (2014) *Praxis der psychodynamischen Psychotherapie*. Stuttgart: Shacttauer.
20. *Comini A.* (1973) *Schiele in Prison*. New York Graphic Society.
21. *Dabrowski M., Leopold R.* (1997) *Egon Schiele: the Leopold collection*, Vienna. Du Mont Buchverlag in association with The Museum of Modern Art, New York.
22. *Izenberg G. N.* (2006) *Egon Schiele: Expressionist Art and Masculine Crisis*. Psychoanalytic Inquiry.
23. *Knafo D.* (1991) *Egon Schiele's Self-Portraits: a Psychoanalytic Study in the Creation of a Self*. Annual of Psychoanalysis.
24. *Knafo D.* (1991) *Egon Schiele and Frida Kahlo – The self-portrait as mirror*. The Journal of the American Academy of Psychoanalysis.

25. *Knafo D.* (2009) Castration and Medusa: Orlan's Art on the Cutting Edge. *Studies in Gender and Sexuality*, 10 (3). P. 1–17.
26. *Krafft-Ebing R.* (2017) *Psychopathia Sexualis Avec Recherches Specialies Sur L'Inversion Sexuelle*. Create Space Independent Publishing Platform.
27. *Leopold R.* (1972) *Egon Schiele. Paintings – Watercolors – Drawings*. Munich: Hirmer Verlag.
28. *Lacan J.* (1979) The mirror stage as formative of the function of the I as revealed in psychoanalytic experience, in *Écrits*, A. Sheridan, trans., Norton, New York.
29. *Nebhay Christian M.* (1980) *Egon Schiele. Leben und Werk*. Salzburg: Residenz Verlag.
30. *Ogden T.* (2024) Giving back what the patient brings: on Winnicott's "Mirror-role of mother and family in child development". *The Psychoanalytic Quarterly*. Taylor & Francis, published online: 24 Jul 2024. URL: <https://www.tandfonline.com/journals/upaq20>
31. *Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Zamaraeva Y. S.* (2019) Three Paintings by Egon Schiele: Ideas About the Essence of Art. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. No 12.
32. *Roessler A.* (1948) *Erinnerungen an Egon Schiele*. Wien, Wiener Volksbuchverlag.
33. *Winnicott D.* (1971) Mirror-role of mother and family in child development. In *Playing and Reality*. New York, NY: Basic Books. P. 111–118.
34. *Whitford F.* (1981) *Egon Schiele*. London: Thames and Hudson.

The Psychoanalytical of the Paintings of Egon Schiele

A. O. Mityaeva, E. V. Olesova

Mityaeva Alisa O., psychoanalytically oriented coach.

Olesova Ekaterina V., psychologist, psychotherapist; member of the Russian Psychological Society, Association for the Development of Psychoanalysis and Psychotherapy (ECPP), International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO); certified coach of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting.

The one who creates art and the one who contemplates it, in a certain sense, exchange experience of living and perceiving different situations through the contact of their mental apparatuses. Egon Schiele – ambiguous, intriguing, striking ... Austrian painter and graphic artist, one of the brightest representatives of Austrian expressionism. His paintings capture the eyes, who are trying to see something more in the images.

The article explores the relationship between how the artist's personality was formed in the early stages of his life, and how this is reflected in his work, as well as how the viewer perceives the paintings of Egon Schiele. It is studied how creativity reflects the context in which the personality of the creator is formed, and how trauma is played through art, and how this trauma is transformed in time. Special attention is paid to self-portrait as a genre of painting, in which Schiele regularly wrote – self-portrait is seen as an attempt to form parts of the "I" that were deficient or destroyed at an early stage of the formation of the artist's personality. Through a self-portrait, the artist, as it were, re-creates himself, going through many stages, described in detail in this work.

The article may be of interest both for further study of the phenomenon of creativity through the prism of psychoanalysis, and from the point of view of new facets of the concepts of countertransference.

Keywords: art; creation; psychoanalysis; painter; «dead mother»; mirroring; self-portrait; countertransference.